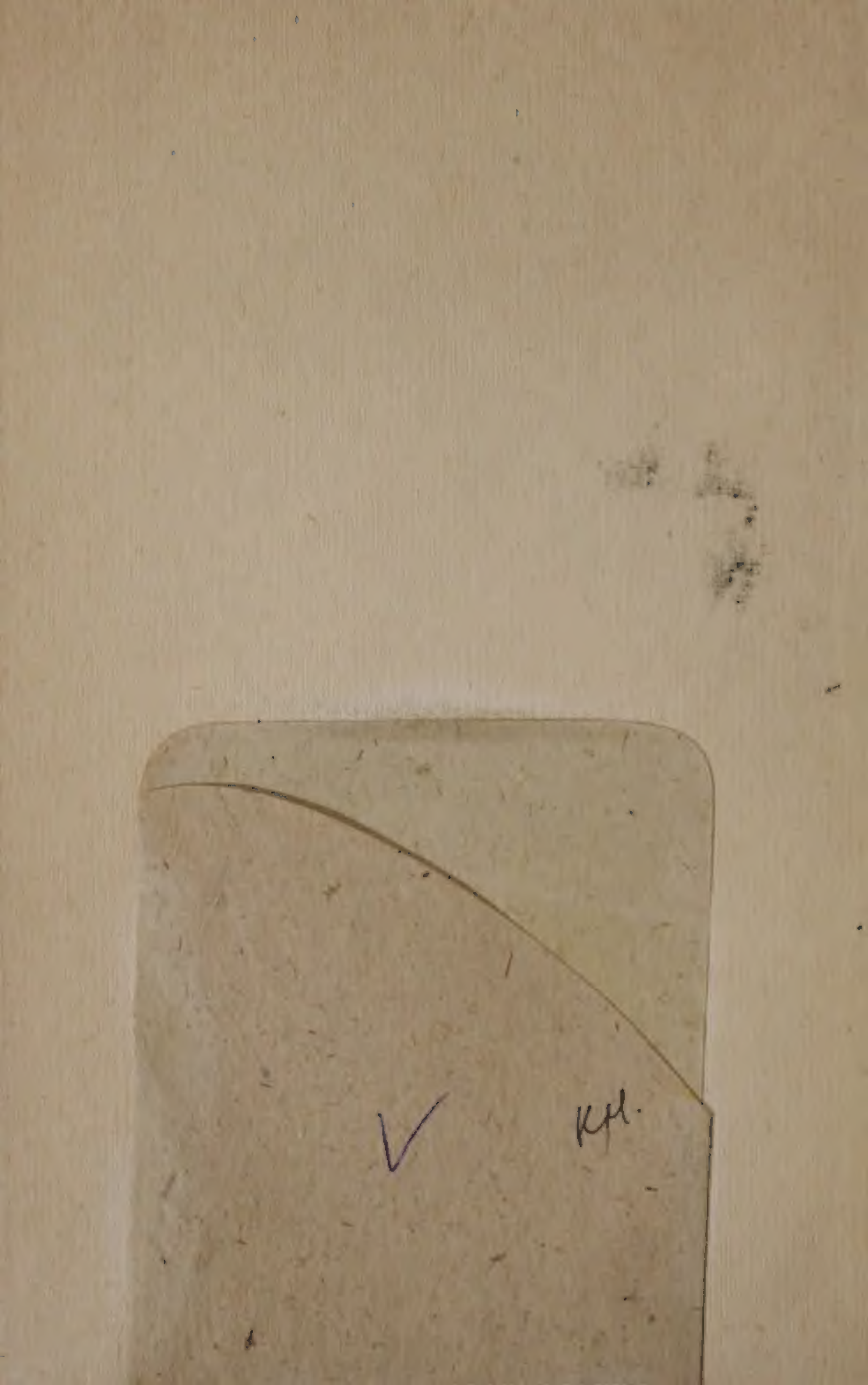
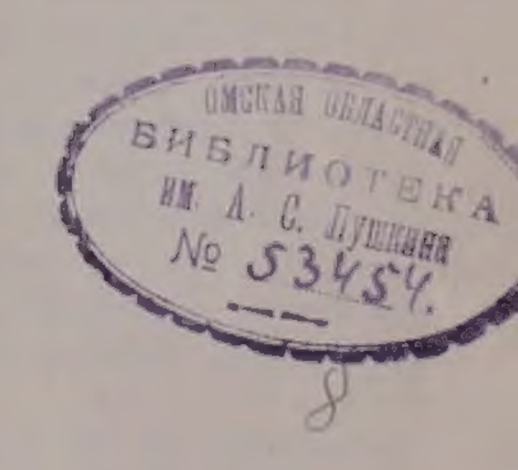

KH.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ КНИГИ, ДОКУМЕНТА, ПИСЬМА

Иван Федоров первопечатник

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1935 · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Февраль 1935 г.
Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик А. С. Орлов

В связи с исполнившимся 6 (16) декабря 1933 г. трехсотпятидесятилетием со дня смерти первого московского печатника Ивана Федорова Отделение общественных наук Академии Наук СССР организовало 18 декабря того же года торжественное заседание, посвященное памяти первопечатника и 350-летию русского книгопечатания. Программа заседания состояла из докладов, представленных как отдельными действительными членами Академии, так и сотрудниками ряда академических институтов. Кроме того, по предложению Отделения общественных наук с докладом выступил также проф. А. И. Некрасов (Москва).

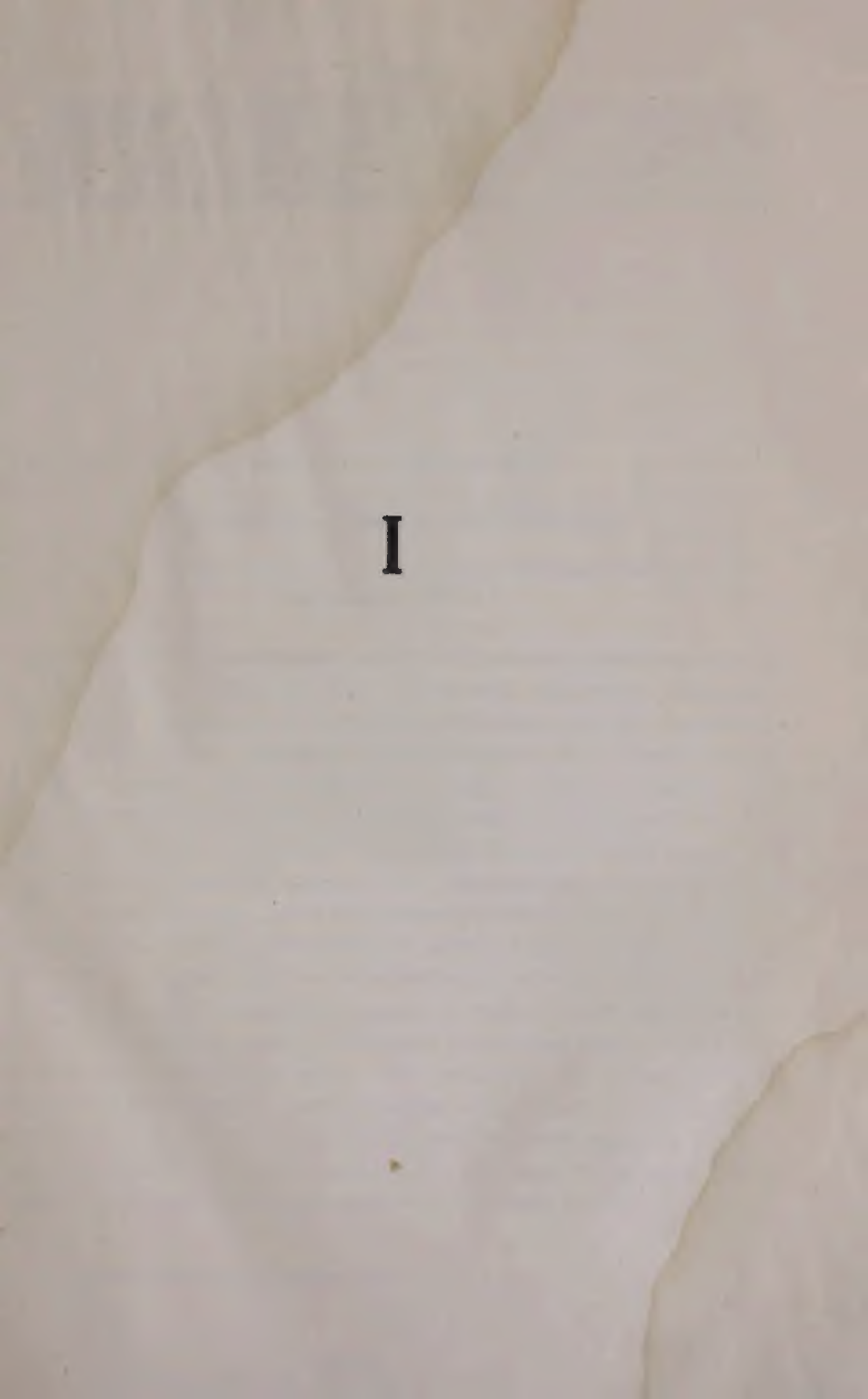
Настоящий сборник в основном состоит из прочитанных и намеченных к прочтению докладов. Кроме того, сюда включены работы сотрудников Института книги, документа, письма и аспиранта названного Института И. В. Новосадского, которые не могли быть прочтены на торжественном заседании 18 декабря, так как посвящены разработке главным образом отдельных проблем частного характера. В дополнение к основному статейному материалу сборника приобщены геральдико-генеалогическая справка проф. В. К. Лукомского о родопроисхождении Ивана Федорова, представляющая попытку разобраться

в неясном вопросе о гербе или печатном знаке Ивана Федорова, и обширная библиография Ивана Федорова, составленная А. П. Лебедянской.

Разнообразный по своему составу, по методологическим подходам авторов, по характеру отбора фактического материала для статей, настоящий сборник, тем не менее, обладает некоторым единством. Оно состоит в стремлении пересмотреть легенду об Иване Федорове и дать по мере сил, возможностей и наличия фактического материала очерк деятельности реально-исторического Ивана Федорова, человека своего класса, своей эпохи и идеологии. Не все печатаемые ниже работы выдержаны в духе марксистского понимания истории. Но право их на опубликование заключается в указанном выше стремлении в какой-то мере разрушить официальную легенду об Иване Федорове. „Разрушать [же] официальный обман, гипнотизировавший ряд поколений, — по слову М. Н. Покровского, — всегда дело полезное, — между прочим, именно с точки зрения материалистического понимания истории: нигде исторический идеализм не чувствует себя так уютно, как под благодетельным покровом этого обмана".

Настоящий сборник подготовлен к печати Отделом книги Института книги, документа, письма.

●

I

Акад. А. П. КАРПИНСКИЙ

ПАМЯТИ ИВАНА ФЕДОРОВА

Речь на торжественном заседании памяти Ивана Федорова 18 декабря 1933 г. [1]

Когда было изобретено искусство книгопечатания, едва ли кто-либо предвидел, как гениально сделанное открытие. Оно родилось в процессе обычных трудов ремесленника эпохи позднего средневековья. Но, претворенное в жизнь, оно приобрело сразу такое значение, что гениальность этого открытия стала несомненной. То, что писалось от руки на папирусе, пергамене и ином материале, часто в одном лишь экземпляре, — подвергалось либо полному, либо частичному уничтожению, либо опасности такого уничтожения. Мы не знаем и едва ли будем когда-либо знать, какое именно количество рукописных книг погибло на земле, какие сокровища науки и искусства исчезли вместе с ними. Благодаря книгопечатанию, благодаря его чрезвычайно широкому распространению, все хорошее, что было создано человеческим умом, — все остается закрепленным в печатных знаках и распространяется лучше, чем при помощи какого-либо другого искусства, распространяется во многих тысячах экземпляров и будет жить еще целые века, если нельзя сказать, —

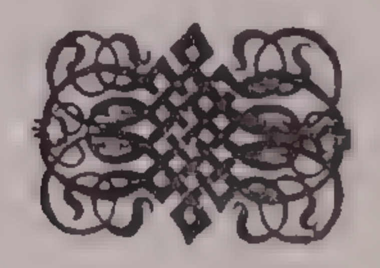
---

[1] Печатается по живой записи. *Ред.*

всегда. Такого всеобъемлющего социально-политического значения, какое имеет книгопечатание, можно сказать, ничто не имеет. Изобретение книгопечатания можно считать, таким образом, моментом в высшей степени важным для культуры.

Перенесение книгопечатания в Москву имеет для нас особое значение. Мы должны рассматривать этот исторический момент как определенный и очень важный этап в развитии русской культуры. Заслуга Ивана Федорова лишь сейчас, когда наша страна гигантскими шагами идет по пути культуры и выходит на первое место по численности и характеру своей книжной продукции, лишь сейчас заслуга Ивана Федорова может быть оценена в полном объеме и по достоинству.

Почтим же память этого деятеля, много перетерпевшего в жизни за свое доброжелательство, за свои труды, за свою неустанную энергию и фанатическую преданность своей идее.

Акад. А. С. ОРЛОВ

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ПЕЧАТАНИЯ В МОСКВЕ

В настоящей статье мы не имеем в виду сообщения чего-нибудь неизвестного, намереваясь только некоторые факты истории XVI в. согласовать с фактом введения в Москве книгопечатания. Из фактов истории XVI в. мы привлечем, главным образом, такие, которые относятся или к организации памятников книжности или к деятелям литературы того времени. По нашему мнению, есть необходимость дать какое-то звено между отвлеченными оценками явлений XVI в., которые соединяются с книгопечатанием, с одной стороны, и между узкими биографическими данными, с другой. Узкими биографическими данными являются, скажем вперед, имена Ивана Федорова и Петра Тимофеева, которые при воспоминании о 350-летии русской печати выступают на первый план в некоем одиночестве. Эта биографичность нуждается в ослаблении своей ограниченности.

Прежде всего, следует остановиться на некоторых книжных предприятиях обобщающего характера. И, думается, что обзор их следовало бы начать даже с конца XV в., как начальной стадии развивающегося абсолютизма. Обобщающим предприятием исхода XV в. является „Геннадиевская“ Библия. Кодекс библейских

книг подвергся здесь определенному пересмотру и дополнению, и, так или иначе, эта книга наново установила состав и объединила отдельные части сборника, который называется Библией. Если мы обратим внимание на то, как она изготовлялась, то убедимся в величине этого предприятия: здесь брались старые тексты, отыскивались всюду, сюда присоединялись переводы с немецкого, переводы с латинского. Над составлением библейского кодекса работали попы и церковные дьяки самых ответственных частей Новгорода, а сверх того и иноземцы, под руководством самого архиепископа Геннадия. Это было очень серьезное предприятие, и не одного Геннадия, хотя книга называется Геннадиевской Библией, и проходило оно как бы в некоей „мануфактуре". Тут были и переводчики и редакторы, потому что приходилось согласовывать тексты, полученные из разных мест и разных книг. Правда, работа не была сделана вполне начисто, но во всяком случае с достаточной степенью чистоты.

Всем известно, конечно, что Геннадий — московский ставленник, и думаем, что данное обобщающее предприятие не было плодом центробежной тенденции Новгорода. Предприятие это мы считаем не краевым, а центральным. Оно ясно указывает на выражение того абсолютизма, который в конце концов с наибольшей остротой сказался в Иване IV. Таково первое предприятие из привлекаемых нами.

Второе и другие предприятия — это уже детища XVI в. Явлений, характерных для абсолютизма, можно указать много — мы берем явления литературные, опуская, например, такое объединение, как канонизация русских святых. Это тоже нечто обобщающее и унифицирующее феодальный разнобой; где-то в разных краях, в разных феодальных углах, по разному справляли памяти посредников с божеством, молились местным отдельным богам, иногда враждебным друг другу, и вот в конце концов это объединяется в обязательном русском олимпе, и зарождаются определенные, стилистически похожие друг на друга жития. Здесь уже начинается деятельность митрополита Макария, поставленного Москвою сначала Новгородским архиепископом, который, как известно, затеял еще бо̀льшее предприятие, закончившееся в 50-х годах XVI в. — собрание Четьих Миней, т. е., как он пишет, „собрание всех книг, чтомых на Руси".

Начал Минеи Макарий в Новгороде, а закончил в наиболее полных и выразительных экземплярах в Москве: имеем в виду список „царский“, сделанный в 53-м году для царя, и список Успенский, положенный в 52-м году в Успенском соборе на память о родных.

Поражающие своим объемом Макарьевские Минеи вообще представляют собой нечто значительное: они писались в таком формате, в каком ни одна из обычных книг, сколько бы торжественна она ни была, не писалась. Бумага была подобрана единообразно и роскошно.

Писались Макарьевские Минеи многими писцами, причем дело сопровождалось сложными поисками текстов. Что денег было истрачено на это немало — Макарий сам говорит; что была чрезвычайно серьезная редактура не только для исправления древних и необычных „пословиц“, видно из его же слов. И если обратим внимание на единообразие каждого из этих 12 громадных томов, на художественную согласованность, на каллиграфическую однотипность, на следы редакторской заботливости, то убедимся, что это тоже своего рода целая „мануфактура“, — это не Минеи Макария, а коллективная работа многих, и даже трудно сказать, в какой степени территориального разобщения работали ее работники.

Третья мастерская — Никоновский Летописный Свод. Никоновскому Своду, к которому теперь переходим, могли бы быть предпосланы еще два явления — Домострой и Стоглав. Домострой и Стоглав могут быть привлечены только как бытовые обобщающие предприятия, в особенности Стоглав, где целый ряд противоречивых и разного вида местных обычаев и явлений объединяется в одной форме, обязательной для всей Московии, для той монархической Московии, наиболее выразительным лицом которой является Иван IV.

Ограничившись в этом отношении сказанным, остановимся на Никоновском Своде. Никоновский Летописный Свод заключает в себе несколько объемистых томов, причем один из его экземпляров („лицевой“ Никоновский Свод) был иллюстрирован тысячами картин. Тома Свода не все одного выпуска, одного издания, но все-таки наибольшая их часть относится, так сказать, к одной полосе времени. Они имеют, как не раз

было уже указано, одну определенную тенденцию: мировой процесс описан здесь к выгоде царя Ивана, его Москва является конечным результатом истории, и этот конечный результат истории считается незыблемым до последнего момента миростояния. Громадное количество иллюстраций этой официозной летописи, изящество, каким эти иллюстрации отличаются (в особенности в знаменитых хронографах Исторического музея и Академии Наук, содержащих древнюю историю мира), указывают на ту же самую „мануфактуру", очень сложную, где эти вещи исполнялись, с привлечением сотрудников разной специальности.

Никоновский Свод исполняли царские писцы, царские живописцы. И одним из редакторов сначала был любимец Ивана Грозного Алексей Адашев, а затем думный дьяк Иван Михайлович Висковатый. Следы редактуры и цензуры сохранились на многих листах этой летописи. Это замечательное предприятие было при Грозном одним из последних и окончательно завершилось не в первой половине века, а во второй, и даже не в первом ее десятилетии. Геннадиевская Библия, вероятно, выполнялась не менее 10 лет, Макарьевские Минеи — свыше 20 лет, и Никоновский Свод также занял лет 20.

К числу обобщающих предприятий относится и книгопечатание. Данное предприятие, так же как и перечисленные, унифицирует явления той области, к которой оно принадлежит. В экономном речевом обиходе все эти предприятия, или большинство из них во всяком случае, имели привычным заголовком персонального руководителя — в одном случае Геннадия, в другом — Макария, который стоял во главе и Степенной книги. Действительно, это были главные руководители и организаторы дела. А что касается первопечатного Апостола, то по его Послесловию выходит так, что у Ивана Васильевича Грозного появилась мысль, эту мысль одобрил митрополит Макарий, как дар, сходящий свыше, а потом уже выполняли это дело Иван Федоров и Петр Тимофеев, один москвитин, другой — мстиславец, один дьякон, а другой — неизвестно кто.

Чрезвычайно интересной является обстановка, в которой родились крупные книжные предприятия XVI в.

Припомним, прежде всего, что по поручению Макария в 1537 г. еще Василий Михайлович Тучков, из боярских детей (в будущем

неудачливый дружка на свадьбе Ивана Грозного), переработал житие юродивого Михаила Клопского, сделав из феодальной, краевой редакции наиболее приемлемую абсолютистской пышностью новую редакцию, причем воспользовался между прочим переводом Троянской истории Гвидо де Колумна.[1] Новгородский летописец выразил свое удивление перед тем, как: „от многоценные... царские палаты сей храбрый воин, прежеписанный Василей светлое око, и всегда во царских домех живый и мягкая нося и подружие законно имея, и селика разумия от господа сподобися“ (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 301).

Известно, что Иван Васильевич проявил себя самым настоящим писателем, который имел в своем литературном обиходе разные стили. Писал ли он в Кирилло-Белозерский монастырь, князю ли Андрею Курбскому, или Ваське Грязному, везде выявлял себя опытным и литературно образованным человеком. Источники его посланий к Курбскому не в достаточной степени определены, но, во всяком случае, чувствуется большая начитанность. Едва ли не его воздействию следует приписать то, что его сын, Иван Иванович, составлял жития.

Андрей Михайлович Курбский, племянник В. М. Тучкова и сверстник царя, сражавшийся с ним под Казанью, был, пожалуй, литератором более искусным, чем царь Иван. Макарий митрополит, безусловно, и сам был литератором (но очень осторожным) и умело руководил писаниями других. Руководитель Ивана Грозного, благовещенский поп Сильвестр, показал себя также большим литератором.

Вокруг Ивана Грозного в самой верхушке было много представителей книжного образования и литературного уменья.[2] Думаем, что иначе трудно объяснить появление вельможных историков начала XVII в., писавших такие складные повести

---

[1] В письме к Курбскому 1564 г. Иван Грозный тоже цитирует „Троянскую историю“: „а не яко же ты, подобно Антенору и Энею, предателем Троянским много соткав лжеши“.

[2] Например, Курбский упоминает в числе княжат, побитых Иваном, Александра Ярославова и князя Владимира Курлетова, которые были искусны в книжном разуме. Припомним еще князя Г. И. Токмакова, писавшего о Выдропускской иконе.

как, например, стилистически оригинальная повесть князя Катырева-Ростовского.

Следует упомянуть еще одно лицо, которое хотя и засиделось в узилище, но уже в 50-х годах XVI в. это узилище было в значительной степени ослаблено, стало „домашним арестом" — разумеем Максима Грека. То, что он был очень образованным человеком, что он переслушал лучших профессоров в лучших университетах северной Италии — это всем известно, равно как и то, что он донес до нас веянья Западной Европы эпохи Возрождения.

Книжное общение Максим Грек имел и с самим царем и с его другом Адашевым, который пересылался с Максимом греческими книжками; затем имел общение с Макарием и Сильвестром. То, что Сильвестру принадлежали греческие книги — это тоже свидетельствует о его сношениях с Максимом. Судя по посланиям Максима, все три последних лица его „жаловали", были компетентными читателями его сочинений, в особенности Сильвестр, которого он называет „многоученым".

Вот какой интересный кружок был вокруг Ивана Васильевича уже во время его юношества, т. е. в 40-х годах, когда Макарий пришел в Москву и стал митрополитом, а Сильвестр — кремлевским попом.

Особое внимание обращает на себя следующий факт. В своей Истории о великом князе Московском А. М. Курбский пишет, что у Ивана Грозного было две половины в его царствовании: первая — когда он являлся в глазах Курбского добрым государем (до 1560-х годов), и вторая половина, когда он оказался тираном, кровопийцей. По Курбскому, Иван Васильевич в ранней юности много безобразничал, жил непорядливо, не смирял своих низменных инстинктов. И вот в конце концов близкие к Ивану придумали его остепенить, и в числе этих лиц Курбский называет в первую очередь Сильвестра, затем Алексея Адашева и наконец Макария. Эти люди, с присовокуплением некоторых „предобрых и преподобных мужей", собирают еще „советников" старых и средовечных, благочестивых и храбрых, „и тех и иных в военных и в земских вещах искусных, и сице ему (Ивану) их в приязнь и в дружбу усвояют, яко без их совету ничесоже устроити или мыслити. И нарицались тогда оные со-

ветницы у него избранная рада". Так образовалась „избранная рада", т. е. не вся Боярская Дума, которая и раньше функционировала, но какие-то отборные люди, по преимуществу из бояр, во главе которых стояли такие книжники, как Сильвестр и Макарий, а также Адашев, будущий редактор Никоновского Летописного Свода; все трое — корреспонденты Максима Грека.

Мы пока не в состоянии перечислить бояр, да и не только бояр, входивших в состав „рады" (мощные купцы-церковники, представители слагающейся московской бюрократии, представители поднимающейся служилой массы), — объединенных интересом укрепления абсолютизма. Там были представители разных классовых интересов, были и теоретики, были и практики — но для того, чтобы говорить о степени их книжности и даже персонально их переименовывать, надо еще предпринять особую работу, так как ни показания Курбского, ни летописный эпизод трехдневного придворного „мятежа" 1553 г. во время болезни Ивана Грозного точных данных не представляют.

Как бы то ни было, к тому же царскому совету следует считать прикосновенным и Максима Грека. Вспомним сообщение Курбского о том, что когда Грозный ехал в Кирилло-Белозерский монастырь, он заехал к Троице-Сергию и долго беседовал там с Максимом, причем тот с ним разговаривал не без укоризны, а вспыльчивый Иван вел себя с ним почтительно. Затем известно, что постановления Стоглавого Собора и Собора о еретиках на рецензию посылались и к Максиму Греку.

В какой степени в „избранной раде" участвует Курбский — трудно сказать, потому что он был тогда очень молодым человеком. Если в ней действовал еще юношей Иван Васильевич, это естественно, а чтобы Курбский там деятельно участвовал — сказать затрудняемся. Но, во всяком случае, Курбский имел личное отношение к Максиму Греку, был почитатель и его и Макария с Сильвестром.

Полагаем, что „избранная рада", которая образовалась в конце 40-х годов, решала целый ряд вопросов, и не только по политической линии. Так как там было порядочное количество книжников и образованных людей, имевших контакт и со сторонними деятелями (Максим Грек), то мы и полагаем, что в этой именно „избранной раде" и образовалось большое количество

идей тогдашнего культурного строительства, среди которых была и та, которая выразилась в книжной печати, во введении монопольного книгоиздательства. В комплексе учреждений, оформлявших задания совета избранных, очевидно, занимала важное место организация, которая в XVII в. называлась „мастерской палатой", частью которой в конце концов явился „дом..., идеже печатному делу строитися". Данный производственный комплекс существовал при раде так же, как существует, например, современное сложное книгоиздательство (при президиуме, скажем, Академии Наук), - конечно, mutatis mutandis и со всеми соответствующими коррективами в сторону эпохи.

Итак полагаем, что появление первопечатных книг в Москве — это была одна из идей, возникшая в правительственном кружке Ивана Грозного, причем этот кружок действительно имел в своих руках ряд культурных предприятий.

Возьмем, например, одно: в 1547 г. сгорел Благовещенский собор, его надо было переписать наново; иконы и фрески были возобновлены. В реставрации принимал большое участие, конечно, Макарий — он сам был живописец и имел все права быть редактором всей этой живописи. Затем там принимал участие Сильвестр - благовещенский поп, созывавший и выбиравший мастеров иконников и заказывавший им сюжеты. И вот, для собора нарисовали такие образа, что один из министров Ивана Грозного, дьяк И. М. Висковатый, пришел однажды в этот Благовещенский собор и громогласно заявил: все не так, все еретическое. Подал и письменное заявление - донос на Сильвестра в том смысле, что разве можно невидимое изображать видимым, разве могут быть такие символы, какие там изображены вопреки старым иконописным традициям. Макарий ему сказал одно: занимался бы ты лучше своим делом, не разроняй вот свитки, которые ты держишь. Его соборно судили в 1554 г., и он с трудом выпутался из этой истории.

Д. А. Ровинский и Ф. И. Буслаев, анализируя эти новые фрески Благовещенского собора, пришли к заключению, что некоторые из них были написаны по схемам Чимабуэ и Перуджино. Конечно, возможно оспаривать такое именное приурочение. Но буслаевские построения в области старого искусства

Дѣяния святыхъ апостолъ, списание святаго апостола Луки евангелиста

Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ . зач. а
о Ѳеофиле . о нихже начатъ Iисусъ тво
рити же и учити . до негоже дне,
заповѣдавъ апостоломъ духомъ святымъ .
ихже избра вознесеся . предними же
и постави себѣ жива по страдании
своемъ . во мнозѣхъ истинныхъ знаме
ниихъ . днеми четыредесятьми явля
яся имъ и глаголя яже о царствии божии . сни
ми же и ядыи , повелѣваше имъ отъ иерусали
ма не отлучатися . но ждати обѣтование
отча , еже слышасте отъ мене . яко иоаннъ
убо крестилъ есть водою . вы же имате кре
ститися духомъ святымъ , не по мнозѣхъ
сихъ днехъ . они же убо сшедшеся, вопрашаху
во святую и великую недѣлю пасхи . и на вознесение

Заглавный лист Московского Апостола 1564 г.

являются ведущими и по сие время, и если Ф. И. Буслаев уловил там влияние эпохи Возрождения, то он имел на это, вероятно, большие основания.

Нет сомнения, что реставрация Благовещенского собора обсуждалась не полным составом Боярской Думы — не представляем себе, что вся масса бояр, княжат и всяких вольных и невольных представителей правившей верхушки обсуждала вопросы реставрации кремлевской живописи — обсуждала их „избранная рада“, и ее участники руководили воплощением ее идей. Связана ли живопись Сильвестра с Максимом Греком, с его итальянизмом, затрудняемся сказать; советывались ли с ним? Можно только напомнить, что у Максима Грека есть статьи, которые посвящены иконописанию, и указать на пластичность его образов, например, в „Слове о нестроении и бесчинии царей и властей последнего жития“, где он передает свою беседу с почтенной женщиной, которую во вдовьем наряде застал сидящей при дороге. И вот, жесты, интонация художественная, с которой он все это описывает, показывает его ориентированность в изобразительном искусстве и большой эстетический вкус. И нет невозможного в том, что Максим Грек обсуждал сюжеты и их художественное выполнение в Кремлевском соборе и палатах.

Что мысль и вопросы книгопечатания много раз обращались в суждениях „избранной рады“ и ее консультантов, нам кажется необходимым, и нисколько не было бы удивительно, если бы нашлись такому предположению реальные доказательства. Максим Грек с юных лет был близок к книгопечатанию. Нам известно, что он ходил к Альдо Мануччи „книжным делом“, но, конечно, не как член экскурсии любопытных или праздный посетитель ходил он к нему, а как ученый к ученому.[1]

---

[1] Послание Максима Грека к какому-то „князю“ Василию Михайловичу [если „князь“ обмолвка, то может быть к В. М. Тучкову-Морозову] относительно типографской марки на изданиях Альда Мануччи: „Велел еси мне, княжь, государь мой, Василий Михайлович, сказати тебе, что есть толк знамению, его же видел еси в книзе печатней. Слыши же внятно: в Винцдии был некый философ, добре хытр, имя ему Алдус, а прозвище Мануциус, родом Фрязин, отечеством римлянин, ветхого Рима отрасль, грамоте и по римьскы и по греческы добре горазд. Я его знал и видял в Винеции, и к нему часто

Вообще к книжному делу он имел касательство не только внешнее.

Если мы развернем в первопечатном Апостоле Послесловие, то поразимся его редкостной складностью, его литературным стилем: там все умеренно, все обладает наибольшим тактом — и цитация и само изложение — как-будто бы сделано для гравировки на монументальном памятнике. Все содержательно, строго, просто, точно и ничего лишнего.

Едва ли Иван Федоров или Петр Мстиславец могли составить текст такого замечательного Послесловия. Не принадлежит оно и Афанасию, который был митрополитом после Макария; в литературном отношении он был неизвестен.

Строгая официальность тона как будто позволяет здесь видеть творчество митрополита Макария, осторожные послания которого не противоречат стилю Послесловия. Впрочем, подобный текст мог заготовить и Сильвестр.

На Ивана Васильевича стиль Послесловия никак не похож. Если взять, например, его речь перед Стоглавым Собором, она иначе построена, у него было особое отношение к изложению, даже торжественному.

Итак, мы решаемся приписать заготовку Послесловия, т. е. его основной текст, или митрополиту Макарию или попу Сильвестру, скорее, однако, Макарию. Любопытно совпадение одной фразы Послесловия с подобной у Максима Грека. Послание к отцу Ивана Грозного Максим начинает так: „Всяко даяние благо и всяк дар совершен, свыше есть сходя от отца светом, богодухновенное писание учит ясне". Сравним в Послесловии ответ Макария царю, „яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ". К сожалению, это — литургическая цитата, и потому мало показательна.

В этом Послесловии есть „опечатки". Одна из этих опечаток: вместо страны „фрягов" называется „Фригия", которая не имеет ничего общего с мыслью составителя Послесловия. Впрочем, эти два имени смешивались даже в греческих текстах.

———

хаживал книжным делом; а я тогда еще молод, в мирском платие". Далее идет нравоучительное объяснение символического знака на Альдинских изданиях. Библиологический словарь и черновые к нему материалы П. М. Строева, стр. 205—207. Иконников, Максим Грек[2], стр. 134—135, 527, 576—577.

может быть, как отзвук предания о троянском (фригийском) происхождении франков (см. А. Н. Веселовский. К вопросу об источниках Сербской Александрии. Журн. мин. нар. просв. 1884 г., сентябрь, стр. 77).

В Послесловии есть и вторая „опечатка"; там напечатано, что изыскивать стали мастерства печатных книг в 1553 г., в 30 лето царствования Ивана Васильевича. Но 30 лето царствования Ивана падает на 1563, а не на 1553 г.; смешать „кси" (60) с „он" (70) (по счету от сотворения мира — 7061 и 7071 г.) графически не возможно. Мы убеждены, что 1553 г. — не опечатка; тогда действительно начали отыскивать мастеров печатного дела, начали искать предшественников Ивана Федорова и Петра Тимофеева, или их самих. Что же касается 30 лета, то это есть позднейшая обмолвка, корректурное подравнение к следующим датам Послесловия, которые говорят о том, что самое печатание книги началось в 63-м году и исполнено было в 64-м году.

Отнести основной текст Послесловия к 50-м годам XVI в. позволяет, пожалуй, еще и то, что заведение печати связывается в нем особенно с наиболее выдающимся эпизодом захватнической колониальной политики Московского правительства — именно с обрусением „новопросвещенного места", града Казани и его пределов. Конечно, такая мотивировка была действительна и через 10 лет после завоевания Казанского царства, но все же подчеркивание освоения этой территории уместнее отнести ко времени ранее 1563 года.

Не останавливаясь долее на тексте Послесловия, напомним, что 50-е годы XVI в. были годами наибольшего развития идей культурного строительства. В 50-м году издан Судебник, в 51-м году состоялся Стоглавый Собор; потом в 1552 г. произошло взятие Казани; после взятия Казани в 53-м году Иван Васильевич тяжело хворал, но все же именно в этом году, очевидно, решался им вопрос о введении книгопечатания, как средстве избежать феодальной несогласованности и несовершенства рукописных книг, писавшихся в разных областях, разными писцами, с отражением разных диалектов русского языка, с неоднородной и недостаточной граматичностью и сохранностью текста. Уже на Стоглавом Соборе вопрос об этом был поднят большими грамотеями, которые, мало того,

что обращали внимание на общую неисправность книг, но говорили даже о „непрямой точке". То есть указывалось в то время, что и орфографию, в том числе внешнюю, нужно унифицировать.

Нам кажется, что таким образом дата 1553 год — является подходящей для того, чтобы считать ее началом работы по организации этой „мануфактуры", мастерской, приказа и т. д. словом, той организации, которая предполагала в своем результате выпуск книг в печать.

Дело подошло к осуществлению, может быть, уже в конце 50-х годов. Тут было несколько проб, мастерская в тесном смысле уже работала, нащупывая пути наилучшего выполнения этой работы. Судя, например, по иллюстрациям, работали очень разборчиво, добиваясь наиболее выразительного результата, который официально вышел из печати лишь в 1564 г. Ведь известно несколько безыменных печатных книг до первопечатного Апостола, и сверх того в собрании Московской Типографской библиотеки есть рукописное Евангелие XVI в., где оттиснуты печатные заставки, но иного типа, чем те, которые появлялись в первопечатном Апостоле и в его печатных предшественниках. Значит, царская мастерская палата работала долго, и лишь в результате этих работ появился в 1564 г. Апостол, с официальным Послесловием.

Если возьмем рукописи XVI века, близкие по времени к первопечатному Апостолу, то увидим, что, несмотря на их тщательность, орфографическая система проводится с некоторыми дефектами и отступлениями, в особенности если рукопись объемиста и выполнена разными писцами. В первопечатном же Апостоле та же в общем орфография проведена с наибольшей систематичностью, действительно как система, выполненная с наибольшей тщательностью — и в орфографии и в графике.

Самым красивым полууставом, который нам приходилось видеть, и в то же самое время обладающим большой содержательностью и художественным тактом, является именно полуустав, приближающийся к половине XVI в. Эта смелость в написании букв, их щеголеватость и четкость к тому времени уже образовалась, что видно уже по письму самого Макария, который был одним из каллиграфов своего времени.

К орфографическим вопросам XVI в. мы подходили в свое время таким образом. Сравнивая Коншинский список Домостроя со списком Общества истории и древностей между собою и сличая оба эти списка XVI в. со старопечатными книгами, мы наблюдали общее их сходство особенно в необычной для русского уха постановке ударений. Чтобы выяснить некоторые приемы в акцентовке, пришлось обратиться к грамматике болгарского языка. В Коншинском списке исхода XVI в. орфографическая система оказалась уже несколько нарушенной, в списке Общества истории, старшем Коншинского лет на 20—25, вариант той же орфографической системы был более выдержан, но в последовательном проведении уступал орфографии первопечатных книг (см. наши исследования о Домострое). Эта орфографическая система еще в XV в. к нам пришла от южных славян, где была выработана в виде граматик, которые затем в достаточной степени обрусели и плотно прижились на русской почве.

В числе пропагандистов русского варианта орфографической системы, которая наиболее четко выражена в первопечатных Московских книгах, следует назвать митрополита Макария. Ему, скорее всего, принадлежит замечание на Стоглавом Соборе о том, что писцы пишут книги „с неправленых переводов, а написав не правят, опись к описи прибывает и недописи и точки непрямые“. „Точки“ — это сложная система надстрочных и строчных знаков, введенная к нам югославянской орфографией. Думаем, что данную систему поддерживал и Максим Грек, поскольку такая графика в основе шла от греческой. Есть предположение, что Максим уже на Афоне читал болгарские книги и приехал в Москву со знанием болгарского языка. К 50-м годам, он, конечно, уже хорошо ориентировался в русском языке и письме и, как ученый, организованный западной школой, он был сторонником последовательного проведения граматических норм в русских книгах. А это и было осуществлено наиболее четко в печати Московского Апостола.[1]

---

[1] Об интересе Максима Грека к вопросам граматики свидетельствуют некоторые его статьи и граматические труды его учеников и позднейших почитателей. Предполагают, например, что со второй половины XVI в. под влиянием Максима и его учеников вошла в преподавание граматика Иоанна Дамаскина. В. С. Иконников. Максим Грек и его время, 1915, стр. 582—584, 176—187.

Возьмем самый Апостол. Достаточно поглядеть на его заставки, на их стиль, совершенно неизвестный ранее в России, на их разнообразие и на их необычность, чтобы внимание, и очень большое, обратилось на эту книгу. Составители иллюстративной части книги совершенно не стеснялись в изобретении и в количестве рисунков, прямо роскошествовали: они могли бы повторять свои заставки, ставить одни и те же, как это часто бывает; вместо этого они дали целую серию заставок и узорных букв. Мало того: крупные отделы они возглавляли роскошной заставкой, широкой и полной цветов и плодов, а мелкие части книги, второстепенные, снабжали более простыми лентами травного и цветочного орнамента. Итак, орнаментация была поставлена чрезвычайно широко.

Если вглядеться в гравюру Первопечатного Апостола — евангелиста Луку, то окружающая эту фигуру рамка с выпуклыми колоннами вызовет впечатление архитектуры эпохи Возрождения, и подробности ее рисунка напомнят архитектурные украшения, которые имеются в италорусских соборах Московского Кремля и, как блестяще доказал А. И. Некрасов, соответствуют деталям дворцов Венеции и Флоренции.

Посередине рамки как будто традиционная, в общем привычная нам, фигура, так как и на Западе и в Византии в изображении евангелистов имеется сходство, благодаря разным историческим взаимодействиям. Но некоторые ее части, некоторые ее признаки заставили искусствоведов искать ее источников в немецкой Библии. Не претендуя на компетентность в данной области, скажем только, что реализм фигуры указывает и нам также искать ее источников на Западе.

Смешение итальянской и немецкой стихии есть во многих книгах, между прочим есть и в немецком печатном Домострое 1542 г., где германская ксилография смешивается с итальянской манерой рисунка и где итальянский оригинал сказывается в самом тексте немецкого Домостроя, который полон итальянскими словами. И в Московском Апостоле 1564 г. ощущаются две стихии: рамка эпохи Возрождения итальянского типа, а фигура евангелиста как будто заимствована из немецкой графики.

И далее, не претендуя на ве́дение искусства, не видевши соответствующих альбомов, на основании которых можно

было бы дать более основательное суждение, позволим себе, однако, обратить внимание на стиль самих заставок; в них не только листья и цветы, но и жесткие стебли, бутоны с каким-то жестким заострением.[1] Вопрос, не ведет ли изображение в типе такого „бурьяна", вместо букета, к поздней немецкой готике.[2]

Не будем спорить с иными, конечно, более авторитетными объяснениями этого стиля, но, во всяком случае, это не русское производство. Нет ни одной славянской рукописи до 60-х годов XVI в., в которых такая манера была бы обычна. Ведь, что мы обыкновенно встречаем в рукописях с XV в.? Встречаем возрождение византийского или старо-болгарского рисунка; ремневое плетение, нежные травы и цветы; видим всего чаще геометрические заставки, состоящие из кругов и четырехугольников, своеобразно раскрашенных, которые идут от южных славян XIV—XV вв. Но вот эти букеты, такие жесткие — не сад, а чертополох — этого на славянской почве не встретим до наших первопечатных книг. Нам кажется, это тоже указывает на участие какого-то чужого художества, которому не так легко найти оригинал, другими словами, здесь предполагается какая-то сложная художественная ма-

---

[1] Эта форма бутона встречается у сорного растения, которое называется у ботаников: „бодяк или чертополох ланцетный" (Cersium lanceolatum Scopoli).

[2] П. Н. Берков указал нам на Эргарда Шена, крупнейшего теоретика граверного искусства первой половины XVI века. Шен выпустил книжку, которая называется „Underweisung der Proportion und Stellung der Bossen, legent und stehent, abgestolen, wie man das vor Augen sihet... für die jungen Gesellen u. s. w." Книга вышла в первом издании в 1534 г., во втором — в 1561 г., в третьем — в 1565 г. Эта книга имеет целый ряд образцов, целый ряд примеров, которым рекомендуется подражать. В том числе, насколько пока удалось установить, там имеется и образец рамки, приложенной к Иисусу Навину в немецкой Библии Пейпуса, на которой базируется А. Н. Некрасов в суждении об источниках гравюры первопечатного Апостола, и базируется, по мнению П. Н. Беркова, неосновательно. Эта работа Эргарда Шена, которая была издана вторично в 1561 г., вероятно, известна была в Москве. Если бы удалось получить эту работу Шена, возможно там нашлись бы и заставки, которыми мы так восхищаемся в Апостоле, потому что это был единственный учебник в области искусства — никаких других граверных учебников не было. Книга Эргарда Шена, по мнению П. Н. Беркова, была единственным пособием, имевшимся в распоряжении московских мастеров. Эргард Шен суммировал опыт как немецкого искусства, так и итальянского.

стерская, которая, может быть, на русской почве приобрела особый вид.

В буквенном тексте Апостола также нет экономии. Нас не удивило, когда в 1773 г. ученый Цаннони издает в Польше замечательный географический Атлас на магнатские средства, где через каждую страницу встречается гравюра, где предисловие отгравировано курсивом с многочисленными дублетами букв, — это нарочно сделано для того, чтобы издание поражало своей роскошью. В оформлении первопечатного Апостола в известной степени наблюдается то же щедрое, но более строгое отношение; в нем также дублируются буквы и не только в зависимости от орфографических требований (напр. широкое и узкое „о", зело и земля, ꙃ и д, и и і), но и без видимой необходимости, — например, два строчных „д".

Рисунок букв Апостола до последней степени привлекателен своей естественностью, симметрией и размером букв и интервалов между ними, каллиграфической смелостью и четкостью — одним словом, все заставляет восхищаться этим первым опытом печатания. Бумага французская, на ней филиграни — герб Парижа — кораблик, рукавичка и с короной и со звездой, сфера двух типов.

Первопечатная московская книга представляет собой замечательное произведение, в котором мы видим самые высокие достижения книгооформления и в формате, и в подгонке киновари к черному шрифту, и в самом шрифте с его орфографией, и в орнаменте, причем базой для такого оформления была и западно-европейская и русская сложная (юго-славянизмы) графическая культура. Рукописная работа не прекратилась появлением печатных книг, но печатные книги, и в первую очередь Московский Апостол 1564 г., создали новый стиль оформления, который вошел и в рукописный оборот, особенно в иллюстративной части.

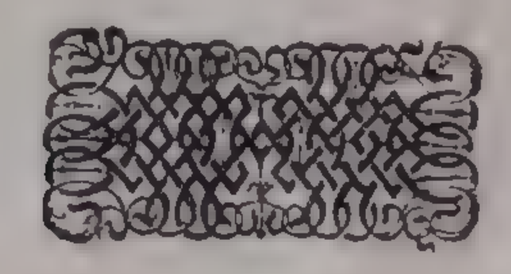
Едва ли можно себе представить, чтобы только два человека, именно Иван Федоров и Петр Тимофеев, подготовили и осуществили такую вещь, чтобы они одни, сопоставивши целый ряд вопросов, разрешили их с применением всесветных средств, чтобы они в конце концов, консультируя лишь друг с другом, выполнили, смогли бы вынести на своих плечах все

это дело. Нам представляется это совершенно невероятным. Нам представляется изделие этой первопечатной книги как продукт целого ученого общества, связанного между собой абсолютистской идеей унификации, навязчивой идеей Московского правительства, такого большого общества политических книжников, которое не щадило никаких трат в этом отношении, лишь бы продукт был выявлен с наибольшей степенью желательной им культуры. Думаем, что Иван Федоров и Петр Мстиславец, какие бы они ни были артисты, были только „делателями", конечными исполнителями той большой работы, которая происходила внутри более интеллигентного кружка, окружавшего Грозного, в виде этой „избранной рады". В какой степени участники кружка ровно и долго участвовали в этом деле, сказать трудно. Сильвестр не только не дожил до выхода первопечатного Апостола, но диктатура его покачнулась еще с половины 50-х годов, а с начала 60-х годов ему началось житься очень плохо, он оказался в ссылке и к 1564 г. уже был покойником: сын Сильвестра, Анфим, в этом году жертвовал одну из книг в Свенский монастырь в память по своим родителям. Во всяком случае, в 60-х годах, после смерти первой жены Ивана Грозного, вышли из рядов „избранной рады" и Сильвестр и Адашев. Но так как работа началась еще в 50-х годах (1553), то, в конце концов, думаем, что именно с участием поименованных книжников царско-митрополичьего круга велась та работа, которая закончилась в виде первопечатного Апостола. До последних дней, почти до выхода книги дожил митрополит Макарий (1563). Максим Грек умер в 56-м г. А если отнести сюда и Курбского, то в 64-м г. Курбский бежал — но едва ли он тут принимал прямое участие, он не преминул бы указать на свое участие в этом деле или в „Истории о великом князе Московском", или где-нибудь в другом месте.

Здесь кончается наше сообщение. Как сказано в его начале, мы не имели в виду сообщить что-либо новое в отношении внешней истории самого книгопечатания. Нам только казалось, что между узкой биографичностью и между общими предпосылками, которыми объясняется введение книгопечатания, должно было дать некоторую сумму фактов, освещающих ту

конкретную обстановку, где зародилась идея ввести книгопечатание и сложилась первопечатная книга, конечными выполнителями которой явились Иван Федоров и Петр Мстиславец. Представленные нами факты, если и могут оспариваться в известной части, то в общем являются, по нашему мнению, неспорными.

26 мая 1934 г.

И. В. НОВОСАДСКИЙ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ В РОССИИ В XVI В.

1

Обстоятельства, при которых появилось книгопечатание в России, мало выяснены, так как документальных данных о том почти не сохранилось. Поэтому воссоздать действительную картину возникновения книгопечатания в Москве и его развития в XVI в. чрезвычайно трудно. Первая типография, о существовании которой имеются неоспоримые исторические свидетельства, была основана в Москве в начале второй половины XVI в. царем Иваном Грозным для печатания богослужебных книг, основана при поддержке митрополита Макария, с помощью которого царь осуществлял церковные реформы.

Об основании этой типографии кроме указаний в послесловиях к московскому и львовскому изданиям Апостола Ивана Федорова сохранилось известие итальянца Рафаэля Барберини, бывшего в 1564 г. в России. Сообщение другого иноземца Джильса Флетчера менее достоверно, так как относится к более позднему времени. „В прошлом году (1563. *И. Н.*), сообщает Барберини, - ввели они у себя печатание, которое

вывезли из Константинополя, и я сам видел, с какой ловкостью уже печатались книги в Москве".[1]

Имеется еще одно сообщение Андре Теве о появлении книгопечатания в России, относящееся к 1571 г., но оно вызывает сомнение, так как сам Андре Теве в Московии не был, следовательно, заимствовал сведения о заведении типографии в Москве из вторых или третьих рук. Вообще же произведения Андре Теве полны грубейших ошибок.[2] В своей работе „Cosmographie Moscovite" он пишет: „Что касается до книгопечатания, то оно вошло у московитов в употребление только с 1560 г., когда его открыл один русский купец, закупивший шрифты, при помощи которых они потом опубликовали очень красивые книги".[3] Указание, что типографию основал купец, надо считать ошибкой, скорей всего авторским вымыслом. Ибо, если даже первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец, работавшие под защитой Грозного и митрополита Макария, были вынуждены бежать из Москвы от преследований духовенства, то допускать существование частной типографии в середине XVI в. совершенно невозможно. Указание же Теве, что в этой типографии печатались „очень красивые книги", дает основания предполагать, что здесь имелись в виду либо „федоровские" либо так называемые анонимные издания, отличавшиеся для своего времени некоторой художественностью.

Дело в том, что сравнительно высокая техника и искусство первопечатного Апостола уже давно заставляли предполагать, что книгопечатание в Московской Руси существовало и до появления Апостола 1564 г. Действительно, кроме московских изданий Ивана Федорова, сохранился ряд анонимных, недатированных, старопечатных книг (Триодь Постная, Псалтырь, три Евангелия).[4] Церковный писатель, знаток анонимных перво-

[1] Любич-Романович, В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII в. СПб., 1843, стр. 34.

[2] „La plupart de ces écrits sont émaillés de grossieres erreurs, qui ont fait taxer leur auteur de mauvaise foi ou d'extrême crédulité" (La Grande Encyclopédie, Paris, t. 31, p. 9).

[3] André Thevet. Cosmographie moscovite. Paris. MDCCCLIII, pp. 165—166.

[4] Каратаев, И. Описание славянорусских книг, том I, СПб., 1883, стр. 148—153 и 178, №№ 64—68 и 82.

печатных изданий, арх. Леонид считает, что одно из анонимных Евангелий (Каратаев, № 65) было напечатано Иваном Федоровым в Москве в период между 1564 и 1568 г. На это Евангелие, по мнению Леонида, и ссылался Василий Тяпинский в своем Четвероевангелии.[1] Эти издания в техническом и художественном отношениях стоят значительно ниже московского Апостола Ивана Федорова. Так, напр., в них нет шпаций различных размеров, вследствие чего многие слова набраны слитно, и строки вышли неодинаковой длины. Это особенно заметно в одном из Евангелий, напечатанном, повидимому, раньше других анонимов. По имеющимся в них вкладным записям и, в особенности, по водяным знакам эти издания относятся к пятидесятым и началу шестидесятых годов XVI в. и, очевидно, были напечатаны еще за несколько лет до Апостола 1564 г.

А. Е. Викторов и Леонид уже во второй половине XIX в. установили, что анонимные старопечатные издания — московского происхождения и напечатаны до 1564 г., т. е. тем самым доказали, что книгопечатание началось до московского Апостола Ивана Федорова.[2]

А. А. Гераклитов, на основании кропотливого палеографического изучения приемов техники печатания, характера шрифтов и украшений, а также их орфографии, считает, что эти анонимные издания были напечатаны в одной и той же типографии. По филиграням и вкладным листам Гераклитов относит их выход ко времени между 1551 и 1556 годами, определяя следующий порядок их напечатания: Евангелие 1551—1552; Псалтырь 1552—1554; Триодь Постная 1555—1556.[3] Таким образом, можно считать первой русской печатной книгой не Апостол 1564 г., а одно из Евангелий, о чем и до Гераклитова высказывали

[1] Леонид, архим. Евангелие, напечатанное в Москве 1564—1568. Памятники древней письменности, СПб., 1883.

[2] Леонид, архим. Рецензия на описание Каратаева, ЖМНП, 1884, май, стр. 39—54.

[3] Гераклитов, А. А. Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета (отдельный оттиск из журн. „Уч. зап. Сарат. гос. унив., 1926, т. V, вып. 2). Викторов, А. Е. Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного „Апостола" 1564 года (Тр. III Археол. съезда, Киев, 1878, т. II).

мысль и другие исследователи анонимных изданий (Викторов). Действительно, Евангелие было более необходимой книгой в церковном обиходе, и понятно, почему оно и было напечатано раньше Апостола. Этим также объясняется и то, что Псалтырь тоже была напечатана раньше Апостола Ивана Федорова.

А. А. Гераклитов установил общность шрифтов всех анонимных изданий. П. Н. Берков, сравнивая шрифты первопечатного Апостола с Триодью Постной, пришел к выводу о тождестве их рисунков.[1] Вместе с тем, и в Апостоле и в анонимных изданиях заставки имеют одинаковый стиль итальянского происхождения, а одна из них общая, что дает основания считать типографию, в которой печатались эти книги, непосредственной предшественницей типографии, в которой напечатаны издания Ивана Федорова. Возможно также, что и эти анонимы и издания Ивана Федорова вышли из одной и той же типографии. Во всяком случае несомненна самая тесная связь между изданиями Ивана Федорова и более ранними.

Однако, кроме самих анонимных изданий, никаких других исторических данных об этих первых попытках книгопечатания не имеется. Сохранилось лишь весьма глухое упоминание о существовании книгопечатания до устройства царской типографии, в которой были напечатаны Апостол 1564 г. и Часовник 1565 г. Так, в „Сказании о вообра жении книг печатного дела", документе, относящемся, кстати, уже к середине XVII в., говорится: „повествует же ся от неких, яко преже их нецыи, или будет и они сами, малыми некими и неискусными начертании печатываху книги".[2] Как видно, автор Сказания, признавая существование книгопечатания до 1563—1564 г., также не знал, кто были те типографы, которые печатали до создания типографии в 1563 г., и высказывал предположение, что это были Иван Федоров и Петр Мстиславец. Правда, в одной из московских грамот на имя новгородских дьяков Федора Еремеева

---

[1] См. ниже статью П. Н. Беркова.

[2] Сказание о вообра жении книг печатного дела. См. Строев, П. Описание старопечатных книг славянских библиотеки Царского. Москва, 1836, стр. 439.

и Козарина Дубровского (1556 г.) сообщается о посылке из Москвы в Новгород „мастера печатных книг“ Маруши Нефедьева.[1] Этот факт доказывает, что в России уже тогда были русские книгопечатники. Утверждать, что Маруша Нефедьев был именно московским типографом, нет никаких данных. Наоборот, то обстоятельство, что он знал гравера Васюка Никифорова, жителя новгородского, затем то, что в следующей грамоте он называется не Маруша, а Моруша (с окающим произношением),[2] дает основание допускать его новгородское происхождение и тем самым считать Новгород исходным пунктом русского книгопечатания.

Новгород, побежденный Москвой политически, в культурном отношении оказался сильнее Москвы, на которую в этом отношении он значительно повлиял и, в частности, на книгу. Так, из Новгорода вышла Геннадиевская Библия и Макарьевские Великие Четьи Минеи и ряд других более мелких работ. Поэтому, независимо от того, явился ли Новгород колыбелью русского книгопечатания или нет, несомненно, что он оказал сильнейшее влияние на русскую первопечатную книгу. Это новгородское влияние сказалось больше всего в оформлении первопечатной книги, где Новгород являлся проводником, главным образом, западных влияний на русской почве и в частности, немецких. Последнее совершенно понятно, если учесть, что Новгород в XV и XVI вв. был тесно связан экономически и культурно с Западом и, в особенности, с Германией через Ганзейский союз.

Итак, книгопечатание в Московской Руси началось не в 1563 г., а несколько ранее: между 1551 г. и 1563 г., т. е. вскоре после Стоглавого собора, на котором полностью обнаружилось банкротство рукописного способа производства книги;

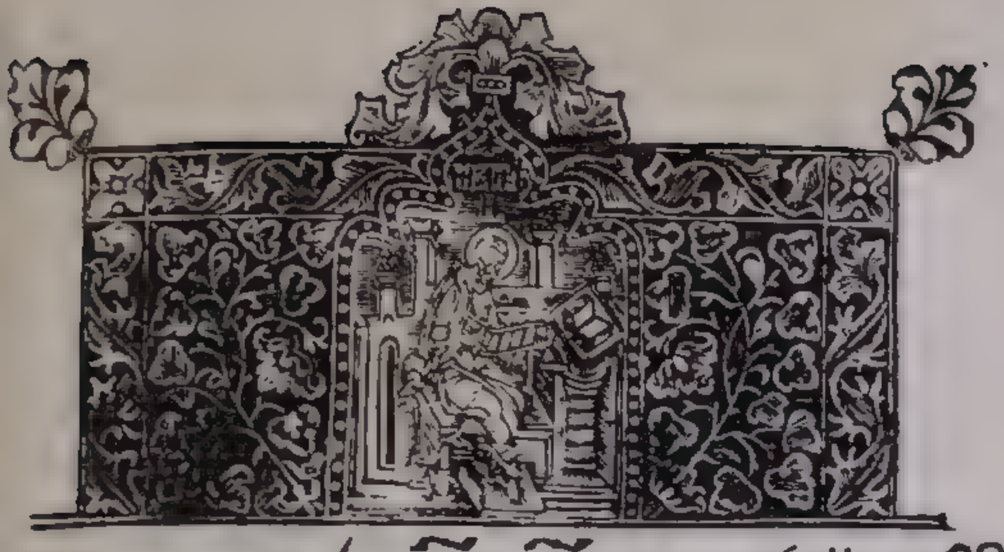
---

[1] Дополнения к актам историческим, собранные Археографическою коммиссиею, СПб., 1846, т. I, стр. 148.

[2] Едва ли, однако, можно опереться на написание имени: Ма- или Мо- — все равно, очевидно, имя писано не лицом, которому оно принадлежало; затем Мо- — едва ли оканье, скорее это аканье, потому что святцы дают шесть имен с *а* и ни одного с *о* (пять „Марин“, Мариан; см. еще Марой у Лескова). Конечно, при таком рассуждении надо допустить, что Маруша идет от крестильного имени. *Ред.*

сам собор не решился поставить вопрос о замене производства рукописной книги книгопечатанием, но, как известно, принял компромисные решения по вопросам: о надзоре за производством рукописной книги и ее исправностью, а также о необходимости улучшения подготовки переписчиков. Решения эти не привели к желаемым результатам и неисправностей в рукописных книгах не уничтожили, как это видно из послесловия к Апостолу 1564 г. Чем же можно объяснить тогда, что в послесловии Апостола 1564 г. указывается, что книгопечатание началось именно с Апостола, т. е. в 1563 г., а не раньше? Можно было бы предположить, что книгопечатание до появления Апостола Ивана Федорова носило опытный, пробный характер, доказательством чего является несовершенство московских анонимных изданий и их анонимность. Однако предположение, что эти опыты носили частный характер, надо признать неверным, так как факты говорят за то, что они были организованы Московским правительством (см. выше о Маруше Нефедьеве и ниже о Шлитте).

Если приведенные выше данные говорят об опытах книгопечатания, предпринятых, повидимому, непосредственно русскими, то, наряду с этим, сохранились сведения об отдельных попытках ввести книгопечатание в России со стороны западноевропейцев. Попытки эти были безуспешны, так как были связаны с религиозной агрессией протестантства и католичества, стремившихся использовать печатание книг в целях политического и экономического подчинения Московского государства. В этом отношении весьма характерно обращение в 1552 г. датского короля Христиана III к Грозному: „С такою целию посылаем к тебе, В[озлюбленный] Б[рат], искренно нами любимого слугу и подданного нашего Ганса Миссенгейма с библиею и двумя другими книгами, в коих содержится сущность нашей христианской веры. Если приняты и одобрены будут тобою, В[озлюбленный] Б[рат], митрополитом, патриархами, епископами и прочим духовенством сие наше предложение и две книги вместе с библиею, то оный слуга наш напечатает в нескольких тысячах экземпляров означенные сочинения, переведя на отечественный наш язык, так что сим способом можно будет, в немногие годы, споспешествовать и содействовать пользе ваших церквей и про-

Ѿ Матѳеа стаго бл҃говѣствованїе

Книга родства Іс Ха сна гла
двдва, сна авраамля. а
Авраамъ роди ісаака. ісаа
къ же, роди іакова. іако
въ же роди, іюду и братїю
его. іюда же роди, фареса и зара
ѿ ѳамары. фаресъ же роди, есро
ма. есромъ же роди, арама. ара
мъ же роди аминадава. аминада
въ же роди, наассона. наассо
нъ же роди, салмона. салмонъ же
не прѣрѣжство хвымъ сты ѿцъ.

Заглавный лист анонимного Московского Евангелия (ок. 1562 г.).

чих подданных, ревнующих славе христовой и своему спасению".[1]

Хотя никаких следов типографской деятельности Миссенгейма не сохранилось, тем не менее, связанное с устремлением датчан к новым рынкам предложение Христиана интересно и своим хронологическим совпадением с поисками печатников со стороны Московского правительства: еще в 1547 г. оно поручило некоему саксонцу Шлитте набрать для Москвы различных мастеров, в том числе и типографа. Шлитте был задержан в Любеке и посажен в тюрьму по проискам ганзейских купцов, которые, как указывает Шлитте в письме к Христиану, опасались усиления мощи Московского государства.[2] Позднее, уже в 1554 г., Шлитте, в связи с неудачей, обращался с указанным письмом к Христиану III;[3] это доказывает существование связи обращения Христиана III к Грозному и посылки Ганса Миссенгейма с предложением о напечатании им Библии на русском языке, с поисками Грозным мастеров печатного дела, поисками, о которых говорится в послесловии к первопечатному Апостолу („начат помышляти..."). Из письма Шлитте к Христиану III видно, что Шлитте намерен был подобрать таких мастеров для Московского царя, которые могли бы вести религиозную пропаганду.

Грамота Христиана III дала, между прочим, основание некоторым авторам считать посланца Христиана III, Ганса Миссенгейма, учителем первых русских печатников, Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Митр. Евгений, а вслед за ним Сопиков указывают, что „Иван Федоров и Петр Мстиславец печатали Апостол 1564 г. под надзиранием датчанина Ганса или Ивана Бодбиндера, копенгагенского уроженца".[1] Строев говорит: „Честь российского Гуттенберга принадлежит датча-

---

[1] Снегирев, И. М. О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве. Русск. ист. сб., изд. Общ. ист. и древн. Росс. М., 1840, т. IV, кн. 1, стр. 122—123.

[2] Чт. в Общ. ист. и древн. Росс., 1893, кн. I, датский архив; письмо Шлитте от 25 января 1554 г., стр. 288—295.

[3] Там же.

[1] Евгений, митр. Словарь исторический о писателях духовного чина, изд. II, СПб., 1827, т. I, стр. 264.

нину Иоганну Богбиндеру. Под его надзором (в 1564 г.) вышла из Московской книгопечатни первая книга Апостол".[1]

Никаких исторических данных для этого нет, и, учитывая религиозно-политический характер миссии Миссенгейма, следует признать это предположение мало вероятным.

Предложение Христиана III напечатать церковные книги для пропаганды протестантства было далеко не случайным. Это видно из того, что издание церковно-славянских книг в Урахе и Тюбингене в 1561—1563 г., предпринятое Примусом Трубером, было связано с пропагандой лютеранства среди кроатов. В частности же эти издания предполагались и для Москвы. „О значительной книжной потребности на русском севере, — указывает Румянцев, — знали и за границей. Тюбингенские типографщики, предпринимая в половине XVI столетия печатание славянских книг, рассчитывали на обширный сбыт их в разные славянские земли, в том числе и в Московию". Тюбингенские издания поддерживались влиятельными протестантскими кругами Германии.

Книгопечатание использовалось прежде всего буржуазией в борьбе за национальную самостоятельность. Эта борьба принимала религиозную окраску и была направлена преимущественно против католичества, например, на Украине и в Белоруссии, Кроации и т. д.

Имеются сведения, правда, мало достоверные, о попытках использовать книгопечатание для обращения Московской Руси в католичество, но это приурочивается еще к концу XV в. В Любекской хронике, составленной Реймаром Коком в 1540-х гг., сообщается, что русский князь, потерпев поражение в борьбе с татарами, в поисках поддержки обратился к папскому престолу с предложением ввести в России католичество, для чего он отправил в Рим посольство, но папа „потребовал подписания артикулов, которые русскому князю показались неудобоприемлемыми, а именно, чтобы все русские епископы получали утверждение в сане из Рима и чтобы всеми вотчинами, которые поступят

---

[1] Строев, П. Описание библиотеки Толстова. М., 1829, стр. VII.

[2] Румянцев, В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872, вып. I, стр. 2.

в собственность монастырей, папа имел бы право располагать по своему усмотрению; также, чтобы каждый житель России давал бы папе ежегодно по горностаю“.[1]

Если сообщение Реймара Кока соответствует исторической правде, то требования, которые были выставлены папой римским перед московским великим князем, означали по существу, если бы они были приняты Московским правительством, полное не только идеологическое, но и экономическое подчинение России папскому престолу. Далее в хронике сообщается, что „князь русский повидимому имел действительно желание, чтобы состоялось соединение церквей, и уже уговорился с типографщиками в Любеке относительно печатания книг на латинском и русском языках для введения в России обрядов римской церкви. Один любекский типографщик, по имени Варфоломей Готан (Bartholomaeus Gothan), был по этой причине в большой милости у великого князя и поставлял ему книги, за что великий князь его богато одаривал; но вследствие алчности папы все это дело рушилось. Когда Варфоломей Готан захотел вернуться из России, то русские, ограбив его, бросили в воду и утопили“.[2]

Из объяснения неудачи этой попытки введения книгопечатания видно, что хроника составлена весьма пристрастно, антикатолически, что, конечно, совершенно понятно, если учесть, что автором был протестантский пастор. Во всяком случае, никаких данных о типографской деятельности Варфоломея Готана на Руси не имеется. Известно только, что он был переводчиком у послов московского государства грека Юрия Траханиота и дьяка Михаила Яропкина в 1492 г.[3]

Арсеньев, С. В. О любекском печатнике Варфоломее Готане. Чт. в общ. ист. и древн. росс. при Моск. унив., 1909, кн. четвертая, IV, смесь, стр. 17.

[2] Там же, стр. 17—18.

[3] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851, т. I, стб. 88 и 104—106. Из опубликованных здесь документов явствует, что Варфоломей Готан был на службе Московского правительства скорее всего как политический информатор, а не печатник. В связи с этим возникает предположение, что утопление Готана, если оно и имело место, было вызвано необходимостью избавиться от опасного политического агента, знавшего слишком много из области московской дипломатии. См. ниже статью П. Н. Беркова. Однако то, что попытки использовать связь Варфоломея

 3*

Так называемые до-федоровские издания, как видно по бумаге, относятся к более позднему времени, и, конечно, не могут быть связаны с Готаном.

Сообщение о Варфоломее Готане, при всей его неправдоподобности, важно как свидетельство о том, что книгопечатание в России было известно еще в конце XV в., и если оно было введено лишь в середине XVI в., то это объясняется тем, что в Московской Руси тогда еще не созрели социальные условия для развития книгопечатания.

Несмотря на неудачу Запада в его попытках ввести книгопечатание в Московском государстве в конце XV и начале XVI в., первопечатная русская книга отразила на себе самые разнообразные западные влияния: итальянские, южно-славянские и немецкие. На это, между прочим, указывается в послесловии к первопечатному Апостолу 1564 г. „Он же [Грозный] начат помышляти, како бы изложити печатные книги, якоже в Грекех и в Венецыи и во Фригии и в прочих языцех". Поскольку здесь прямо указывается на итальянские, в частности венецианские, образцы, видно, это влияние было наиболее сильным. Более того, в Сказании о воображении книгопечатного дела „фряги", т. е. итальянцы, прямо указываются как учителя Ивана Федорова и Петра Мстиславца: «глаголют же нецыи о них, — говорит Сказание, — яко от самех фряг то учение прияста», «последи же совершение той Иоанн да Петр искус прияста от тех прежереченных фряг».[1] Присутствие итальянского влияния в художественном оформлении первопечатных изданий отмечалось уже В. В. Стасовым[2] и Б. Е. Румянце-

---

Готана с Москвой со стороны папского престола для пропаганды католичества могли иметь место, вполне вероятно, так как к более раннему времени (1472 г.) относится брак Софии Палеолог с Иваном III, брак, который римский папа пытался использовать для проведения католического влияния на Московскую Русь, чего папе достичь не удалось. Подобные попытки со стороны католической церкви, как известно, имели место и в XVI в., например — поездка иезуита Антония Поссевина в Москву в 1581 г.

[1] Сказание о воображении книг печатного дела. См. Строев, П., Описание старопечатных книг славянских библиотеки Царского, М., 1836 г., стр. 139.

[2] Стасов, В. В. Разбор рукописного сочинения г. Ровинского „Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии Художеств (1764)", СПб., 1894. См. Стасов, Собр. соч., т. II, стб. 165—168.

вым.[1] „Итальянское влияние, — писал Румянцев, — слишком ощутительно в самых украшениях первых московских книг, напечатанных Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым. Эти украшения во многих случаях представляют замечательное сходство с орнаментовкой венецианских изданий. Итальянское влияние признают здесь даже те из ученых знатоков нашей гравюры, которые хотят произвести Московское книгопечатание от немцев" (там же, стр. 15).

Наличие итальянского влияния в русских первопечатных книгах объясняется, главным образом, тем, что в Венеции, на которую, как видно, не случайно указывается в Послесловии, печатались сербские и другие славянские издания. Кроме этого, Италия к тому времени была наиболее развитая технически и культурно страна и, в частности, в отношении книгопечатания. Проникновению итальянского влияния на Московскую Русь способствовал брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора, жившей в Италии и привезшей оттуда с собой в Москву много мастеров, среди которых были знаменитый Аристотель Фиоравенти, строивший московский Кремль. Итальянское влияние принес в Москву и Максим Грек, учившийся во Флоренции и хорошо знавший знаменитого итальянского типографа-издателя Альда Мануция, о чем он говорит в одном из своих сочинений: „В Венеции был некый философ, добре хытр; — пишет Максим Грек, — имя ему Алдус, а прозвище Мануциоус, родом фрязин, отьчеством римлянин, ветхого Рима отрасль; грамоте и по римскы и по греческы добре гораздо. Я его знал и видел в Венеции и к нему часто хаживал книжным делом; а я тогда еще молод, в мирьских платьях".[2] Все это говорит за то, что итальянские влияния на первопечатную книгу проникли преимущественно через греков и славян, обосновавшихся в Италии после захвата Константинополя турками. Особенно сильно итальянское влияние сказалось в стиле заставок и орнамента инициальных букв первопечатных русских изданий. Последнее отчетливо обнаруживается при сравнении рамок и заставок Молитвослова

---

[1] Румянцев, В. Е. Сборник памятников..., стр. 13—16.

[2] Геннади, Г. О типографском знаке Альдинских изданий (из сочинений Максима Грека). Библиографические записки, 1858, т. I, № 6, стр. 185.

1547 г., напечатанного в Венеции в типографии Божидара Вуковича, с орнаментом инициальных букв Апостола 1564 г. и анонимов. Молитвослов еще более богато иллюстрирован, чем Апостол. Для русской книги эти заставки по своему стилю были совершенно новым явлением и встречаются лишь в более поздних московских рукописных и печатных книгах. В этом сказалось влияние печатной книги на рукописную. Н. С. Большаков и А. И. Некрасов, анализируя изображение евангелиста Луки в первопечатном Апостоле, указывают, что архитектурная рамка, в которую заключена фигура евангелиста Луки, немецкого происхождения и близка к титульному листу Библии, изданной Пейпусом в Нюренберге в 1524 г.[1] Само изображение Луки, в противоположность схематизму и аскетизму изображений святых в древне-русском искусстве, реалистично. Реализм мотивов орнамента заставок и их оформление и реализм изображения евангелиста Луки в первопечатном Апостоле были явлением новым для книжного искусства XVI века и были, повидимому, принесены с Запада.

В противоположность В. Е. Румянцеву и отчасти В. В. Стасову, А. И. Некрасов и Н. С. Большаков считают, что орнаментация русских первопечатных книг и, в частности, гравюры апостола Луки — немецкого происхождения.[2] Доказательства как Румянцева и Стасова, так и Некрасова и Большакова построены на формальном анализе украшений первопечатных изданий, а не основаны на классовом подходе к вопросу, т. е. не учитывают характера этого влияния — феодального или буржуазного — и причин, в силу которых сильнее оказалось одно, а не другое влияние.

Непосредственно южно-славянское влияние в первопечатных изданиях сказалось в близости их шрифта с так наз. Тырновским полууставом,[3] наиболее красивым и четким из южно-славянских полууставов, появившимся у нас в конце XV в. В Московской Руси он был распространен до первопечатных книг сравни-

---

[1] Большаков, Н. С. Московская фигурная гравюра XVI века. М., 1927, стр. 25. — Некрасов, А. И. Книгопечатание в России в XVI и в XVII вв. Книга в России, ГИЗ, 1925, ч. I, стр. 88—90.

[2] См. указанные в примечании первом работы названных авторов.

[3] Щепкин, В. Н. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 116.

тельно слабо, преимущественно в роскошных изданиях и в Новгороде. Южно-славянское влияние сказалось также в систематической расстановке ударений по южно-славянской грамматике. Это влияние было оказано на первопечатную книгу, надо полагать, через Максима Грека, производившего исправление богослужебных книг. Проводником западных влияний на русскую первопечатную книгу, вероятно, явился митрополит Макарий, который еще в бытность архиепископом в Новгороде создал там целую художественную школу, традиции которой он затем перенес в Москву. Роль же Макария в издании первопечатного Апостола известна из послесловия к этому изданию. Кроме того, типография, надо полагать, была подчинена митрополиту, как в XVII веке патриарху, так как в ней печатались богослужебные книги, и Макарий поэтому, как глава русской церкви, не мог не иметь непосредственного отношения к книгопечатанию.

Если можно говорить об образцах для русской первопечатной книги, то их, преимущественно, должно искать не в немецких и итальянских, а в южно-славянских и, прежде всего, в венецианских изданиях Божидара Вуковича. За это говорят религиозные связи между Москвой и греками и славянами, бывшими для Московской Руси авторитетами в области православия, господствующей идеологии феодальной России. Поэтому одной из существенных причин слабой распространенности изданий Феоля и Скорины в Московском государстве было наличие в них заметных католических влияний. Если все же исследователи констатируют в московских первопечатных изданиях немецкие и итальянские влияния, то это сказалось не непосредственно, а преимущественно через греческую и южно-славянскую печатную книгу.[1] Греко-славянское влияние сказалось и на характере „послесловий“ московских первопечатных книг. Большинство из них составлено по одному шаблону, образцом для которого служили, повидимому, колофоны черно-

---

[1] В противоположность русским историкам Kurt Tautz (Zur Einführung der Buchdruckerkunst in Russland. Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1911, März, H. 3, SS. 113—125) подчеркивает итальянское, польское и южно-славянское влияние на возникновение книгопечатания в России. В этом отношении не лишены интереса соображения Таутца о Гансе Миссенгейме (там же, стр. 118—119).

горских и венецианских изданий. Вся аргументация как этих, так и московских „послесловий“ облекалась в свойственную феодальной эпохе религиозную напыщенную фразеологию. В этом отношении характерна начальная формула из Послесловия к Московскому Апостолу 1564 г. „Изволением отца и споспешением сына и совершением святого духа“. В тех же выражениях начинаются и послесловия ряда более ранних славянских изданий, например: Псалтыри с Часословцем (1519) и Молитвослова (1520), напечатанных в Венеции в типографии Божидара Вуковича и его преемников.

Печатная книга, развившись из рукописной, взяла от нее все ее достижения и реализовала их на основе новой, более совершенной техники книгопроизводства. Наряду с этим, русская печатная книга XVI века отразила в себе веяния зарождавшегося западного буржуазного искусства, веяния, сказавшиеся в стремлении к реализму в оформлении книги.

Из всех первопечатных московских изданий XVI века Апостол 1564 г. отличается наибольшим совершенством как в техническом, так и в художественном отношении. Систематически проведенная грамотность текста первопечатного Апостола,[1] с одной стороны, красивый и четкий полуустав — с другой, разнообразие заставок, новизна их тематики и их художественность и высокое качество бумаги, на которой напечатано это издание, — с третьей, и, наконец, — появление послесловия, оригинального по своему содержанию и отличавшегося известными литературными достоинствами, — все это показывало, какое большое политическое значение имел Апостол как одна из форм выявления абсолютизма.[2] Все эти достоинства сде-

[1] В. Е. Румянцев, исследовавший язык и орфографию Московского Апостола 1564 г., указывает, что язык первопечатного Апостола „значительно очищен от устаревших и инославянских форм и слов и приближен к нынешнему церковно-славянскому. То же должно сказать и о первопечатной орфографии, которая, сравнительно с тогдашними рукописями, приведена в большее соответствие с новыми славянорусскими формами и произношением“ (Румянцев, В. Е. Сборник памятников..., стр. 38).

[2] В этом отношении весьма характерным является переплет экземпляра Апостола 1564 г. из библиотеки Царского. „Экземпляр Царского — указывает К. Тромонин — в особенности замечателен тем, что на его, современном печатанию, казенном переплете, вытиснут российский герб: двуглавый орел,

лали первопечатный Апостол образцом для последующих русских печатных изданий почти на целое столетие. Из всего этого, а также из послесловия к Апостолу 1564 г., видно, что выходу этой книги придавали большое значение и не жалели расходов на ее печатание. Грозный, говорится в послесловии, „нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем, Николы Чудотворца Гостунского диякону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу, на составление печатному делу и к их упокоению, дондеже и на совершение дело их изыде".

Но как ни велика, быть может, была роль Ивана Федорова в создании первопечатного Апостола, несомненно, что Апостол 1564 г. не мог быть делом рук одного человека, хотя бы такого крупного, как Иван Федоров. Первопечатный Апостол мог явиться только в условиях общего экономического, политического и культурного роста господствующего класса. Высокая художественность и техническое совершенство шрифтов и заставок могли быть достигнуты только в большой, хорошо поставленной мастерской.

Соображения о включении книгопечатания в ряд обобщающих предприятий московского абсолютизма XVI в., о роли так наз. „избранной рады" и царской мастерской в издании первопечатного Апостола, а также и об оформлении этой книги высказал в своей речи на заседании отдела книги ИКДП 26 мая 1934 г. акад. А. С. Орлов. Отсюда, с согласия А. С. Орлова, и заимствованы в настоящую нашу статью некоторые факты и положения.

В свою очередь, первопечатная книга оказала сильнейшее влияние на оформление рукописной. В последующих рукописных книгах встречаются напечатанные или вклеенные печатные заставки из первопечатных изданий или подражания им.

Печатная книга в России, так же как и на Западе, выросла из рукописной книги и длительное время почти не отличалась от нее, так как печаталась полууставом, обычно употребляв-

---

в средине коего находится изображение лица царя, при коем сверху и внизу в подписи значится: Иоан божиею милостию господарь царь и великий князь всея Русии" (Тромонин, К. Достопримечательности Москвы, М., 1845, стр. 23—24. В приложении Тромонин приводит снимок с вышеуказанного переплета Апостола из библиотеки Царского).

шимся в рукописной книге, а по содержанию она совпадала с рукописной. Кроме того, в первопечатных изданиях (анонимных) не было пагинации и титульных листов, так же как и в рукописной книге. Это объясняется, прежде всего, медленным развитием и слабой диференцированностью социальной функции книги печатной от функции книги рукописной, а также наличием определенных, выработанных столетиями, известных традиций книжной формы, традиций, которые выросли на почве феодальной идеологии и на первых порах сохранялись и в печатной книге. В этом отношении весьма характерно Евангелие дьякона Кореси и Мануила, изданное в 1579 г. в Шебеше, в котором издатели скрывают его печатное происхождение, называя его написанным.[1] С этой же стороны представляют интерес две „следованные псалтыри“: первая, изданная в Цетинье в 1495 г., вторая — в Милешеве в 1544 г.

Этим, повидимому, объясняется также и то обстоятельство, что первые московские печатные книги были анонимными и не имели выходных листов и указаний: написаны они или напечатаны; это тоже, надо полагать, было вызвано стремлением скрыть их печатное происхождение, вследствие отрицательного отношения значительной части высшего духовенства к печатной книге. Конечно, под влиянием новых социальных факторов изменялась классовая функция и рукописной книги: в частности, например, появляется значительно большее количество книг „светского“ содержания (политические памфлеты, повести). Однако, новая функция на печатной книге обнаружилась отчетливей.

В течение почти целого столетия в России печатались исключительно религиозные книги. Только с середины XVII века появляются первые светские издания. Не только весь XVI, но и XVII и XVIII вв. рукописная книга продолжала существовать наряду с печатной. Точных данных о том, сколько было напечатано изданий книг в Москве в XVI в., не имеется. В настоящее время от XVI в. сохранилось около 20 изданий. В библиографической литературе (Ундольский, Каратаев, Викторов, Леонид

[1] Здесь использован экземпляр ИКЦП. Ср. Каратаев, ук. соч., стр. 200 (№ 93).

и др.) имеются указания на существование следующих изданий: а) анонимные издания (три Евангелия, Псалтырь и Постная Триодь), б) издания Ивана Федорова и Петра Мстиславца (Апостол 1564 г. и два издания Часовника 1565 г.), в) Псалтырь 1568 г., напечатанная Андр. Т. Невежею и Никифором Тарасиевым, г) 11 изданий Андр. Т. Невежи (Псалтырь 1577 и 1591 гг., Триодь Постная 1589 г., Триодь Цветная: 1591 и 1594 гг., Октоих 1594 г., Апостол 1597 г., Часовник 1598 г., 2 изд. Минеи общей 1600 г., Чиновник архиерейский 1600 г.). Возможно, что первопечатных изданий было несколько больше.

Еп. Дамаскин в „Библиотеке Российской" приводит ряд московских изданий, якобы относящихся к 1550—1570 гг. Эти издания следующие: 1) Книга Григория Назианзена, 1565 г.; 2) Беседы Златоустого на послания апостола Павла, часть первая 1565 г.; 3) Скрыжаль, 1556 г. в 4-ю долю листа; 4) Десять служебников в переплете, оклеены кожею, в том числе пять служебников великих печатаны в полдесть (без дат); 5) Копия с трактату перемирного меж его величеством царем и великим князем Иоаном Васильевичем самодержцем всероссийским и королем шведским Ирином 14, учиненного 1564 г.; 6) Книга о победе над враги, по обрезу золотому оклеена кожею черною, печатана в 1577 г., в полдесть.[1] Ни одно из указываемых Дамаскиным изданий в библиографической литературе неизвестно. Единственное указание на существование одного из этих изданий дает арх. Леонид, который утверждает, что „сам в 1850-х годах видел одну из этих книг в частных руках, а именно: книгу св. Григория Назианзина. Помню, как будто сейчас смотрю на нее, эту книжку в 8-ю долю листа, напечатанную на лоснящейся и пожелтелой от времени бумаге, мелким и узким шрифтом, в черном кожаном переплете. Могу указать, где возможно искать ее в настоящее время".[2]

---

[1] Дамаскин, еп. Библиотека Российская (Памятники древней письменности и искусства, СПб., 1881, стр. 20—21; см. также стр. 26); в другом издании „Библиотеки" (Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1891, кн. 1) указана только одна из перечисленных выше книг, Копия с трактату премирного. Это заставляет относиться к сведениям еп. Дамаскина с осторожностью. Тем более, что у него имеется в датировках ряд неточностей.

[2] Журн. мин. нар. просв., 1884, кн. 5, стр. 40.

В каком тираже печатались в XVI в. в Москве книги, сведений тоже не сохранилось. Единственное указание на тираж, относящееся к XVI в., имеется в послесловии к Апостолу 1597 г., где сказано: „а напечатано сих книг вкупе тысеча пятьдесят труды и снисканием многогрешного и непотребного раба Андроника Тимофеева сына Невежи и прочих работавших любезными труды“. Если на основании этого сведения составить общий тираж всех известных от XVI века изданий, то получится число приблизительно 20 000, короче говоря, такое незначительное число, которое превышается тиражом любой массовой советской книги. В действительности количество изданных в XVI веке книг было еще меньшим, ибо тираж в 1050 экз. едва ли не наибольший для той эпохи.

О том, насколько мало была распространена в то время печатная книга в России, можно судить по работе Н. Д. Чечулина „Несколько данных о книгах по городам Московского государства в XVI в.“ (СПб., 1889).

Обследовав писцовые книги 8 городов Московского государства XVI века (Можайск, Коломна, Тула, Казань, Свияжск, Венев, Кашира и Лаишев), этот автор обнаружил из 1491 церковных книг,[1] находившихся в 34 церквах и 14 монастырях, только 33 печатные книги, т. е. немногим более 2% всех книг; остальные 98%, следовательно, составляли рукописные книги. Даже в Казани, где прежде всего должны были находиться печатные книги (об этом см. ниже), на 237 рукописных книг приходится только 9 печатных. Большинство печатных книг, как указывает Чечулин, относится, по документам, преимущественно уже к самому концу XVI в. Вообще этих книг сохранилось очень мало. Так, Часовника Ивана Федорова известно только 2 экз., из которых один находится за пределами СССР, в Брюсселе, в то время как у одних купцов Строгановых этого Часовника в XVI веке было 48 экз.,[2] а может быть и больше.

---

[1] Чечулин, Н. Д. Несколько данных о книгах по городам Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 7—12.

[2] Богданова, Н. Г., Книжные богатства Строгановых. „Sertum bibliologicum“. Сборник в честь А. И. Малеина, П., 1922, стр. 277—284.

2

В послесловии к первой книге, вышедшей из царской типографии, „Апостолу“ (1564), автор, объясняя причины введения книгопечатания в Москве, пишет: „Многие святые церкви воздвизаеми бываху во царствующем граде Москве и по окрестным местом, и по всем градом царства его [т. е. царя Ивана], паче же в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределех его: и сия вся святые храмы благоверный царь украшаше честными иконами и святыми книгами“, а для этого, — продолжает далее послесловие, — „царь повеле святые книги на торжищих куповати и в святых церквах полагати, псалтыри и евангелия и апостолы и прочая святые книги“.[1] Из этого следует, что завоевание Казани явилось толчком для введения книгопечатания, т. е. последнее было тесно связано с завоевательной политикой Грозного, продиктованной интересами служилого дворянства, нуждавшегося в землях, и торговой буржуазии, искавшей новых рынков. Казанская епархия сохранила значение главного потребителя изданий царской типографии и в XVII веке, о чем свидетельствуют документы Архива Московского Печатного двора: „Из всех епархий того времени, — пишет А. А. Покровский, — наиболее острую нужду испытывала огромная Казанская страна, сравнительно еще недавно присоединенная. Поэтому часть книг передавали в Приказ Казанского дворца для посылки на места; отсюда книги шли на имя Казанского митрополита, который и рассылал их по монастырям, соборным церквам и торговым людям в лавки для продажи“.[2]

Существование первопечатных изданий, относящихся к более раннему времени, чем первопечатный Апостол, и примыкающих

---

1 Подтверждением слов послесловия о сборе книг для Казанской епархии в 1555 г. является следующее место в Новгородской второй летописи: „Лета 7063... И того лета, по всем монастырем Новгородцким, сбирали денги на владыку Казанского на Гурья, да и книги певчии имали по манастырем, апостолы и еуангелиа и четьи, в Казань“ (Полное собрание русских летописей. Том третий. IV. Новгородские летописи. СПб., 1841, стр. 158).

2 Покровский, А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. Древности. Труды Моск. археол. об-ва, т. XXIII, вып. 2. М., 1914, стр. 62.

хронологически, как это доказывает Гераклитов, к 1551–1556 гг., годам завоевания Грозным Казани и Астрахани, наталкивает на мысль о прямой зависимости введения книгопечатания в России от колониальной политики Грозного. Что типография явилась орудием колониальной политики в руках самодержавия, свидетельствует также и тот факт, что после двадцатилетнего перерыва,[1] уже при сыне Грозного, Феодоре Ивановиче, возобновляется деятельность московской типографии, как прямо указывается в послесловии одного из изданий (Триодь Цветная 1591 г.) этого периода, для насаждения православия у сибирских народов, земли которых, как пишет типограф Андроник Тимофеев Невежа, оправдывая захватническую политику Грозного, сам „бог дал". В послесловии к этой книге Андроник Тимофеев Невежа писал: „... исправити к богу слово истины божественными писаньми и всем человеком душевная очеса просветити и вразумети, что есть воля божия блага и свята, и неразумных на путь учения направити сими божественными писании: паче же в новопросвещенных землях, которые вам бог дал, во граде Казани и Асторохани и в Сибири, и во окрестных их градех и местех теми святыми книгами просвещаху и свобожаху от всякия прелести вся человеки".

Возобновление деятельности московской типографии в конце XVI в. находится также в непосредственной связи с учреждением в России патриаршества. Последнее явилось прежде всего следствием укрепления политической и экономической мощи Московского государства. С другой стороны, к этому времени зависимость церкви от государства еще более усилилась. Поэтому, хотя патриаршество увеличивало влияние и значение русской церкви, оно не уменьшало ее зависимости от государственной власти.

Для характеристики роли первопечатной книги как орудия колониальной политики Грозного очень важным свидетельством является факт наличия большого числа первопечатных книг у известных колонизаторов Урала и Сибири Строгановых.

---

[1] За период в 10 лет, с 1589 г. до 1598, было напечатано 8 изданий, в то время, когда за период 1569–1588 гг. известна только одна книга: Псалтырь 1577 г. С 1589 г. типография начинает выпускать книги ежегодно.

В интересном раздельном акте на книги между тремя наследниками, акте, найденном уже после революции в архиве графов Строгановых и относящемся ко второй половине XVI века (1578 г.), указывается, что всего было разделено 208 книг при 84 названиях. Из них было 86 книг печатных, т. е. несколько более трети. Другого такого большого количества печатных книг в XVI веке неизвестно.

Надо полагать, что и во время революции XVII в. и до нее порабощенные московским самодержавием национальности Поволжья и Сибири уничтожили не мало богослужебных книг, являвшихся орудием их угнетения и кабалы. На это справедливо указывал уже акад. Орлов. „Не сомневаемся, — писал он, — что распространение новопечатной книги должно было вызвать массовый протест и в тех восточных колониях московитского капитала, для обрусения которых прежде всего и было заведено печатание «святых» книг“.[2] Не малую роль в гибели книг сыграли и частые пожары Москвы, например, во время разгрома Москвы и других населенных мест страны в 1571 г. крымским ханом Девлет Гиреем.

На неисправность рукописных текстов, как на причину введения книгопечатания, указывается почти во всех московских изданиях XVI и XVII веков. Так, Иван Федоров в послесловии к первопечатному Апостолу, после указания на незначительное количество исправных рукописных книг, отмечал: „Прочии же вси растлени от преписующих, ненаученых сущих и неискусных в разуме, овоже и неисправлением пишущих“. Преемники Ивана Федорова, Невежа Тимофеев и Никифор Тарасиев, в послесловии к Псалтыри 1568 г. пищут: „И повеле [царь Иван] составити в пресловущем своем граде Москве штанбу, сии речь дело печатных книг, ко очищению и ко исправлению ненаученых и неискусных в разуме книгописец, к почести же и славе всех содетеля владыки бога и отца, господа Иисуса Христа“.

Почти в тех же выражениях и то же самое говорит и Андроник Тимофеев Невежа в послесловии к Псалтыри 1577 года:

---

[1] Богданова, Н. Г., назв. соч., стр. 277—284.

[2] Орлов, А. С., акад. Книга — орудие социальной борьбы. Труды Комиссии по древне-русской литературе, 1932, I, стр. 9.

„... составися штанба, еже есть печатных книг дело, богом спасаемом и тезоименитом в новом граде Слободе... ко очищению и исправлению плодов правды и в похвалу истинныя православныя веры христовы". Указания на книгопечатание как на средство исправления книг встречается также и в послесловии к Триоди Цветной 1591 года, где Андроник Тимофеев Невежа пишет: „да бы в... великом граде Москве, в соборной божественней, в велицей церкви, и во всей Росии, святые книги свидетельствованы и исправлены были, и печатного дела писмены исполнены, понеже во многих летех от преписующих неученых человек неправлены". Та же аргументация, только в других выражениях, приводится и в большинстве послесловий книг XVII века.

Эту же мотивировку приводит „Сказание о воображении книг печатного дела", относящееся к середине XVII века, представляющее собою первую попытку истории печатной книги в России и составленное неизвестным автором, главным образом, по послесловию к Апостолу Ивана Феодорова 1564 года. В этом Сказании говорится: „Произвести бы ему [Грозному] от письменых книг печатные, крепкого ради исправления и утвержения... Дабы было святые книги праведно и несмутно всякому православному христианину прочитати и глаголати по них".[1] В этом же Сказании встречается еще одна мотивировка, которую сами печатники XVI века не выдвигали в качестве причины введения книгопечатания, а именно, быстрота изготовления („скорого делания") печатной книги и дешевизна ее („легкия ради цены"); отсутствие этого аргумента в федоровских и прочих послесловиях XVI и XVII вв., надо думать, объясняется отчасти и лицемерием. Кроме того, при тогдашнем господствующем взгляде на переписку книг как на религиозное дело, подобная мотивировка была бы признана „еретической", хотя, несомненно, она занимала не последнее место среди причин, обусловивших введение книгопечатания в России.

Никаких указаний на то, как производилась правка рукописей, с которых печатали первые типографы, какими лицами

---

1 Сказание о воображении книг печатного дела. См. Строев, П. Описание старопечатных книг славянских библиотеки Царского, М., 1836, стр. 449.

Двда пророка и цря пѣсни книга а

Ѱалом двдвъ. не описанъ ѿ евреи

Блаженъ мужъ иже не
иде на совѣтъ нече
стивыхъ. и на пути
грѣшныхъ не ста.
и на сѣдалищи губи
тель не сѣде. но в законѣ
гни воля его. и в законѣ
его поучится днь и нощь.

Заглавный лист Московской Псалтыри 1568 г.

и где именно, — послесловия XVI в. не дают. Систематическая правка рукописей, их „свидетельствование“ с древними источниками относится уже к началу XVII в.

В XVII веке дело книжного исправления приобретает еще больший размах, чем в XVI веке, в связи с обострением классовой борьбы, нашедшей яркое выражение в расколе. Так в Потребнике 1633 г. сообщается, что „повелеста от градов книги харатейныя добрых переводов древних собирати, и ко свидетельству божественых писаний благорассудныи свой совет приподавати, и от тех древних харатийных книг божественых писании стихословие исправляти, яже неисправлением от преписующих, и многолетных обычаев погрешена быша: сия вся исправльша, и во единогласие вся потребы и чины церковного священноначалия сочетаста“.

Неисправность религиозных текстов рукописных книг вызывалась, прежде всего, техническим несовершенством рукописного способа производства книги. Имела также большое значение малограмотность переписчиков, низкое качество переводов, а также наличие болгаризмов и сербизмов в языке русских книг, особенно с XV в. Для лучшей постановки дела переводов, как известно, был приглашен Максим Грек, который сделал вновь перевод многих церковных книг. Кроме того, рост производства рукописной книги в XV и XVI веках, в виду технической отсталости этого производства, привел, естественно, к резкому снижению ее грамотности, в то время как требования к книге возросли. Особенно большое значение имела исправность рукописных текстов богослужебных книг, бывших главным и основным орудием идеологического воздействия в руках господствовавших классов феодального общества. Техническая отсталость рукописного способа производства книги становилась, таким образом, тормозом на пути ее использования. Неисправности, получавшиеся в книге вследствие ее кустарного изготовления, становились опасными и политически, поскольку в связи с обострением классовой борьбы в XVI веке они использовались против господствующего порядка. С образованием Московского государства выдвигаются новые слои феодального общества, поднимается дворянство, начинает развиваться торговая буржуазия и ремесло. В связи с этим образование перестает быть

достоянием одного духовенства и проникает в среду других классов Московского общества и, прежде всего, в среду торговой буржуазии. К этому времени относится рост ересей в Московском государстве, в частности ереси жидовствующих, которая отражала политические интересы преимущественно верхушки народившейся торговой буржуазии, а также ересей: Башкина, Косого, Артемия и др. Не случайно также, что главным рассадником ересей были города и, в частности, Новгород — наиболее богатый торговый центр Московского государства. Религиозная книга становится важнейшим средством борьбы в руках представителей этих движений. В связи с этим борьба за „правильность" текстов религиозных книг приобретает особую важность для Московского правительства.

Вопросы книжного исправления на всем протяжении XVI и XVII вв. имели в жизни Московского государства важнейшее политическое значение. Борьба за „правильность" текста богослужебных книг имеет длительную историю как на Западе, так и в России. Характерно, что мысль о цензуре на Западе и первые цензурные мероприятия вышли из кругов крупного католического духовенства. Политика преследования инакомыслящей книги со стороны высшего московского духовенства не была, таким образом, исключительно местным явлением. Но, помимо преследования и уничтожения книг, проводилось в Москве и „исправление" их. Действительно, если книги светские или даже религиозные, вредные политически, церковь могла просто уничтожать, что она и делала энергично и не без успеха для себя, то уничтожать книги „священного писания": Евангелие, Псалтырь, Апостол и др., и в особенности богослужебные, было совсем не в ее интересах, так как они ей были необходимы самой. Поэтому церкви ничего другого не оставалось делать, как производить „исправление" церковных книг. Не останавливаясь подробно на этом, достаточно указать на деятельность Максима Грека и на постановку в 1551 г. на Стоглавом соборе вопроса о неисправности богослужебных книг и о неграмотности книжных писцов и т. д. В ответ на запрос Грозного церковный собор, как известно, постановил организовать надзор за работой книжных писцов, т. е. ввести государственную духовную цензуру. В соответствующем своем постановлении Стоглавый

собор[1] предлагает: „...Да протопопом и старшим священником избранным,[2] со всеми священники, в коемждо граде, во всех святых церквах..., и на престолех святых дозирати, антиминсов, и священных книг евангелия и апостола,[3] и протчих святых книг, их же соборная церковь приемлет..., а которые святые будут книги евангелия и апостолы и псалтыри, и прочии книги, в коейждо церкви, суть обрящете неправлении, описливы и вы те все святые книги с добрых переводов исправили бы соборне, занеже священная правила о том запрещают, и не повелевают, неправедных книг в церковь вносити и ничтоже[4] по них пети".

В следующей главе постановлений того же собора говорится специально о книжных писцах; предлагая следить за тем, чтобы списывание производилось с „добрых переводов" и написанное после тщательно проверялось и исправлялось, Стоглав прибавляет: „Которые писцы написав книгу, продаст неисправив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением. А кто у него купит неисправленную книгу, и вы тому возбранили бы же, потому же с великим запрещением, чтобы впредь тако не творили, а впредь когда таковии обличены будут, продавец и купец, и вы бы у них те книги имали даром, без всякого зазору, да исправив отдали бы в церковь, которая будет скудна книгами, таковая видяще вашим брежением, и протчии страх примут.[5]

Но все эти цензурные мероприятия оказались малодейственными в борьбе с неисправностью книги, и, когда, в связи с территориальной экспансией Московского государства в восточном направлении, потребовались для вновь строившихся

---

[1] Здесь цитируется Стоглав. Лондон, 1860, стр. 70, глава двадцать седьмая О святых иконах и о исправлении книжном. Ср. Стоглав. М., 1890, стр. 49: „О божественных книгах 5 [-й] вопрос. Божественные книги писцы пишут с неправленых переводов, а написав не правят, опись к описи прибывает недописи и точки не прямые. И по тем книгам в церквах божиих чтут и поют и учатся и пишут с них. Что о сем небрежение и о великом нашем нерадении от бога будет по божественым правилом".

[2] Варианты по московскому изданию Стоглава: „и старейшим священником и избранным священником..." (стр. 126).

[3] Моск. изд.: „... священных книг святых евангелий и апостол" (стр. 127).

[4] Моск. изд.: „... ниже..." (там же).

[5] Там же, стр. 71 (глава двадцать восьмая). Ср. моск. изд., стр. 128 („отдавали бы..., да видячи таковая...").

церквей богослужебные книги, среди многочисленных рукописных экземпляров, приобретавшихся по приказу Ивана Грозного на торжищах, „мали — как указывается в послесловии к Апостолу 1564 г. — обретошася потребни“. При таком положении дел единственным разрешением вопроса могло явиться книгопечатание. Но, вместе с тем, важно отметить, что мысль об использовании книгопечатания как средства исправления книг, на что, как на причину заведения типографии, указывает автор послесловия к Апостолу 1564 г. и прочие московские печатники XVI в., ни царем, ни митрополитом на церковном соборе в 1551 году не выдвигалась. Это наводит на предположение, что социальные условия не позволяли еще тогда Московскому правительству предпринять решительные шаги в отношении устройства книгопечатания. Действительно, если все постановления Стоглавого собора были направлены к укреплению государственной власти над церковью, то в вопросе о книге Стоглавый собор остался на позиции сохранения, улучшения и укрепления старого примитивного, отсталого технически, рукописного способа производства книги, в существовании которого церковь была кровно заинтересована. Поэтому решения Стоглавого собора по этому вопросу в той социальной обстановке имели явно реакционный характер. Решение же об отдаче детей „на учение книжного письма“ [1] показывает определенно, что переписывание книг продолжало быть центральной заботой церкви в книжной политике.

С другой стороны, постановления церковного собора об организации надзора над работой книжных писцов свидетельствовали о неудовлетворительности рукописной книги и остроте создавшегося в связи с этим положения. То обстоятельство, что в решениях Стоглава нет ни одного указания на книгопечатание как на средство исправления книг, говорит определенно об отрицательном отношении в тот период верхов церкви к печатной книге, которая тогда была достаточно хорошо известна в московских правящих кругах. Однако, как в вопросах книжного исправления, так и введения книгопечатания среди правящих кругов московской церкви не было единодушия. Существование

[1] Моск. изд., гл. 26, стр. 125.

оппозиции против реформ московского правительства в деле книжного исправления и книгопроизводства было связано с борьбой представителей крупного боярского и церковного землевладения со сторонниками среднего и мелкого помещичьего землевладения. Как видно из фактов расправы с Максимом Греком и другими исправителями церковных книг и фактов преследования первопечатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца, эта оппозиция была довольно значительной и сильной.

Московское правительство длительное время было вынуждено поддерживать рукописный способ производства, поскольку в его сохранении было заинтересовано духовенство, чего не могло не учитывать государство, опорой которого являлась церковь. Книгопечатание явилось важнейшим средством борьбы с неисправностью религиозных текстов. Самая мысль о связи книжного исправления с книгопечатанием высказывалась уже в Москве в первой половине XVI в. и, что особенно важно, исходила из круга Максима Грека. В предисловии к „Новому Маргариту" князь Курбский изложил беседу свою с Максимом Греком по вопросу об исправных религиозных текстах. Ссылаясь на опыт венецианцев, использовавших, якобы в целях исправления богослужебных книг, греческие рукописи, Максим Грек сообщил следующее: „И преводят [два венецианских презвитера] книги всех учителей наших, елико их обрели, от елинския беседы на римскую, по чину и разуму грамотическому, не отменяюще вималейше. И преложивше их на язык свой, дают в друк (на печатование) и размножают много и посылают продавающе их легкою ценою не точию в Италии, но и по всем странам западным, на исправление и просвещение народов христианских".[1]

Таким образом, другой важнейшей причиной, обусловившей введение книгопечатания в Москве, была необходимость усиления духовной цензуры в связи с неисправностью рукописных книг, которая способствовала возникновению и развитию ересей, служивших формой выражения недовольства различных классов московского общества политикой Московского прави-

[1] Цит. по статье А. С. Орлова „Литература Московского государства в XVI веке" („История русской литературы до XIX в." под ред. А. Е. Грузинского. Изд. „Мир", М., 1916, т. I, стр. 279).

тельства. Для борьбы с ними действительным средством считались тексты, провереные и исправленные. Ереси были основной идеологической формой, в которую выливалась классовая борьба в эпоху феодализма, ибо религия была господствующим мировоззрением, а церковь наиболее крупным и организованным феодалом. „Всякая борьба против феодализма", — как пишет Энгельс, — „должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви.[1]

Известная связь ересей с неисправностью религиозных текстов и роль книгопечатания, как радикального средства уничтожения неисправностей, были отмечены еще в начале XIX в. известным библиографом и исследователем старопечатной книги П. Строевым. В предисловии к „Описанию книг графа Ф. А. Толстова" (1829), не сознавая, конечно, материалистической основы возникновения ересей и выражая идеалистические взгляды тогдашней дворянской науки, Строев писал: „Но преимущественно церковь обрела в нем подпору весьма важную. Переписывание искажало богослужебные книги: ошибки писцов (невежд) и перемены злоумышленные давали повод к толкам; от слов рождались ереси, распри, преследования; и самые соборы ученых феологов не были сильны изгнать лжеучение. Одно искусство типографии успокоило церковь: способ размножения однообразных книг упрочил навсегда целость священных песнословий и правил".[2]

Таким образом, все мероприятия Стоглавого собора по вопросам книжного дела, при всей их консервативности, поскольку они имели целью централизовать и унифицировать религиозную книгу и другие идеологические средства угнетения, исторически подготовили введение книгопечатания, которое представляло собой дальнейший и наиболее решительный шаг в том же направлении. Можно считать несомненным, что деятельность Максима Грека, как и постановление Стоглавого собора об организации духовной цензуры, создали условия для введения

---

[1] К. Маркс, Избр. сочинения, под ред. В. В. Адоратского, М.-Л., 1933, т. I, стр. 311 (статья Энгельса „Об историческом материализме").

[2] Строев, П. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке графа Ф. А. Толстова, М., 1829, стр. IV.

книгопечатания в Московской Руси. Тот факт, что первопечатники печатали как раз те книги, которые Максим Грек исправлял (Апостол, Псалтырь, Часослов, Триодь Цветную и т. д.),[1] позволяет установить непосредственную историческую преемственность деятельности Максима Грека с деятельностью Ивана Федорова и его продолжателей. Этим также объясняется высокая ра[illegible]отность первопечатного Апостола, который печатался после исправления богослужебных книг, произведенного самим Максимом Греком или под его руководством. На это последнее указывает и орфография Апостола 1564 г., на которой, по мнению А. С. Орлова, можно усмотреть следы влияния такого грамматика, как Максим Грек. Книгопечатание, таким образом, закрепляло дело книжного исправления в то время, когда рукописная книга являлась источником, порождавшим многочисленные ошибки, описки и извращения и т. д.

В действительности причины введения книгопечатания в России гораздо глубже, чем их объясняют первопечатники. Дворянская и буржуазная историческая наука вопроса о причинах возникновения книгопечатания в России также не разрешила, ограничиваясь обычно приведением соответствующих мест из послесловия Апостола 1564 г., объяснявшего, как известно, причины появления книгопечатания в России неисправностью богослужебных книг и потребностью в книгах для вновь строившихся церквей в Московском государстве, в частности для Казани, превознося при этом мудрость Грозного и Макария и обходя молчанием классовую борьбу, развернувшуюся вокруг этого дела. Не случайно, что большинство известий о возникновении книгопечатания в Московском государстве относится к половине XVI в. (1547—1564), ибо введение книгопечатания в России было теснейшим образом связано с борьбой Грозного с феодальным боярством и феодальными слоями церкви, борьбой, достигшей в эти годы наибольшего напряжения. Именно в эти годы Грозный предпринимает решительные шаги к упрочению и расширению самодержавного строя (Стоглавый собор, Судебник, завоевание Казани и Астрахани и учреждение опричнины), выражавшего интересы служилого дворянства и торговой

[1] Иконников, В. С. Максим Грек и его время, изд. 2, Киев, 1915, стр. 17

буржуазии. Поэтому вовсе не случайно хронологическое соседство организации первой типографии (1563—1564) с учреждением опричнины, этой своеобразной диктатуры служилого класса (1565).

Печатание книги в руках Грозного явилось могущественным средством укрепления господства тех классов, интересы которых отражала его политика, и было тем самым одним из важнейших звеньев ее. Переход к книгопечатанию означал, прежде всего, усиление зависимости церкви от государства. Это было третьей важнейшей причиной, обусловившей введение книгопечатания в России.

Таким образом, основными причинами введения книгопечатания в России были следующие:

1. Потребность в книгах в связи с колониальной политикой Грозного и рост потребности в книге вообще в связи с развитием ремесел и торговли.

2. Необходимость упрочения государственной цензуры: а) вследствие усиления роли книги в связи с обострением классовых отношений в Московской Руси в XVI в.; б) вследствие неисправности религиозных книг, получавшейся от технической отсталости рукописного способа производства и использовавшейся различными классовыми группами в борьбе с московским абсолютизмом.

3. Политика централизации и унификации средств идеологического воздействия, проводившаяся московским правительством в связи со стремлением самодержавия подчинить церковь светской власти и с укреплением абсолютизма вообще.

3

Дело изготовления книг, находившееся почти целиком в руках духовенства и производившееся по отдельным церквам и монастырям попами и монахами, с введением книгопечатания сосредоточивалось в руках государства. Это обстоятельство, конечно, не могло не вызвать протеста со стороны духовенства. „Изобретение книгопечатания и потребности все более расширяющейся торговли, — писал Энгельс, — лишили его [духовенство] монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образо-

вание".[1] Церковь не желала выпустить из своих рук такое могучее идеологическое орудие, как книга. К этому необходимо прибавить, что дело „писания книг" было далеко не душеспасительным занятием, а, прежде всего, источником дохода известных слоев духовенства. Книга в руках церкви была тогда огромной силой, так как она находилась в ее монопольном обладании. Так как население Московской Руси было в массе неграмотно, то книга была недоступна индивидуальному пользованию не только в силу дороговизны, но именно в силу неграмотности населения. Вследствие этого особенно большую роль играли тогда книги богослужебные, бывшие основным орудием идеологического воздействия; поэтому среди различных форм рукописной книги первое место занимали богослужебные. Этим объясняется также, что первыми печатными книгами были также богослужебные, необходимые для руссификации народов, завоеванных Грозным.

Против книгопечатания было, очевидно, также и феодальное боярство, стоявшее в оппозиции к реформам Грозного вообще. В послесловии к львовскому Апостолу (1574) Иван Федоров указывает виновников своего бегства из Москвы „презельного ради озлобления, часто случающегося нам, не от самого государя, но от многих начальник и священноначальник и учитель, которые на нас, зависти ради, многие ереси умышляли, хотячи благое дело в зло превратити и божие дело в конец погубити, якоже обычай есть злонравных, и ненаученых, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навыкше, ниже духовного разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе наветующи, не разумеет како ходит, и о чем утвержается: сия убо нас от земля и отчества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели".

Весьма характерно, что при этом Иван Федоров не называет поименно своих гонителей; отсюда следует сделать вывод, что преследование первопечатников было не личным, не случайным, а являлось результатом определенной политики известных слоев московского общества.

---

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 120.

Грозный не был виновником бегства Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Это видно из факта обращения Константина Острожского к Грозному за рукописной библией для ее напечатания. „Токмо от благочестива и в православии изрядно сиягелна государя и великого князя Ивана Василиевича Московского и прочая, — говорится в послесловии к Библии 1581 г., богоизбранным мужем Михаилом Гарабурдою, писарем великого князства Литовского, с прилежным молением испрошенную, сподобихомся приати съверъшенную Вивлию: з Греческа языка седмьдесять и двема преводники, множае пяти сот лет на словенский преведенную еще за великого Владимера, крестившего землю рускую“.[1]

На сложность классовых взаимоотношений московского общества, в связи с введением книгопечатания, указывает акад. А. С. Орлов в цитированной выше статье „Книга — орудие социальной борьбы“, когда говорит о гонении на первопечатную книгу. „Примером массового преследования книги, — пишет он, — может служить сожжение москвичами новозаведенной типографии в шестом десятилетии XVI в. Вероятно, жгли ее не одни местные писцы и не за то только, что заведение печати угрожало их заработку. Здесь проявилась многосложность социальных отношений, завершавших предшествующие периоды феодализма ожесточенной борьбой. Здесь выступали общественные группы, находившиеся, вероятно, на разных ступенях зависимости, но одинаково прозревавшие усиление эксплоатации от усовершенствования орудия власти“.[2]

Деятельность Ивана Федорова в Литве и Польше представляет огромный интерес для понимания начального периода русского книгопечатания, поскольку в ней отчетливо проявились буржуазные черты, особенно во время пребывания Ивана Федорова во Львове, где он выступает вполне самостоятельно как частный предприниматель, имеющий помощников в своей типографии, сам производящий изготовление и продажу напечатанных

---

[1] Есть указания, что это был список знаменитой Геннадиевской библии. См. статью И. И. Малышевского „Патриарх Иеремия II и князь Константин Острожский“ в Трудах Киевской духовной академии, 1889, № 1, стр. 69.

[2] Орлов, А. С. Книга — орудие социальной борьбы. Тр. Ком. по древнерусской литер., 1932, I, стр. 9.

книг и оперирующий довольно большими для своего времени денежными средствами. Документы Львовского городского архива, изданные А. С. Петрушевичем и С. Л. Птащицким,[1] достаточно ясно характеризуют буржуазный характер этого периода деятельности первопечатника. Иван Федоров по характеру своей деятельности приближается к таким фигурам, как Этьены, Альды, но роль пионера буржуазной книги в России выпала на долю Новикова, жившего уже во второй половине XVIII века.

О деятельности и личности Петра Тимофеева Мстиславца известно меньше, чем об Иване Федорове. После разрыва с последним Петр Мстиславец печатал в Вильне в типографии Мамоничей в 1575 г. Четвероевангелие и в 1576 г. Псалтырь. Эти издания в техническом и художественном отношении далеко уступают всем изданиям Ивана Федорова: Петр Мстиславец был несомненно менее значительным типографом, чем Иван Федоров.

О судьбе типографии Федорова в Москве, кроме сведений из „послесловия“ к львовскому Апостолу (1574), документальных исторических известий не сохранилось. Однако, бывший в Москве в 1588 г. английский посланник Джильс Флетчер сообщает в своем сочинении „О государстве русском“ следующие данные о первых шагах московского книгопечатания: „Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок и буквы, и здесь была основана типография с позволения самого царя и к величайшему его удовольствию. Но вскоре дом ночью подожгли и станок с буквами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство“.[2] Здесь нет прямого указания на Ивана Федорова, но не может быть никаких сомнений в том, что Флетчер имел в виду именно его. Во всяком случае, указания Флетчера на враждебное отношение духовенства к введению книгопечатания в Москве подтверждают вышеприведенные слова Ивана Федорова из послесловия к львовскому Апостолу.

---

[1] Петрушевич, А. С. Иван Федоров. Русский первопечатник. Львов, 1883 г. Птащицкий, С. Л. Иван Федоров московский первопечатник. Пребывание его во Львове. 1573—1583 гг. Очерк по архивным материалам (Русская старина, 1884, март, стр. 461—478).

[2] Флетчер, Д. О государстве русском. Оттиск из чтений в Об-ве ист. и древн. Росс., 1848, стр. 75—76; изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 96.

Другое подобное сообщение француза Андрэ Теве относится к более раннему времени. Теве пишет: „но все же, так как они очень подозрительны и создают трудности там, где их нисколько не видно, по примеру греческих сектантов, некоторые из них путем тонкого коварства и подставных лиц нашли способ сжечь их шрифты, так как они боялись, не принесет ли печатное слово какую-либо перемену или затмение в их образ мысли и религию“.[1]

Других исторических свидетельств об уничтожении типографии Ивана Федорова в Москве, кроме сообщения Флетчера, не сохранилось. Однако, хотя это сообщение и относится к более позднему времени, ко времени царствования Федора Иоанновича, все же ряд фактов, так же как и указание Андрэ Теве, говорит за то, что разгром типографии мог иметь место. Но если он и был, то, повидимому, после бегства московских первопечатников в Литву, ибо Иван Федоров ничего не говорит о ее поджоге в своем послесловии к львовскому изданию Апостола 1574 г.

Обстоятельства и время бегства из Москвы первопечатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца точно неизвестны. Можно лишь определенно предполагать, что оно произошло между 1566 и 1568 гг., так как в 1565 г. Федоров выпускает в Москве Часовник, а в 1568 г. он уже печатает в Заблудове Евангелие учительное.

Ряд исследователей первопечатной книги (Строев, Евгений, Сопиков, Сахаров и др.) полагают, что после Часовника 1565 г. в Москве было напечатано еще Евангелие. Евгений в статье о славянорусских типографиях говорит: „После Апостола напечатано было еще Евангелие другим шрифтом, гораздо крупнейшим, в малой лист, с таким же неисправным правописанием, но в нем уже означен и счет листов под нижними углами правой страницы“.[2] П. Строев в своем описании замечает: „Нет сомнения, что ими же (т. е. Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем) издано Евангелие, о котором давно есть намеки“.[3]

---

[1] Thevet, André. Cosmographie moscovite, pp. 165—166.

[2] Евгений, митр. О славяно-русских типографиях. Вестник Европы, 1813 № 14, июль, стр. 110.

[3] Строев, П. Описание старопечатных книг славянских. М., 1841. стр. 213. Не это ли евангелие имел в виду Леонид. См. выше, стр. 29.

Дворянско-буржуазная историография, начиная с церковного писателя митр. Евгения и дворянского историка Карамзина,[1] почти до самого последнего времени объясняла бегство первопечатников из Москвы „сопротивлением отсталых производителей рукописных книг“ — переписчиков, замалчивая, вместе с тем, реакционную роль верхов духовенства и боярства, стоявших в оппозиции к реформам Грозного. Откуда почерпнули это свое утверждение Карамзин и Евгений, неизвестно; это несомненно были домыслы, которые, как видно из выше цитированных указаний самого Ивана Федорова и свидетельства Флетчера, неверны. Что переписчики были против книгопечатания, сомневаться не приходится, но утверждать, что именно они были главными виновниками бегства Ивана Федорова и Петра Мстиславца, у нас нет никаких оснований; наоборот, у нас нет никаких оснований сомневаться в роли верхов духовенства и боярства как виновников их бегства; переписчики же могли быть скорее всего орудием в руках феодальных верхов: не лишено значения молчание самого Ивана Федорова о переписчиках как виновниках его бегства.

Таким образом, по проискам консервативных представителей правящего боярства (начальники), высшего духовенства (священноначальники) и духовенства учительствовавшего (учители), противодействовавших введению книгопечатания, Иван Федоров со своим компаньоном вынужден был бежать за пределы Московии, в Литву и Польшу, где находилось белорусское и украинское население, в среде которого беглецы продолжали свою типографскую деятельность. В Польше Федоров ориентировался преимущественно на украинскую торговую буржуазию. И он и его компаньон, Петр Мстиславец, в Москву больше не возвращались, до конца жизни оставшись эмигрантами. Бегство Ивана Федорова и Петра Мстиславца — наиболее яркий момент классовой борьбы, разыгравшейся вокруг введения книгопечатания в России. Но эти факты не смогли остановить продолжения раз возникшего дела, в котором тогда было заинтересовано самодержавие.

---

[1] Евгений, митр. Словарь исторический о писателях духовного чина, изд. 2-е, СПб., 1827, т. I, стр. 267; Карамзин, Н. М. История государства Российского, СПб., 1821, т. IX, стр. 50.

В 1568 г. другие печатных дел мастера, Невежа Тимофеев и Никифор Тарасиев, повидимому, ученики Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца или их помощники, печатают Псалтирь уже в новой типографии, что видно из послесловия к этому изданию, в котором они пишут: „И повелением благочестивого царя и благословением святейшего митрополита Афанасия всея Русии составися штанба сия в лето седмь тысящ семьдесят шестое марта в 8 день и первие начаша печатати сию книгу пророческую часть, иже есть четвертая ветхого завета, глаголемую Псалтырь... Съвершена же бысть в лето седмь тысящь семьдесят седмое декабря 20 день". Длительный перерыв в книгопечатании в Москве наступает лишь с 1568 г., когда до 1589 г. не было напечатано ни одной книги, за исключением Псалтири 1577 г., которая была издана не в Москве, а в Слободе Александровской, в центре опричнины, тогдашней резиденции Грозного. Этот факт представляет исключительный интерес тем, что подчеркивает связь введения книгопечатания в России с опричниной.

То, что единственная сохранившаяся от этого времени печатная книга была напечатана за период с 1569 до 1589 г. не в Москве, а в Слободе Александровской, и при том одним и тем же лицом, Невежей Тимофеевым, говорит также и за то, что типография была перенесена из Москвы в Слободу.

О печатании книг в Слободе Александровской сохранилось известие польского иезуита Поссевина, бывшего в Москве в 1581 г. Вот что он пишет в своей книге о Московии: „Книги они все пишут сами и не печатают за исключением того, что станку отдается кое-что только для нужд государства в городе, который называется Александровская Слобода (Sloboda Alexandresca), где он [царь] имеет типографию".[1] Тот факт, что кроме Псалтири не сохранилось других книг, напечатанных в Слободе Александровской, не доказывает еще, что деятельность этой типографии ограничилась выпуском одной Псалтири

---

[1] Possevinus, Antonius. Moscovia. Vilnae 1586, Alter commentarius, pp. 8—8 v. Пользуюсь переводом А. Н. Маленна, которому приношу благодарность за это, а также и за ряд других ценных указаний. Пользуюсь случаем выразить признательность и другим товарищам по НКДП, оказывавшим мне помощь в работе.

К тому же имеются указания, что в царской типографии в Слободе Александровской печатались и светские книги: так существует известие, что там были напечатаны две книги, касавшиеся внешней политики Ивана Грозного.[1] Можно вполне допустить, что в условиях ожесточенной борьбы между крупным и мелким землевладением книги, напечатанные в Слободе в это время, могли быть уничтожены. Во всяком случае, если типография в Слободе и напечатала что-либо, то очень мало, ибо обостренная политическая борьба, переживаемая Московским государством в 70-х и 80-х гг.,[2] вряд ли способствовала развитию книгопечатания. Если же учесть позицию высшего духовенства в этом деле и взаимоотношения между дворянством и боярством, то вполне понятно, что в этой обстановке типография могла не напечатать ни одной книги.

Особенности развития печатной книги в России заключаются в том, что своим появлением в Москве книгопечатание обязано не частной инициативе отдельных предпринимателей, как это было на Западе, а государству, правительству в лице царя и митрополита. Однако, это не меняет классового существа книгопечатания, которое появилось в России в результате зарождения предпосылок буржуазного развития. Впрочем, и на Западе были аналогичные явления. Гутенберг, хотя и действовал самостоятельно, однако, пользовался покровительством одного феодала. Этьены во Франции пользовались поддержкой самого короля. Своеобразное происхождение книгопечатания в Москве с самого начала определило характер и направление деятельности первой русской типографии, которая была основана для печатания богослужебных книг. Книгопечатание, насаждаемое сверху, не имело достаточно благоприятных социальных условий для своего развития. Поэтому на всем протяжении XVI в. и первой половины XVII в., т. е. до 1647—1649 гг., когда были напечатаны в Москве первые две светские книги: „Учение и хитрость ратного строения пехотных людей"

---

[1] См. „Библиотеку Российскую" еп. Дамаскина (Руднева). Пам. др. письм., СПб., 1881, стр. 21.

[2] Греков, Б. Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне. Изв. Гос. Акад. ист. матер. культ., вып. V, стр. 144.

и „Уложение" царя Алексея Михайловича, печатались только книги религиозного содержания. Поэтому и техника книгопечатания за эти три четверти века почти не изменилась.

Изменения, происшедшие в экономике и политике в феодальной России, в связи с образованием Московского государства, нашли отражение в изменении общественного характера книги. Введение книгопечатания в России в XVI веке было связано с изменением социальной роли книги, которая становится уже достоянием новых общественных слоев феодального общества, интересы которых выражало правительство Грозного и, прежде всего, дворянства. Поэтому значение введения книгопечатания в России заключается не только в изменении техники производства книги, а в изменении общественного характера книги, ее социальной функции, что вполне отчетливо определилось лишь в XVIII веке. В свою очередь общественные условия, которые породили книгопечатание, оказали свое влияние и на рукописную книгу.

Введение книгопечатания не может быть взято изолированно от других книжных явлений этого времени. Оно, прежде всего, должно быть поставлено в связь с изменением общественного характера рукописной книги. Влияние новых условий на рукописную книгу сказалось, с одной стороны, в появлении новых форм чисто политической литературы, в публицистике. Эта литература шла, прежде всего, со стороны дворянства, давшего такие крупные полемические произведения, как: Сказания Ивана Пересветова о царе Туркском Магмете, его челобитные к Грозному, Сказания о Петре Волошском воеводе, произведения Ермолая Еразма: Житие Петра и Февронии Муромских и Правительница. Здесь небезынтересно отметить, что вышеуказанные Петр и Феврония Муромские принадлежат к числу святых, канонизированных русской церковью при митрополите Макарии. Этот факт указывает на то, какая тесная связь была у дворянской публицистики XVI века с политикой Грозного по укреплению господства дворянского землевладения. К этой публицистической литературе следует отнести и переписку Грозного с Курбским. Идеологи интересов крупного землевладения, в свою очередь, дали такую публицистическую вещь, как Беседу преп. Сергия и Германа валаамских чудотворцев и Историю Великого

князя Московского, написанную Курбским. С другой стороны, был организован ряд больших книжных работ, выполненных под руководством митрополита Макария и закрепляющих идеологически новый политический порядок. К их числу А. С. Орлов относит „Великие Четьи Минеи“, составление Степенной книги царского родословия и Никоновского летописного свода. Все эти книги были призваны укрепить идеологически московскую самодержавную власть. Такой же характер и значение имеют Стоглав и Домострой. Макарьевские Четьи Минеи были частью работы по канонизации святых: единству власти на земле должно было соответствовать единство на небе; Степенная книга закрепляла привилегии царской власти, опиравшейся на дворянство; Никоновский свод приспосабливал историю к интересам самодержавия, выводя династию Грозного от Августа и Рюрика, возвеличивая Грозного и оправдывая его политику. Никоновский свод был новым в классовом отношении видом летописи. Эта книга была особенно роскошной, что должно было соответствовать растущей мощи самодержавного строя. Введение книгопечатания относилось к числу мероприятий Московского правительства, направленных к усилению самодержавной власти и было наиболее значительным из них по своим последствиям для всего дальнейшего развития книги. Книгопечатание, с другой стороны, вызвало резкое сопротивление верхов духовенства, так как затрагивало кровные интересы церкви, усиливая ее зависимость от государства.

Изобретение Гутенбергом способа механического размножения книги посредством печатания подвижными буквами, — величайшая техническая революция в производстве книги, — создавало вообще новую мощную техническую базу для расширенного производства книги, которая при определенных общественных условиях могла стать источником демократизации книги. Таких условий в XVI в. в России не было, а учреждение Грозным типографии, как известно, не имело целью широкое распространение книги в стране, а направлено было на удовлетворение нужд церкви. Только в середине XVII в. печатная книга становится предметом индивидуального потребления не только духовенства, но и высших слоев дворянства. Потребовалось почти 150 лет, чтобы сделать решительный шаг

от печатания богослужебных книг к печатанию книг светского содержания.

Появление книгопечатания на Западе было связано с зарождением буржуазных отношений в недрах феодального общества, с процессом разложения феодального способа производства. Книгопечатание было продуктом новых производственных отношений и как новый способ производства содержало в себе капиталистические элементы. Книгопечатание вообще имело огромное значение в развитии буржуазного общества. Изобретение книгопечатания, по словам Маркса, явилось необходимой предпосылкой буржуазного общества.[1] Поэтому совершенно ясно, что причина позднего появления книгопечатания в России лежит в ее экономической отсталости. В книгопечатании буржуазия приобрела могущественнейшее средство распространения и, следовательно, развития буржуазной литературы, философии и науки. Печатная книга явилась в то время важнейшим орудием борьбы в руках буржуазии против феодального порядка. Поэтому борьба ее за печатную книгу имела прогрессивное значение. „Лозунг свободы печати, — писал Ленин в письме к Мясникову, — стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX в. Почему? Потому, что он выражал прогрессивную буржуазию, т. е. ее борьбу против попов и королей, феодалов помещиков".[2] Далее Ленин указывает на превращение лозунга свободы печати в реакционный. „Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, — говорил Ленин, есть свобода покупать газеты, покупать писателей, подкупать, покупать и фабриковать общественное мнение в пользу буржуазии".[3]

Сдвиги, происшедшие в экономике феодальной России в XVI в. с образованием Московского государства, рост городов,[4] ремесла, торговли, создали условия для введения книгопечатания. Потребность же колониальной политики Грозного явилась ре-

[1] Письмо К. Маркса Фр. Энгельсу от 28 января 1863 г. К. Маркс и Фр. Энгельс. Письма, под ред. Адоратского, М.-Л., 1932, стр. 127.

[2] Ленин. Сочинения, изд. 3, т. XXVI, стр. 472.

[3] Там же, стр. 473.

[4] Греков, Б. Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне. Изв. Гос. Акад. ист. матер. культ., вып. 72, стр. 24.

шающим моментом, непосредственно обусловившим введение книгопечатания в Московской Руси.

Неудачная попытка Грозного выйти к морю и разгром крестьянской революции в начале XVII в., а также захват новых земель на востоке, все это определило победу крепостничества и отбросило Россию, подобно Германии после Тридцатилетней войны, назад и надолго задержало экономическое развитие страны. „Всеобщее восстановление крепостной зависимости, — говорит Энгельс, — является одной из причин, почему в Германии в XVII и XVIII веках не могло возникнуть никакой промышленности“.[1] Эти слова Энгельса в полной мере относятся к России XVI и XVII вв. Поэтому развитие зачатков буржуазных отношений в середине XVI в., выразившихся, в частности, в попытках применения наемного труда в сельском хозяйстве,[2] было задержано. Одним из таких буржуазных зачатков и явилось книгопечатание, которое под влиянием укрепления дворянства, нашедшего выход из экономического кризиса конца XVI в. не на путях буржуазного развития, а в усилении эксплоатации крестьянства в рамках мелкого хозяйства, сохранило чисто феодальный характер до последней четверти XVIII в. Закон о вольных типографиях (1783) был решительным шагом к превращению русских типографий в буржуазные предприятия. Новиков был, по существу, первым частным издателем, поставившим свое издательство на буржуазных началах.

•

Вскрыть действительные классовые корни введения книгопечатания в России и выяснить историческое значение деятельности Ивана Федорова было не под силу феодально-буржуазной науке, да и не в ее интересах, особенно церкви, реакционная роль которой в этом деле общеизвестна.[3] Начало книгопечатания

---

[1] Из письма Энгельса к Марксу от 15 декабря 1882 г. Письма, под ред. Адоратского, М.—Л., 1932, стр. 341.

[2] Греков, Б. Д., назв. соч., стр. 92.

[3] О первопечатной книге написано очень много. Ценность для историка книги — марксиста — представляют прежде всего библиографические работы Ундольского, Каратаева, Строева и др. Имеют значение несколько работ, посвященных выяснению отдельных фактов истории книги этого периода,

и сама биография первопечатника имеют много невыясненного и известны в значительной мере только по его послесловиям к московскому и львовскому изданиям Апостола, которые, конечно, очень субъективны; поэтому, прежде всего, сами послесловия должны быть подвергнуты классовому анализу.

Понять причины возникновения книгопечатания и уяснить истинный классовый смысл деятельности Ивана Федорова можно, только органически увязав их со всей сложностью классовых отношений московского общества в XVI в. Деятельность первопечатника должна быть взята в связи с борьбой Грозного с феодальным боярством и в связи с политикой укрепления самодержавия и подчинения церкви государству. Только в свете классового анализа деятельности Ивана Федорова можно выяснить действительные причины возникновения книгопечатания в России в XVI в. и понять историческое значение первопечатника в развитии печатной книги в России.

Отмечая 350-летие со дня смерти первопечатника, твердо должно помнить классовый характер деятельности Ивана Федорова, явившегося проводником политики дворянства и торговой буржуазии в их борьбе с боярством и феодальными слоями церкви. Первопечатная книга была поставлена на службу нарождавшемуся абсолютизму, выражавшему интересы поднимавшихся классов московского общества — служилого дворянства и торговой буржуазии, шедших к господству на смену вырождавшемуся боярству.

Нельзя также забывать, что первопечатная книга в руках самодержавия явилась, прежде всего, идеологическим орудием политического и экономического закрепощения русского крестьянства и крестьянства национальностей Поволжья и Сибири,

в частности исследования Викторова и архим. Леонида об анонимных изданиях. Огромное же большинство работ по истории первопечатной книги представляет собою пересказ послесловий к первопечатным изданиям и „Сказания о воображении книг печатного дела" в выгодном для господствующих классов виде. Плодом такого приспособления истории книги к нуждам дворянства и феодально-клерикальных кругов и явилась версия, объяснявшая причины бегства книгопечатников происками переписчиков, версия, извращавшая исторические факты и замалчивавшая отрицательное отношение верхов церкви и боярства к введению книгопечатания в Москве.

завоеванных в эпоху Грозного. „Социальные принципы христианства, — говорит Маркс, — оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество“.[1] Религия была основным идеологическим орудием духовного порабощения угнетенных классов в руках господствующих классов феодального общества, а религиозная книга — ее важнейшим звеном.

Царское правительство, сосредоточив в своих руках дело книгопечатания и надзора за ним всячески задерживало его развитие и препятствовало использованию книги другими классами и, прежде всего, революционным пролетариатом. В деле книгопечатания роль самодержавия, за все время его существования, была неизменно реакционной; жестоко преследовало оно таких деятелей, как Новиков, Радищев, декабристы, Герцен, Чернышевский и, наконец, всю революционную печать пролетариата и его партии.

Но, рассматривая деятельность Ивана Федорова в общем ходе исторического развития, необходимо признать, что в историю печатной книги в России он войдет как ее зачинатель, как носитель самого передового для своей эпохи способа производства книги. Нельзя забывать, что книгопечатание в дальнейшем ходе классовой борьбы было использовано в борьбе с самодержавием угнетенными классами, для порабощения которых оно было введено.

Теперь же, когда печать в СССР уже не служит, как в бывшей буржуазно-дворянской России, орудием угнетения, когда она является могучим орудием строительства бесклассового общества, мы можем отдать дань уважения пионеру печатной книги в России.

23 мая 1934 г.

---

[1] „Коммунизм Рейнского обозревателя“. Маркс и Энгельс о религии и о борьбе с ней. Гос. антирелиг. изд., 1933, т. I, стр. 231.

II

А. И. НЕКРАСОВ

ПЕРВОПЕЧАТНАЯ РУССКАЯ ГРАВЮРА

Наше современное советское искусство имеет наибольшие достижения, несомненно, в области книжной гравюры. Здесь мы не только стоим на одном уровне с мировым искусством в его лучших проявлениях, но и являемся учителями, образцовым примером для искусства Запада. Достаточно вспомнить имена В. Фаворского, А. Кравченка, Н. Пискарева и др. В области гравюры, особенно гравюры на дереве, ксилографии в качестве книжной иллюстрации, мы с лихвой отдали Западу то, что получили от него в XVI в., когда начинали наше книгопечатное искусство, ибо последнее мы получили от Запада, а вместе с ним и гравюру.[1]

Это случилось в эпоху значительных социальных сдвигов и умственного оживления, когда наши связи с Западом заметно усиливались и обогащались, энергичное развитие получало наше искусство, не только давшее нам замечательные памятники, но и целую новую отрасль — гравюру. Более того, в то же время наблюдается интерес даже к некоторым искусствовед-

[1] Некрасов, А. И. Книгопечатание в России в XVI—XVII вв. (Книга в России, I, М., 1924), стр. 63—126.

ческим вопросам, порожденным, конечно, политико-социальными запросами эпохи.

Борьба между собой в 1530—1540-х гг. старых феодалов-вотчинников, Шуйских, Бельских, Глинских и др., частью выходцев из Литовско-русского государства, пополнивших старые феодальные ряды в противовес крепнущему самодержавию, вызвала к интенсивной жизни средние феодальные слои и городское купечество, на которые самодержавие опиралось. 1547-й год был чреват последствиями. Великий пожар Москвы был отдушиной для выхода бурных чувств городского населения, скинувшего засилье Глинских, и у молодого Ивана IV, только что получившего царский титул, появились Адашев — представитель поместного дворянства, и поп Сильвестр — представитель купечества.[1] Ловкий митрополит Макарий верховодил делами давно, держась на высоте при всех партиях и классовых обусловленностях. Остался он на своем посту и теперь, и ему, конечно, принадлежала инициатива введения книгопечатания, за каковым делом обратились к Германии, ища в 1547—1548 гг. через саксонца Шлитта всяких мастеров, в том числе и типографа. Дело не увенчалось успехом, но на первых шагах не остановилось.[2]

С 1530-х гг. бывшее до того итальянское воздействие на московское искусство исчезает. Ренессанс в Москве не удался; для него не было соответственных социально-экономических предпосылок. С тех же годов возникает воздействие северо-западной Европы, просачивавшееся к нам отчасти вместе с присоединением некоторых белорусских княжеств. Имел в этом свою роль и Новгород, но, в общем, меньшую, чем это принято думать.

---

[1] Покровский, М. Н. Русская история, I, изд. 7-е, стр. 217.

[2] Снегирев, И. М. О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве (Русск. Историч. сб., изд. Общ. ист. и др. Росс., т. IV, кн. 1, М., 1840). Карамзин, Н. М. Ист. Гос. Росс. СПб., 1819, т. VIII, стр. 111—113. Примеч. стр. 47—50. Аделунг, Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. Ч. I, М., 1864, стр. 133—135. Голубинский, Е. К вопросу о начале книгопечатания в Москве (Богослов. вестн. № 2, 1895), стр. 1—4. Цветаев, Д. И. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, стр. 30—32. Погодин, М. П. Иван Федоров (Журн. Мин. нар. просв., 1870, апр.), стр. 293.

Николай Немчин-Любчанин беседует с Максимом Греком об искусстве и переводит еще в 1534 г. немецкий лечебник.[1] К средине XVI в. проникают к нам астрологические книги не без содействия того же Николая Любчанина.[2] Псковский наместник князь Токмаков переводит с немецкого Луцидариус. В Москву попадают западные книги, и там были люди, знавшие немецкий язык. Родственник Курбского, Лыков, учился в Германии. Русские люди охотно беседуют с иноземцами, отдельные имена которых дошли до нас; таковы Гаспар Эверфельд, Герман Писпинк, какой-то немец Иван, пастор Илья и др. Немцы оказались несколько позднее и среди царских опричников. Были даже случаи тайного перехода в лютеранство, не говоря уже о более общих увлечениях рационалистическими воззрениями, ведшими к так называемым ересям.[3] В 1553 г., одновременно с судом над еретиками Башкиным и Косым, состоялся суд над Висковатым, заподозревшим в вновь написанных после пожара 1547 г. иконах западную ересь, в противность постановлениям Стоглавого собора 1551 г. К суду были притянуты многие ответственные лица, в том числе и поп Сильвестр, на котором лежала обязанность наблюдать за исправностью иконописания.

[1] Соболевский, А. И. Переводная литература Московской Руси XIV — XVII вв. (Сб. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук, т. 74), стр. 42. Змеев, Л. Русские врачебники (Пам. древн. письм., CXII), 1895, стр. 18—19. Буслаев, Ф. И. Сочинения, т. II, стр. 297—299. Малинин, В. Старец Елеазарова монастыря Филофей. Киев 1901, стр. 259 и след. Соболевский, А. И. Материалы и заметки по древне-русской литературе. VIII. Из истории иконописи (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук. П., 1915, т. XX, кн. I), стр. 274—276. Майков, Л. Н. Последние труды. II. Николай Немчин (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук., т. V, кн. 2. СПб., 1900), стр. 372—392.

[2] Петухов, Е. В. Русская литература. Юрьев, 1912, стр. 169, 174.

[3] Рушинский, А. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI—XVII вв. (Чт. в Общ. ист. и др. Росс., 1871, кн. 3), стр. 191—192. Аделунг, Ф. О. с., стр. 121, 130. Цветаев, Д. И. О. с., стр. 17, 18, 131—145, 344, 540, 721, 745. Белокуров, С. А. О Библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899; стр. 319—322 и др. См. рецензию Соболевского, А. И. в Вестн. арх. и ист., вып. XIII. Пыпин, А. Н. Ист. русск. литер. т. I, стр. 466, 467, 480; т. II, стр. 156, 193. Иконников, В. С. Опыт русск. историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1115—1116. Петухов. О. с., стр. 179. Малинин, В. О. с., стр. 255—266 и примеч. 1007. Штаден, Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.

Суд, как известно, кончился не в пользу Висковатого, и либеральная любовь к иконописным новшествам, частью уже укоренившимся в Москве, а вовсе не пришедшим из Новгорода и Пскова, как обычно думают, была узаконена постановлениями суда.[1] Есть указания, что в 1560 г. в Москве было основано училище для обучения латинскому языку, просуществовавшее, правда, недолго; а между 1560—1565 гг. появилась лютеранская церковь.[2]

Воздействие северо-западной Европы в архитектуре сказывается уже с 1530-х гг., напр., в готицизмах Вознесенской церкви в Коломенском и ряде последующих памятников 1550-х гг., шатровых и кубических, как Василий Блаженный, Муромская церковь, храмы Троицкой лавры и проч.[3] Замечательная икона Успенского собора „Жизнь Христа", средины 1550-х гг., воспроизводит мотивы гравюр Нюренбергской хроники Шеделя 1493—1494 гг., что повторяется также в знаменитых миниатюрах Егоровской рукописи и Жития Николая Чудотворца 1550—1560-х гг. (ркп., Ленинская библиотека). Относительный реализм и живописное начало проникают в эти миниатюры. Мы видим передачу движения, пейзажи с сценками сельских работ, шумящие купы дерев, широкие горизонты моря, вздувающиеся паруса кораблей.[4] Не все понято было в иноземных образцах, и, например, конкретная измеряемость пространства осталась чужда русскому художнику. Тем не менее,

---

[1] Буслаев, Ф. И., Сочинения. т. II, стр. 287 и далее. Бодянский, О. И. Розыск по делу дьяка Висковатова (Чт. в Общ. ист. и др. Росс., 1858, кн. 2). Айналов, Д. В. Ист. русск. живоп., Ч. I, СПб., 1913. Покровский. Постановления Стоглава об иконах (Христ. чтение. 1885, № 3—4). Alpatov M. — Brunov N. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, стр. 349—362. Снегирев, И. М. О. с., стр. 127. Петухов. О. с., стр. 183—185. Вилинский, Г. Послание старца Артемия (Зап. Новоросс. унив. Одесса, 1907, т. 106), стр. 89—97, 129—135.

[2] Снегирев, И. М. О. с., стр. 128. Рушинский, А. П. О. с., стр. 214, 217, 303. Иконников, В. С. О. с., стр. 1116.

[3] Некрасов, А. И. Проблема происхождения древне-русских столпообразных храмов. (Тр. Каб. ист. мат. культ. МГУ, вып. V). М., 1939, стр. 17—50.

[4] Щепкин, В. Н. Второй отчет (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук, 1902, вып. 3), стр. 205 и далее. Некрасов, А. И. К вопросу о стиле картины Иванова (Тр. секции Иск. РАНИОН). М., 1928, вып. II, стр. 173—174.

заимствование, как и всегда, было вовсе не механическим, а соответствовало мироощущению молодых классовых группировок, появившихся на жизненной сцене.

В 1552 г. в Москву приезжает датский посол Ганц Массингейм Бокбиндер с Библией и другими двумя книгами и с предложением напечатать их в переводе, а к 1553 г. относится возникновение у нас книгопечатания.[1] В 1556 г. какой-то московский мастер каменных и печатных дел Маруша Нефедьев посылается в Новгород за неким Васюком Никифоровым, „умевшим резать резь всякую". Невольно возникает предположение о начальных работах по книгопечатанию и гравюрному искусству.[2]

Если в области живописного искусства западные издания с гравюрами оставили свой след в качестве весьма переработанных образцов, то в области орнамента, украшающего наши рукописи, мы находим копировку поздне-готического гравюрного орнамента вплоть до передачи ксилографической фактуры.

Уже в Евангелии 1507 г., выполненном в Москве по заказу боярина Трётьякова, великокняжеского казначея, Феодосием, сыном знаменитого мастера Дионисия,[3] встречаются заставки с извивающимися широколиственными зубчатыми травами, типичным мотивом поздней готики, известным как в гравюре, так и в резьбе по дереву, в украшениях мебели, зданий и проч. Рисовальщиком передана даже штриховка параллельными линиями в подражание ксилографии. В том же характере мы находим инициалы в Евангелии 1531 г. Исаака Борева (собрания б. Троице-Сергиевой Лавры);[4] в Евангелии 1533 г., вложенном

[1] Снегирев, И. М. О. с., стр. 118 119, 122—124. Викторов, А. Е. Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатников Апостола 1564 г.? (Тр. III Археол. съезда. Киев, 1878. Т. II). Стр. 212. Петрушевич. Иван Федоров. Львов, 1883. Голубинский, Е. Е. О. с., стр. 6—8. Ровинский, А. Д. Подробный словарь русских граверов. СПб., 1895, стр. 23, 147.

[2] Викторов, А. Е. О. с., стр. 212. Румянцев, В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872, стр. 16.

[3] Бычков, А. Ф. Заставки и миниатюры Евангелия 1507 г. (Изд. Общ. др. письм. и иск., №№ LVIII, LXXXVI) СПб., 1880—1881 гг. Георгиевский, В. Т. Фрески Ферап. мон., СПб., 1911.

[4] Стасов, В. В. Славянский и восточный орнамент. Табл. IC, рис. 3, 8. Опись лицевых изображений и орнаментов книг Ризн. б. Тр.-Серг. лавры, 1921, стр. 37.

Макарием, тогда еще архиепископом Новгородским, в Боровский Пафнутьевский монастырь;[1] в так называемом Филаретовском Евангелии 1537 г., где характер передачи гравюрной манеры таков, что акад. А. И. Соболевский одно время ошибочно полагал, будто мы имеем дело с оттиском гравюрного орнамента в рукописи.[2] Достойно замечания, что самый шрифт этой рукописи впадает в готицизм. Можно указать и еще несколько датированных и недатированных рукописей 1540 1550-х гг. с воспроизведением от руки готических гравюрных орнаментов в виде инициалов и заставок с широколиственными и зубчатыми травами.[3] Наиболее любопытно Евангелие 1552 г., вложенное попом Сильвестром в Соловецкий монастырь.[4] Но все это лишь знакомство с чужеземной гравюрой, ее подделка, а не начало своего гравюрного искусства. Попытки найти оттиски гравюры в рукописях не увенчались успехом. Единственный случай в рукописи б. Типографской библиотеки № 183, до сего времени пребывающей, насколько нам известно, в Лейпциге со времени выставки 1914 г., возможно, относится уже к 1560-м гг., когда у нас уже существовали и книгопечатание и гравюра.[5]

Нет никакого сомнения, что Апостол 1564 г. не является первой книгой, напечатанной в Москве. „Сказание о воображении книг печатного дела“ первой половины XVII в. говорит, что до Ивана Федорова и Петра Мстиславца кто-то (а может быть и они сами, осторожно добавляет сказание) печатал книги.[6] Сохранилось смутное известие, что в 1560 г. какой-то русский купец привез шрифт из Польши, но шрифт этот был уничтожен.[7] Упоминания и описи XVI и XVIII вв. говорят о пе-

---

1 Леонид. Ист.-арх. и стат. описание Боровского Пафнутиева монастыря, стр. 75—76. Георгиевский, В. Т. О. с.

2 Соболевский, А. И. Акт в Археол. инст. (Истор. вестник, 1895, № 7), стр. 238—240. Ровинский. О. с., стр. 161.

3 Лихачев, Н. П. Материалы для истории иконописания. Т. II. Таблица CCCCVI, №№ 769 и 837.

4 Стасов, В. В. Атлас. Табл. CVIII, рис. 7—10.

5 Соболевский, А. И. Рец. на соч. Ровинского. Подр. слов. русск. граверов (Ж. М. Н. Пр., 1896, июнь), стр. 386—387.

6 Викторов, А. Е. О. с., стр. 212. Румянцев. О. с., стр. 13, 14.

7 Dupont. Histoire de l'Imprimerie, Paris, 1854, 1, p. 501.

чатных книгах средины XVI в., которые до сего времени не найдены.[1] Послесловие Апостола 1564 г. имеет такую неясность и неточность, что заставляет признать либо опечатку в датировке истории организации типографии, опечатку, трудно допустимую (путаница букв в обозначении чисел 70 и 60: о и ѯ), либо, скорее, умышленно темную редакцию событий, разглашать которые было нежелательно и среди которых была гибель какой-то типографии до Ивана Федорова, как погибла и типография последнего.

До нас дошли издания, неизвестно кем и когда выпущенные; однако их шрифт, правописание, текстуальные особенности говорят за Москву; вкладные записи датируются временем до 1564 г., а украшающие гравюры доказывают известность этих изданий первопечатникам.[2] Последовательность появления этих изданий нужно начать с Триоди, один экземпляр которой имеет запись о вкладе книги в 1562 г. митрополичьим ключником Севастьяном в Чудное Богоявленье, вероятно, в Московский Богоявленский монастырь. Очень грубо сделанная заставка книги — единственная ее гравюра, представляющая две

---

[1] Дамаскин Семенов-Руднев. Библиотека Российская, или сведения о всех книгах, в России с начала типографии на свет вышедших (рукопись б. Моск. Дух. Ак., № 112).

[2] Владимиров, П. В. Начало слав. и русск. книгопечатания. Киев, 1894, стр. 17, 18, 34. Каратаев, И. Описание слав.-русск. книг, т. I, СПб., 1883, стр. 148—153, 178, 291—293. Погодин, М. О. с., стр. 299. Леонид. Рец. на соч. Каратаева (Ж. М. Н. Пр., 1884, май), стр. 23, 43—49. Соболевский. Первая слав.-русск. палеогр. выставка (Вестн. арх. и ист. СПб., 1900, вып. XIII, стр. 6. Владимиров, П. В. Фр. Скорина. СПб., 1888, стр. 30, 69, 70, 202—204, 234. Игашицкий, С. А. Сборник снимков с слав.-русск. печ. книг. СПб., 1895. Табл. XVIII. Соболевский. А. И. Акты Арх. инст., стр. 238—240. Голубинский, Е. Е. О. с., стр. 9—10. Викторов, А. Е. О. с., стр. 213—217. Евангелие, напеч. в Москве в 1564—1568 гг. Леонид. Пам. др. письм., СПб., 1883). Стр. 5, 7—16, 20—25. Ошибочно Ровинский считал южно-русским Евангелие с монограммой монаха Филиппа (Ровинский, Д. А. О. с., стр. 8, 9, примеч. к стр. 340), в то время как это издание следует считать скорее всего румынским XVII в., судя по гербу. Также фантастичны утверждения, будто на Украине гравюра существовала уже в XVI и даже XV в. (См. Клименко. Українські разнодруки — Бібліологичні Вісти. 350 років українського друку 1574—1924. Київ, 1924, стр. 114—124. Петров. Старинные южно-русские гравировальные доски. Искусство в Южной России. Киев, 1914. № 3—4, стр. 92).

цветочные чашечки с вышеупомянутыми готическими травами, вписанные в прямоугольную рамочку. Мы имеем дело с несомненной копировкой иноземного образца без особых его каких-либо осмысленных изменений.

За Триодью следует Псалтырь, ни один экземпляр которой не имеет, к сожалению, вкладной; но зато некоторыми своими фигурными инициалами Псалтырь связана с тремя Евангелиями, вкладные которых датируют их появление на свет ранее Апостола 1564 г. Единственная заставка Псалтыри представляет сложную симметрическую композицию из готических трав вокруг стеблей, заканчивающихся плодами в виде яблока, кедровой шишки, стрючка. Наиболее замечательны инициалы, представляющие из себя увеличенную прописную букву с моделировкой толщи ее штампов, как будто это пластическое тело, свободно рисующееся на растительном фоне. Идея отделения инициала от самой орнаментики вполне ренессансна, известна по алфавитам Дюрера и Гольбейна и вовсе чужда русскому искусству XVI в. Инициалы Псалтыри порой напоминают не только готический, но и латинский шрифт и более не повторились. Следует заметить, что их пластическая моделировка иногда имеет неясный характер и переходит в плоскостность.

Общность досок, которыми отпечатаны некоторые орнаменты Псалтыри и трех Евангелий, говорит, конечно, за какую-то связь между типографами, эти издания выпускавшими. Два Евангелия наиболее близки друг другу. На экземпляре одного мы имеем запись о вкладе в северный монастырь на Лампожне, от 23 апреля 1563 г.; шрифт этого Евангелия близок к шрифту протестантского несвижского издания Симона Будного и наводит на мысль, не имеем ли мы дело с шрифтом, привезенным из Польши в 1560 г. На экземпляре другого Евангелия мы имеем вкладную 1573 г. в северный Николо-Комельский монастырь игумена Харитона, бывшего в 1561—1567 гг. игуменом в Переяславском Федоровском монастыре, близком к царской семье.[1]

Композиция заставок этих изданий разработана в характере русских рукописей, представляя архитектонический четыре-

---

[1] Владимиров. П. В. Начало книгопечатания, стр. 31. Викторов. О. с., стр. 213—214. Леонид. Евангелие, напеч. в Москве. Стр. 11 и далее.

угольник с подчеркнутым основанием, завершающим килем посреди и угловыми акротериями; построение растительных мотивов внутри, белых по черному фону, совершенно симметрично, обнаруживая то византийское наследие, которое в орнаментике рукописей эпохи Ивана Грозного получило некоторое усиление. Но самые растительные мотивы наших изданий — или готические травы или ветви с виноградными листьями, столь типичные для итальянизирующих орнаментистов вроде Израиля Мекенема. Белый узор по черному фону московских изданий указывает примитив техники, режущей доску вглубь, но не решающейся на выборку из доски фона. На последний технический путь вступает третье Евангелие, один экземпляр которого имеет вкладную от 29 марта 1564 г., в то время как Апостол 1564 г. начат печатанием 19 апреля.[1]

Помимо позаимствования досок из предыдущих изданий, третье Евангелие имеет гравюрную заставку из готических трав, доска которой попала в руки Ивану Федорову и Петру Мстиславцу и была ими оттиснута в Апостоле 1564 г. Наиболее замечательный орнамент позднейшего из трех анонимных Евангелий принадлежит заставкам и инициалам с мусульманской арабеской на спиральных извивах стебля и в ряде очень сложных килевидных типично-мусульманских конфигураций. Не следует думать, что мы здесь имеем дело с какими-либо непосредственными восточными воздействиями. Уже давно, с XV в., вместе с наступлением турок на Европу, эти мотивы-арабески проникли в западную орнаментику; особенно популярны они были в деле типографском. Издания итальянские, особенно венецианские, ими изобилуют; проникают они и в северную Европу. Наиболее же употребительна была арабеска на кожаных переплетах книг, тисненная черныю или золотом.[2] В русской ксилографии арабесковый орнамент очень редок, почти

---

[1] Пташицкий, С. Л., l. с.

[2] Ongania. L'arte della stampa nel Rinascimento Italiano. Venezia, 1895, т. I, стр. 193, 101. Koettinger. Das alte Buch (Herausg. v. M. Gerlach. Wien-Leipzig, s. a., стр. 56, 110). Заставки Петера Флетчера. Некрасов, А. И. Ориентализмы в первопечатном московском орнаменте (Тр. Секции Археологии РАНИОН, IV, М., 1928), стр. 329—338. Симонов. Переплетное мастерство. СПб., 1897, стр. 436, рис. 179; табл. V, рис. 180, 181; табл. VI.

исчерпываясь нашим изданием. Этим мотивом воспользовались наши первопечатники, но в очень умеренном размере. Можно думать, что до них дошли обломки клише и что мы имеем дело с какой-то катастрофой. Мусульманская арабеска более была распространена в русской резьбе по дереву и черни XVI и XVII вв.[1]

Таким образом, уже издания до Апостола 1564 г. дают разнообразие и характер орнаментики, принятый нашими первопечатниками. В одном из анонимных изданий (втором, т. е. с экземпляром вкладной 1573 г.) находится и фигурное изображение, первая наша гравюра в собственном смысле слова.[2] Изображение взято явно с иконописной миниатюры: в киоте с многолопастным завершением представлен Матвей перед пюпитром и с условной архитектурой на заднем плане.

Идеализированный образ дан на сплошном заштрихованном черном фоне, уничтожая иллюзорное пространство и творя непроницаемое поле, в иконе обычно красочное или золотое. Однако в гравюре создается нечто новое; штрихи фона обжимают фигуру, допуская между контурами фигур и штриховкой белые дорожки, так напоминающие черные „штопоры" ксилографии нашего времени. Эта система, несомненно передающая спецификум ксилографии, заставляющая чувствовать резьбу ее доски, не была воспринята первопечатниками. Последние вступили на путь живописной, иллюзионистической гравюры, в соответствии с общим направлением искусства своего времени.

Издание Апостола в 1564 г. поистине можно назвать роскошным изданием по количеству и качеству помещенных в нем гравюр.[3] Иван Федоров и Петр Мстиславец, если и не были в собственном смысле слова нашими первопечатниками, то

---

[1] Бобринский, А. А. Народные русские деревянные изделия. Вып. XII, табл. 177, № 8; 179, № 2; 180, №№ 1, 2, 3; 181, № 2. Худож. сокров. России, т. I, стр. 67; т. II, стр. 59; т. VI, стр. 7, 12. Русские древности по снимкам Борщевского, вып. 14, л. 139. Некрасов, А. И. Татаризмы в русской орнаментике XV—XVI вв. Slavia, 1930, IX, ч. I. Стр. 139—150.

[2] Некрасов, А. И. Древнейшая русская гравюра. Гравюра и книга. М., 1924 г., вып. 2—3, стр. 25—27. Большаков, Н. С. Московская фигурная гравюра XVI века. М., 1927, стр. 11—18. Жидков, С. В. Рец. на соч. Большакова, Н. С. (Печать и Революция, 1928, кн. 4), стр. 223—224.

[3] Румянцев В. Е. О. с., табл. I. 2; II, 1; III, 2, а, б, г; IV, в — с.

все же они первые датировали свое издание, указали место его происхождения и поместили свои имена в Послесловии, где, хотя и очень глухо, не без умолчаний, рассказали о начале книгопечатания в Москве.

Для украшения издания Иван Федоров и Петр Мстиславец воспользовались рядом иноземных образцов. Для фигурного изображения Луки они взяли гравюру Эргарда Шена, нюренбергского мастера, последователя Дюрера, помещенную в Библии, изданной Пейпусом в 1524 г., и изображающую Иисуса Навина в арке. Весьма возможно, что эту именно Библию привез в 1552 г. в Москву Ганц Массингейм Бокбиндер.[1] Стоит сравнить западную и русскую арки, изображенные на гравюрах, чтобы видеть непосредственную копировку; все детали левой стороны нюренбергской гравюры оказались справа на русской и обратно, что доказывает производство копировки прямо на доску. Однако копировка не была точной, а подверглась сознательным изменениям в двух направлениях: тематическом и формально стилистическом. У Эргарда Шена над колоннами, декорирующими арку, сидят чисто ренессансные обнаженные ангелочки — putti (один даже без крыльев), держащие гирлянду. Эти голые младенцы русским мастером были выпущены, как несомненно неприличные с его точки зрения. Опущены были и другие мелкие детали. Кроме того, эскизный орнамент архивольта арки, определяющий воздушный эффект, был заменен

---

[1] Впервые было указано нами в Конспекте курса ист. др. русск. иск. М., 1917, стр. 40—41; повторено в Очерках декор. иск. древн. Руси. М., 1924, стр. 80—85, и Визант.-русск. иск. М., 1924, стр. 147; также см. наш очерк Книгопечатание в России. Макаренко, М. Орнаментація української книги XVI—XVIII ст. (Украинська книга XVI—XVII—XVIII ст. Київ, 1926), указав на зависимость русской гравюры 1564 от Шена, не ссылается на наши более ранние опубликования. Мысль М. Макаренко, что заставки Апостола 1564 г. были выполнены иноземным мастером, совершенно ошибочна. Sirot. Dictionnaire des peintres. Paris, 1866, стр. 850. Lippmann. Kupferstiche und Holzschnitt alter Meister. Mappe III, Bl. 39. Berlin, 1891. Passavant. Le Peintre-Graveur. III. Lubke. Deutsche Renaissance, I. Seidlitz. Die gedruckten illustrierten Gebetbücher des XV. und XVI. Jahrh. in Deutschland. (Jahrb. d. Koenigl. Kunstsamml. VI). Lützow. Geschichte des deutschen Kupferstiches und Holzschnittes. Berlin, 1889. Большаков, Н. С. О. с., стр. 21—26. Стасов, В. В. Сочинения, т. II, стр. 168. Ровинский, Д. А. О. с., стр. 15.

четким, уничтожены все падающие тени и, особенно, перспективное выражение толщи стены, да и, вообще, элементы перспективы нарушены. Таким образом, конкретно-пространственное и чувственно-пластическое начало было перенесено на русской почве в идеальную область линии и плоскости. В общем же, аркатурная рамка, вмещающая в себя фигуру, стала строгой и графичной, но в то же время и более ренессансной, благодаря византийской геометризирующей традиции, чем довольно кривая и посредственно выполненная рамка Шена, несколько предвосхищающая стиль барокко. Значительно своеобразна фигура апостола Луки, помещенная первопечатниками в рамке; подражая позе Навина на гравюре Шена и будучи дана в обратном направлении, фигура Луки обладает редко на русской почве встречающейся раккурсностью, чему примеры мы можем указать лишь в тех рукописях около середины XVI в., которые приводили в качестве свидетельства иноземных влияний. Наиболее замечательно отсутствие в русской гравюре всякого указания почвы под ногами или какой-либо полосы земли, как это бывает на иконах. Отсюда в гравюре получается впечатление живописности и пространственности внутри арки и пластичности фигуры, что противоречит самой арке. Это внутреннее противоречие стиля не является случайностью; оно находит себе соответствие в других памятниках пространственных искусств того же времени и является противоречием мироощущения борющихся классов, что явствует из дальнейшей эволюции гравюры. Поразительно богатство заставок Апостола 1564 г. — 18 разновидностей большого и малого размера. Это сплошь выше нами указанные готические широколиственные травы с плодами в виде кедровых шишек, стрючков, ананасов, маковых головок и др. Лишь в одной заставке мы находим виноградную листву. Замечательна скульптурная пластика растений и живое движение их побегов. Однако заставки подчинены архитектоническому пониманию во вкусе русского орнамента XVI в.: подчеркнуто основание, дано завершение и угловые акротерии, и листва внутри расположена симметрично, большею частью исходя из центра и реже от углов к центру. Лишь на одной заставке мы имеем асимметрическую композицию, в которой движение стебля с листвой идет из

левого нижнего угла вверх по диагонали. Это типично пришлое орнаментальное представление, встречающееся у нас в некоторых вышеименованных рукописных заимствованиях, восходит к таким гравюрам, как известный кельнский монограммист P. W. конца XV в. Орнаментику из подобной готической листвы можно указать у ряда мастеров Запада, напр. в первом издании Библии Бедных, у нидерландского мастера W. A., верхненемецких E. S. и W. H., у таких крупных мастеров, как Шонгауер, Ганс Балдунг Грин и Петер Флетнер.[1] Можно установить, что отдельные композиции готических трав внутри заставок Апостола 1569 г. почти совпадают с орнаментами внутри инициалов немецких изданий конца XV в.[2] Мы уже говорили, что одна заставка Апостола 1564 г. оттиснута той же доской, что и в позднейшем из трех анонимных Евангелий, вышедших до него.

Того же стиля инициалы, иногда к листве прибавляя даже и древесный ствол, — мотив, известный еще и из Триоди, отпечатанной в 1491 г. на русском языке в Кракове Швайпольтом Феолем и имеющей гравюру работы едва ли не Фейта Штосса, знаменитого нюренбергского мастера, в то время пребывавшего в Кракове.

В 1565 г. были выпущены Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем два издания Часовника; одно — сохранившееся в единственном экземпляре Королевской Библиотеки в Брюс-

---

[1] Incunabula xylographica et typographica. T. IV. Humpreys. History of the art of printing. London, 1868. Табл. X, XIV, XVII, LXXIV — LXXXVIII. Springer. Figurenalphabet (Gotische Alphabete. Internationale Chalkographische Gesellschaft 1897), т. XIII - XVI, стр. 4, 6—7. Lehr. Der Meister mit den Banderollen. Dresden, 1886, 6, Lehr. Der Meister W. A. Dresden, 1895. Lehr. Die Spielkarten des Meisters E. S. Falke. Geschichte des deutschen Kunstgewerbes. Berlin, 1888, стр. 105 и рис. 35; стр. 144 и рис. 51. Lehr. Katalog der im germanischen Museum befindlichen deuthschen Kupferstiche. Nürnberg, 1887, стр. 26; табл. VI, рис. 13; стр. 31, табл. IV, рис. 10; стр. 57, табл. VI, рис. 14. Lutzow. O. c., стр. 3, 16, 27—39, 34, 40, 43, 22, 215. Kopera. Spis drukow epoki Jagellonskiej. Krakow, 1900, стр. 39—40, рис. 19.

[2] Покойным Н. Ф. Горелиным было нам указано издание H. Roettinger. Das alte Buch. Herausg. von M. Gerlach. Wien-Leipzig. S. a, стр. 22, 39; к сожалению, в издании нет указаний на книги, из которых взяты образцы. Н. П. Киселевым было указано издание, ближайшим образом своими орнаментами соответствующее заставкам Ивана Федорова, именно нюренбергское издание Конрада Цейнингера „Versuchung von Leib, Seele, Ehre und Gut“, 1489 г.

селе, а другое в единственном экземпляре Ленинградской Публичной библиотеки.[1] В этих изданиях впервые книгопечатание названо „штанбой“, т. е. итальянским термином stampa, но в несколько измененном произношении. Весьма вероятно, что этот термин занес к нам посол английской королевы Елизаветы, Рафаэль Барберини, итальянец по происхождению и в то же время антверпенский гражданин, как раз в 1565 г. прибывший в Москву. Барберини интересовался нашим книгопечатанием, несомненно посетил первопечатников, привез в Москву тетрадь с орнаментами, до которых, по его словам, русские были большие охотники, и в своих воспоминаниях рассказывает о неудачной попытке русских изготовлять бумагу, что подтверждается дошедшими до нас документами.[2] Стасов, не знавший брюссельского экземпляра Часовника, ошибочно утверждал, что гравюрная заставка его выходного листа восходит к изданию венецианского молитвенника 1547 г., чем пытался подтвердить зависимость русского книгопечатания от Италии.[3] Странность ошибки Стасова заключается не только в том, что заставок, подобных венецианской, вовсе нет в нашем Часовнике, но и в том, что выходной лист экземпляра Публичной библиотеки был утерян не позднее XVII в. и тогда же заменен рукописным листом с заставкой, сделанной от руки в стиле того же XVII в.

Четыре заставки Часовника 1565 г. представляют собою редчайшие мотивы арабесок, которые мы уже указывали в одном из анонимных Евангелий; даже более того, они в двух случаях являются упрощенной переделкой мелких заставочек,

---

[1] Tiberghien. Quel est le second livre imprimé à Moscou? (Revue de l'Université de Bruxelles, 1903, Mars). Tiberghien. Quelques mots sur les commencements de la typographie russe. La seconde impression moscovite: 1564 65. (Revue des bibliothèques et archives de Belgique. 1903, I). Румянцев, В. Д. О. с., г. V, рис. 1—3, 7. Некрасов. Книгопечатание, стр. 83—85.

[2] Recueil de relations et de memoires concernant la géographie et l'histoire de la Russie avant 1700. I L. Don Juan de Perse et Raphael Barberini, стр. 3, 24—28, 53—54. Гацук, А. Очерк истории книгопеч. дела в России (Русск. Вестн., 1872 г., май), стр. 335. Кирпичников, А. И. Очерк истории книги. СПб., 1899, стр. 53. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII ст. СПб., 1865. стр. 41, 72—76, 270, 275, 276. Аделунг, Ф. О. с., стр. 149—152. Лихачев, Н. П. Палеогр. значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

[3] Стасов, В. В. Соч., т. II, стр. 168. Румянцев, В. Е. О. с., стр. 40.

а в одном случае воспроизведением арабского бордюра крупной заставки этого Евангелия. Получается впечатление, что до Ивана Федорова и Петра Мстиславца дошли лишь осколки от материалов издания, им предшествующего. Три заставки Часовника представляют прямое позаимствование из северноевропейских изданий; это — переплетение черных штриховых восьмерок, посредине образующих косую сетку и оканчивающихся типичными для готической каллиграфии росчерками. Весьма близкую параллель можно указать в Виттенбергском издании 1560 г. Das Papsttum mit seinen Gliedern.[1]

Наличие лишь по одному экземпляру от обоих изданий Часовника 1565 г. указывает, повидимому, на то, что при разгроме типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца издание было уничтожено, а равно и материалы к нему, так как мы более не находим воспроизведения досок тех гравюр, которые находятся в Часовнике. Что касается материалов издания Апостола 1564 г., то они были первопечатниками отчасти сохранены и пущены в работу на чужбине.

На первых порах нельзя было ожидать от Ивана Федорова и Петра Мстиславца каких-либо значительных новшеств в области гравюрного дела. Напечатанное ими в Заблудове Евангелие 1569 г. имеет частью те же заставки и инициалы, как и Апостол 1564 г., частью ему подражающие. Лишь однажды встречается инициал „В" в виде узловатой плетенки, явно воспроизводящий рукописный образец. Относительно крупной гравюрой является герб Ходкевича в виде щита с акантами вокруг — типичный пример подобных западных, в частности и польских, гербов. Никакой личной изобретательности первопечатники тут не обнаружили, равно и каких-либо специфических черт стиля.

Продолжение московской традиции гравюрного орнамента обнаруживает Иван Федоров в Псалтыри 1570 г., напечатанной им в Заблудове, где он остался один, а Петр Мстиславец ушел в Вильну.

---

[1] Silvestre. Paléographie universelle. Табл. 43, 46, 47, 56. Humpreys. O. c., табл. 15, 16, 70, 71, 80, 82, 90. Leo Baer. Die illustrierten Historienbücher des XV Jahrh. Strassburg, 1903, стр. III и 21. Lippmann. O. c., Mappe III, т. 42, 43; IV, т. 47.

Очутившись затем во Львове, Иван Федоров издает в 1575 году Апостол, где мы видим первую фигурную русскую гравюру на Украинской почве. Из доски гравюры 1564 г. была выпилена середка с изображением Луки, и архитектурная рамка, несколько попорченная, осталась у Ивана Федорова. Она была пущена им в ход в Апостоле 1575 г., но фигуру Луки пришлось сделать заново. Эта новая гравюра носит монограмму, обычно читаемую как немецкие буквы W. S., хотя это чтение далеко не несомненно.[1] Однако работа иноземного мастера весьма вероятна; фигура дана в значительной объемности, плащ за спиной трактован в характере ренессансном, на всей фигуре лежит тот отпечаток чувственно-наивного реализма, при восхождении к иконописному прототипу, который предвосхищает элементы киево-львовской школы, расцветшей уже в XVII в. и положившей основание так называемому лубку. Орнаментальные гравюры львовского Апостола 1574 г. или повторяют московские или им подражают; но встречаются заставки итальянизирующего стиля, с акантовыми побегами, пальметками и рогами изобилия. Чувствуется привнесение польской шляхетской культуры с ее итальянскими ренессансными компонентами, проникавшими, в частности, через Краковский университет. Этот новый шляхетский характер скажется позднее в ранних украинских типографиях Балабанов и в киево-львовской школе, особенно в начальный ее период, гравюры которого, до сего времени почти не изученные, представляют значительно бо́льшее художественное достижение, чем пресловутая ксилография киево-печерской печати, включая и ее мастера Илию. В начале Апостола 1574 г. помещен герб Ходкевича, а в конце гербы города Львова и самого Ивана Федорова, оплетенные акантом, общий ствол которого держит рука. Полагают, что герб Ивана Федорова подражает гербу знаменитого итальянского типографа Альда Мануция, представляющему дельфина и якорь; но скорее прообраз лежит в польских гербах в виде извива реки с крестом; Иван Федоров в своем гербе дает S-образный извив с как бы стрелой над ним (типографским угольником?).[2]

---

[1] Стасов, В. В. Сочинения, т. II, стр. 51. Ровинский, Д. А. О. с., стр. 18, 92.
[2] Кирпичников, А. И. О. с., стр. 54.

Фронтиспис из Московского Апостола 1564 г.

Положив начало реалистической украинской гравюре и итальянизмам в орнаментике в своем львовском Апостоле 1574 г., Иван Федоров в острожских изданиях 1580 года развивает те же принципы.

Выходная рамка построена в виде архитектурного сооружения в стиле Ренессанса, переходящего в барокко, с фронтоном, вазами, картушами и с изображениями слева ягненка и справа оленя. Подобные архитектурные выходные листы станут излюбленными в украинской книжной гравюре. Орнаменты в виде заставок, концовок и инициалов совершенно ренессансны и напоминают как венецианские издания, так и издания Скорины, но с добавлением тех завитков и изгибов картушей, которые говорят о близости барокко. Приложены гербы князя Острожского и самого Ивана Федорова.

В последний раз Иван Федоров прибегает к своим московским припоминаниям в острожских изданиях Библии 1580 г. и 1581 г.

В рамке титульного листа он копирует рамку Апостола 1564 г., а в некоторых заставках подражает немецким готическим травам своей первопечатной книги. Однако ренессансные, в частности венецианские, мотивы побеждают в этих последних изданиях Ивана Федорова и в украинской ксилографии вообще.

Если Иван Федоров явился основоположником украинской гравюры, проникнутой наивным реализмом с перепевами шляхетской итальянщины в соответствие с вкусами крупных феодалов, блокирующихся с мелким украинским мещанством, то совершенно особую школу гравюры в Белоруссии создал Петр Мстиславец, школу, оставшуюся незамеченной такими знатоками русской древней гравюры, каковыми были Ровинский и Стасов.[1]

Ивану Федорову и в Львове и, особенно, в Остроге, пришлось действовать в той социальной среде, где идеология крупных феодалов-вотчинников смыкалась с идеологией среднего мещанства. Последнее, возобладав с течением времени в жизни украинского города, унаследовало в гравюре те художественные принципы наивного реализма, которые успел

[1] Стасов, В. В. О. с., стр. 169.

выразить уже Иван Федоров и которые существенно отличались от московских художественных вкусов.

В особую среду попал Петр Мстиславец, перебравшись из Заблудова в Вильну, культуру которой в XVI веке, конечно, следует считать белорусской. По своим особенностям, по развитию ремесл, организованных в цехи, по социальной дифференции, по распространенности уже с XIV в. Магдебургского права, Белоруссия приближалась к характеру западно-европейского феодализма.[1]

Типография Мамоничей, в которой участником стал Петр Мстиславец, была основана при финансовой поддержке братьев Зарецких, из которых один был виленским бургомистром. Мы имеем дело с затеей, идущей от высших кругов аристократизирующегося мещанства, представлявшего оппозицию польско-литовской шляхте. В этих кругах гравюра скорининских изданий, явно итальянизированная, шляхетская, не была популярна. Петр Мстиславец создает особый стиль фигурных гравюрных изображений, сыгравших значительную роль в дальнейшем развитии русского искусства.

В Евангелии 1575 г. находятся изображения четырех евангелистов, отвлеченные от иконописи, но помещенные в особые архитектурные рамки. В основе лежит арка Апостола 1564 г., но осложненная дополнительными архитектурными деталями, — колонками, картушами, акантами, антаблементами, карнизами, даже зверями и маскаронами, сопоставленными в произвольной игре и не подчиняющимися никакой плоскостности. Перед нами почти барочное пространство чувственно воспринимаемых пластических форм, творящих нарядность целого. Однако нет возможности определить конкретную измеримость пространства, в котором совершается пышная игра образов. Это абстрактное пространство готики, в котором иконописная фигура человека приобрела также особое полуготическое движение в складках своих одежд. Идеология, еще не вышедшая из средневековья и не ставшая ренессансной, ищет выхода своему выражению чувственного и пышного.

---

[1] Покровский, М. Н. О. с., т. II, стр. 147 и далее.

Того же стиля изображение Давида в Псалтыри, изданной Петром Мстиславцем в 1576 г.

Мастером этих гравюр, несомненно, был русский художник, но знакомый с западным искусством и на русской основе разыгравший фантазию из западных художественных мотивов.

Немногочисленная орнаментика инициалов и заставок выполнена в духе московских изданий первопечатников, но вновь изготовленными досками.

Фигурные гравюры стиля Евангелия 1575 г. мы находим затем в целом ряде виленских изданий до самой средины XVII в., т. е. стиль продержался свыше 70 лет, хотя уже с конца 1580-х годов проникает в Вильну и более ренессансная гравюра. Стиль Петра Мстиславца появился и на Украине, хотя в немногих случаях. Сюда принадлежит единственная фигурная гравюра Острожской типографии, поразительная по своей пышности и употреблению маскаронов, столь чуждых Москве XVI в.; гравюра изображает Василия Великого в издании его сочинений 1594 г.[1] Виленский стиль воспроизводит киевский мастер Дорофей в Евангелии издания 1670 г. Гораздо более последовательным было влияние на Москву, куда виленские издания приходили под именем книг литовской печати, фигурирующих в описях уже первой половины XVII в., например, имущества Строгановых. Пышная архитектурная и живописная декорация в московском искусстве конца XVII в., известная под условным именем московского барокко, в значительной степени обязана своим существованием виленским гравюрам Петра Мстиславца. Но, конечно, самое влияние объясняется сходством социальных отношений Литвы эпохи Петра Мстиславца с позднейшей московской. Первый случай московского позаимствования у виленских гравюр Петра Мстиславца, хотя и с значительными сокращениями, относится к изданию Евангелия в 1627 г. Кондратием Ивановым.[2]

Среди виленских изданий XVI в. встречаются два Апостола, одно без года и указания места печати, другое 1591 г. типографии Мамоничей. Оба издания почти копируют Апостол

---

[1] Стасов, В. В. О. с., стр. 175.

[2] Собко, Н. П. Словарь русских художников. Т. II, вып. I. СПб., 1895. стр. 368—369.

1564 г. и явно предназначались для сбыта в Москву. Можно утверждать, что гравюры этих изданий сделаны новыми досками, но с совершенно виртуозной подделкой.[1] Они результат коммерческих устремлений Мамоничей, отстранивших, как известно, от своего предприятия Петра Мстиславца, исчезающего к концу 1570-х годов с исторического горизонта.

Бросим краткий взгляд на судьбу традиций первопечатников в Москве. В 1568 г. Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа, которых „Сказание" о книгопечатании называет учениками первопечатников, выпускают Псалтырь с изображением Давида. Фигура последнего, целиком взятая с русской иконы, совершенно неорганически посажена на фон массивной архитектуры, позаимствованной из польской краковской Псалтыри 1540 г.[2] Внутреннее противоречие стиля, представлявшее в гравюре 1564 г. борьбу различных классовых идеологий, здесь превращается в полный разрыв, в котором иллюзионистическое воззрение остается явно непонятым. Гравюра Давида в Псалтыри 1577 г., выпущенной в Александровской Слободе Андроником Невежею, возвращается к мотивам 1564 года, но более делает ударение на плоскостной трактовке изображения. Гравюра Луки в Апостоле 1597 г., изданном в Москве тем же Невежею, не только старается копировать гравюру 1564 г. в отношении мотивов и плоскостно-орнаментальной разработки арки, под которой изображен Лука, но его самого ставит в условия чисто иконной пространственности, решительной линией определяя границу земли и уничтожая всякий намек на иллюзорное пространство. Так феодальная реакция конца XVI в. отлагается в искусстве, пришедшем с Запада, путем подчинения этого искусства нормам иконописности.[3]

Орнаменты московских изданий в инициалах и заставках продолжают в новых композициях, в вариантах и копировках тот же стиль готических широколиственных зубчатых трав, которые находятся в Апостоле 1564 г. Только раз в Часовнике 1598 г. Андроника Невежи промелькнуло весьма плохое вос-

---

[1] Ровинский, Д. А. О. с., стр. 17—18. Стасов, В. В. О. с., стр. 51.
[2] Румянцев, В. Е. О. с. Стасов, В. В. О. с., стр. 172.
[3] Большаков, Н. С. О. с., стр. 29—32.

произведение одной арабесковой заставки Часовника 1565 г. наших первопечатников.[1] Видимо, экземпляры этого издания, истребленного вместе с типографией первопечатников, были редки уже в конце XVI в.

В XVII в. московская гравюра начинает собирать достижения первопечатников в области гравюры, созданной ими на Украине и в Белоруссии. Крестьянская революция начала XVII в. окончательно разгромила все основы древнейшего феодализма, и более сложные социальные отношения уже не давали места старому репрезентатизму в искусстве. Принципы, намеченные Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в средине XVI в., — передача движений и иллюзионизм, — нашли себе бо́льшее социальное оправдание в XVII веке.

[1] Некрасов, А. И. Ориентализмы в первоп. моск. орн., стр. 33в.

П. Н. БЕРКОВ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ФЕДОРОВА И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Численно богатая литература об Иване Федорове не дает, в сущности, не только исчерпывающего, но и сколько-нибудь полного представления о всей деятельности московского первопечатника. Если не считать работ С. Л. Пташицкого и И. И. Малышевского, пользовавшихся документальными данными и сравнительно подробно осветивших на основании материала, собранного в львовских и других архивах, последний период жизни И. Федорова, все прочие статьи и брошюры многочисленных авторов являются едва ли не пересказами одних только федоровских „Послесловий". Вследствие этого ряд существенных моментов истории возникновения и развития книгопечатания в Москве остается неясным, хотя кое-какими данными для решения некоторых вопросов наука сейчас располагает. Надо надеяться, что в дальнейшем исследователям удастся в более или менее полном виде разрешить неясности в деятельности Ивана Федорова; настоящая же статья имеет целью только поставить несколько вопросов и отчасти наметить путь для их решения.

I. Причины позднего начала книгопечатания в Москве

В истории возникновения книгопечатания в Москве большое значение имеет ряд сообщений о попытках некоторых западноевропейцев („любский“ печатник Варфоломей Готан 1492 г., датчанин Ганс Миссенгейм Бокбиндер 1551 г. и др.) завести в стране московитов типографское дело. Отмечается при этом запоздалость подобных попыток по сравнению с состоянием книгопечатания в то же время в Западной Европе. Случайного, однако, в этом вовсе нет. Быстрое развитие и распространение типографского дела на Западе во вторую половину XV в. тесно связано с общим явлением — с жадными поисками торговым капиталом новых точек приложения. Территориальная экспансия книгопечатания в средине XV в. шла по обычной линии постепенного захвата торговым капиталом европейских рынков: сперва оно вводится у народов, пользующихся латынью в качестве языка культа и науки, затем переходит к местным национальным языкам центральных и южных европейских народов, далее возникают греческие, еврейские, восточные и, наконец, славянские книгопечатни. Характерной чертой введения книгопечатания у не-центрально-европейских народов было то, что пионерами в данном случае были в подавляющем большинстве представители немецкого торгового капитала. Так обстояло дело с книгопечатанием в Италии (Швейнгейм и Паннарцт), с книгопечатанием на древне-еврейском языке (Гюнтер Цайнер), наконец, на славянском. Швайпольт Феоль, точнее Швайпольт Виоль,[1] „из немец“, вводивший книгопечатание среди польских украинцев, безусловно ориентировался на этот еще неиспользованный книгопотребительский рынок. Очевидно, аналогичными принципами руководствовались и те иноземные печатники, которые появлялись в Московии в конце XV и начале XVI вв. Дипломатическая же переписка датского короля Христиана III с Иваном IV и посылка в Москву Ганса Миссенгейма не изме-

[1] В углах герба города Кракова, изображенного в послесловии к «Октоиху» Фиоля стоят буквы S (Schwaipolt) V (-Viol). Написание «Фѣоль» фонетическое, причем ять произносится как долгое „и“, соответственно с украинским произношением.

няют общего характера западно-европейских попыток импорта книгопечатания в Московию: здесь, конечно, имелось в виду создать религиозные предпосылки для более успешных экономических связей между Данией и Москвой.

Во всяком случае, позднее начало книгопечатания в Москве следует объяснить не только технической и культурной „отсталостью“ средневековой России, но и территориальной отдаленностью этого центра от крайних пунктов распространения западного торгового капитала. Что же касается отпора со стороны Москвы по отношению к попыткам западно-европейского импорта книгопечатания, то помимо оснований идеологических — известную роль могло играть здесь и стремление к сохранению монополии на данном участке внутреннего рынка.

II. Кто был Бартоломей Любчанин?

В четвертой книге „Чтений в обществе истории и древностей российских“ за 1909 г. (отд. IV, смесь, стр. 17—20) была помещена статья С. В. Арсеньева „О любекском печатнике Варфоломее Готане“. В статье этой, основанной на сведениях, заключающихся в любекской хронике Реймара Кока, высказывается мнение, что Готан печатал в России в 1492—1493 г. книги и был за то утоплен. Однако, из всех имеющихся о Готане данных можно только заключить, что он был на службе у московского правительства не как типограф, а как тайный политический агент.

Дело в том, что С. В. Арсеньев, автор статьи о Готане в „Чтениях“, не обратил, повидимому, внимания на то, что уже в инструкции, данной послам Юрье Траханиоту и Михайле Яропкину, содержатся упоминания о „Бартоломее Любчанине, печатнике книжном“ (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851, т. I, стр. 88). При этом оказывается, что имя Бартоломея находится среди лиц, которым великий князь посылает дары, сейчас же непосредственно за Иваном — головой Любчаниным, т. е. за бургомистром Любека: „Ивану же Волку [т. е. первому чиновнику в посольской свите] дати Бартоломею Любчанину, печатнику книжному, от великого князя камка, а молвити так: госу-

дарь всеи России тебя жалует камка. А дати ему как придет на подворье к послом, к Юрью и к Михаилу, а к нему Волку на подворье не ходити“ (там же).

Таким образом, видно, что Готан был известен московскому правительству достаточно давно и, повидимому, по таким обстоятельствам, что было признано необходимым дарить его из царской казны. Не совсем ясно, почему было предложено Волку ждать прихода Бартоломея на подворье к послам, а не итти к нему, — из соображений ли этикета или для конспирации. Во всяком случае, у великого князя были какие-то более тесные связи с Готаном, чем это можно предположить. Так, в одном из донесений Юрия Траханиота и Михаила Яропкина сообщается, что Бартоломей бил челом, чтобы послы исхлопотали ему у Ивана III „отворчатую грамоту“, которая „очистила бы его в том паробке“ в Швеции, о котором, очевидно, великий князь уже знал. Из этого донесения (там же, стр. 104—105) явствует, что в Швеции Готан был обвинен в каком-то преступлении, что его имущество было конфисковано и что по этому поводу были даже обращения со стороны шведов в магистрат Любека, который отстранился от какого бы то ни было участия в этом деле; в результате всего изложенного любекский печатник апеллировал к московскому князю, прося о высылке ему очистительной „отворчатой грамоты“.

Из другого донесения Юрия Траханиота и Михаила Яропкина (там же, стб. 105—106) видно, что Готан целовал — как пишут послы, — крест „на том, что ему, государь, служити тебе государю верно и твоим послом, а тое ему грамоты (которую ему дали для перевода на русский язык) не проносити никому; а целовал, государь, у нас крест из рук, да и право свое нам на том крепкое дал, каково дело твое государево ни придет к нему, а ему служити тебе, государю, головою своею да и твоим людем, а не произести ему твоего дела никому“ (там же, стб. 106). Между тем, продолжают послы, этот самый Бартоломей целовал на том же крест послу императора Максимилиана Георгу фон Турну (Юрью Делатору). „А которые, государь, от короля от Максимьяна люди приезжают в Любик о какове деле все к Бартоломею, да и грамоты, государь, от короля к нему привозит; а мы, государь, то и сами видели“ (там же, стб. 106).

Таким образом, Готан, как видно по этим выдержкам, являлся личностью достаточно темной, служившей за деньги кому угодно и неразборчивой в средствах. Утверждение И. Росковшенко о том, что после 1492—1493 г. Бартоломей Любчанин находился на службе в России,[1] документально не подтверждается. Верно только одно, что печатных работ Готана, изданных в Германии или Швеции, после 1492 г. не имеется.[2] Неизвестно, на каком основании автор статьи о Готане (Ghotan) в „Nordisk Familjebok" относит смерть типографа к 1492 г. Повидимому, источником сведений о путешествии Готана в Россию и о гибели его там была цитируемая С. В. Арсеньевым Любекская хроника Реймара Кока. Однако, как указано в дополнениях к биографии Готана в Allgemeine Deutsche Biographie (B. X, SS. 767—768; самая биография — B. IX, S. 412), он, по свидетельству некоего Грисе (Gryse. Не Nicolaus ли Gryse, 1543—1614; см. Allg. Dtsch. Biographie, B. X, S. 82), был еще жив после 1500 г. Таким образом, время смерти и сведения о судьбе Готана в России ставятся под сомнение. Впрочем, даже если и оставить в стороне эти данные, то относительно типографской деятельности Б. Готана в России не сообщает и Реймар Кок. Последний отмечает только, что Готан поставлял великому князю книги, за что тот его богато одаривал.[3] Возможно, что поставлялись книги латинские или на других европейских языках; может быть, даже юго-славянские: но предполагать, что „поставлял" значит „печатал", едва ли осторожно.

Во всяком случае, утопление Готана, если оно совершилось в действительности, было, повидимому, вызвано необходимостью избавиться от политического агента, чересчур осведомленного в вопросах московской дипломатии. Из числа же русских печатников Готана лучше вычеркнуть.

---

[1] Энциклопедический лексикон, 1837, т. IX, стр. 27.

[2] An Index to the early printed Books in the British Museum. First section. Germany, L. 1898, p. 169; cf. p. 180; von Rath, Erich. Buchdruck und Buchillustration bis zum Jahre 1600 — в Handbuch der Bibliothekswissenschaft herausgegeben von Fritz Milkau, L. 1931, B. I, S. 333; Nordisk Familjebok. Encyklopedi och Konversationslexikon, Stockholm, 1928, 8. Bandet, SS. 637—638.

[3] Цит. по Арсеньеву, назв. соч., стр. 118.

III. Связь предшественников И. Федорова с западно-европейской типографской традицией

В т. I „Дополнений к Актам историческим" (СПб., 1846, стр. 148) напечатана грамота новгородским дьякам об оказании содействия в получении особой породы камня некоему Маруше Нефедьеву, „мастеру печатных книг", и об отпуске с ним в Москву Васюка Никифорова, умеющего „резать резь всякую". С тех пор, как этот документ попал в поле зрения историков русской книги, возникла соблазнительная мысль аттрибутировать именно Маруше Нефедьеву и Васюку Никифорову производство так называемых до-федоровских изданий. Высказывались даже предположения, что названные лица были учениками Миссенгейма и других иноземцев-типографов, посещавших Москву. Между тем, попутно отмечалось большое техническое несовершенство этих изданий: слитность слов, невыравненность строк, иззубренность правой стороны полосы и т. п.

Если полагать, что эти работы осуществлялись при участии или, по крайней мере, под наблюдением иностранных мастеров, невольно встает ряд недоуменных вопросов:

а) как могли иноземцы, будучи представителями значительно более передового западного книгопечатания, допустить подобное техническое несовершенство?

б) чем объяснить отсутствие в этих до-федоровских изданиях не только титульных листов, но даже и колофонов, бывших в употреблении на Западе с первых времен книгопечатания и лишь в 1520-х гг. окончательно сменившихся титульным листом?

Отсутствие документально-фактического материала, лишая нас возможности точно ответить на эти вопросы, заставляет оперировать лишь гипотезами и пытаться с их помощью внести некоторую ясность в этот запутанный клубок проблем.

Основное предположение состоит в том, что изучение истоков московского книгопечатания следовало бы повести не по линии его связей с Западом (Италия, Германия, Польша), а с Грецией, точнее, с греческими изданиями (Венеция).

Тесные связи между греческой эмиграцией в Италии и константинопольским патриархатом, с одной стороны, и Москвой

в конце XV и начале XVI в., с другой, общеизвестны. Наличие греческих печатных изданий этого периода, светских и религиозных, в библиотеках Максима Грека, Арсения, Сильвестра Медведева и др. также засвидетельствовано.[1] Да и вообще никак невозможно допустить, чтобы греческие печатные книги, в особенности религиозного содержания, были вовсе неизвестны в кругах московского высшего духовенства. Нельзя же предполагать, что Иван Грозный, начав „помышляти како изложити печатныя книги, якоже в грекех и в Венецыи, и во Фригии, и в прочих языцех", как сообщается об этом в Послесловии к „Апостолу" (1564), знал об этих изданиях лишь по наслышке и не поинтересовался ни одним из них. Поскольку все такие допущения менее вероятны, чем обратное, естественно считать, что греческие религиозные книги имелись в московском обиходе, и самый факт их наличия мог служить и, повидимому, и служил доводом за введение книгопечатания в Москве. На подобное заключение наталкивает самое расположение перечисляемых Иваном Федоровым народов и стран, имевших типографии: греки, Венеция и Фригия (Италия), где грекам отдано первое место. И это, конечно, не случайно.

Затем следовало бы уделить больше внимания сообщению Рафаэля Барберини, посетившего Москву в 1565 г. и писавшего затем, что „в прошлом году они заимствовали книгопечатание от греков из Константинополя (di verso Costantinopoli da Greci)".[2] Обычно свидетельству Барберини значения не придают.[3] Между тем, трудно допустить, что Барберини просто

---

[1] Погорелов, В. Иностранные книги XV и XVI вв. М., 1903. (Библиотека Московской Синодальной типографии, т. II, вып. 1); Покровский, А. А. Иностранные книги XVI в. М., 1912. (Библиотека . . ., т. II, вып. 2).

[2] Любич-Романович, В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843, стр. 34.

[3] См. там же, стр. 62, примеч. 13; ср. Некрасов, А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках („Книга в России", т. I, стр. 75—76). Филологические соображения А. И. Некрасова о заимствовании термина stampa („штанба") не непосредственно из Италии, а через Германию (там же, стр. 75) мало убедительны. Останавливаясь на переходе звука „s" перед „t" в „ш" и видя в этом немецкое влияние, проф. Некрасов, во 1), упускает из виду своеобразное произношение итальянского „s", приближающееся в ряде диалек-

выдумал все это, что он, будучи в Москве на следующий год по введении книгопечатания и посетив самую типографию, не мог собрать точных сведений. Соображение же проф. Некрасова о том, что константинопольское происхождение московской печати Барберини вывел только из сходства русских литер с греческими (там же, стр. 76), не заслуживает внимания.[1]

Если признать возможным греческое происхождение московского книгопечатания, можно до известной степени объяснить и то, что выше было названо техническим несовершенством до-федоровских изданий. Так, по библиографическому описанию новогреческих книг — „Bibliographie Hellénique" E. Legrand'a (P., 1885, t. I) — явствует, что религиозные издания на греческом языке печатались в XV и в первой половине XVI вв. без титульного листа. Правда, колофоны, хотя и очень краткие, почти всегда в них имелись. Конечно, детальное изучение и сопоставление греческих и московских изданий того времени позволят сделать более определенные выводы. До тех пор, очевидно, можно говорить о греческой, а не западно-европейской типографской традиции в московском книгопечатании.

тов к русскому „ш" и, во 2), необязательность перехода „з" в „ш" в ряде диалектов немецкого языка. Вместе с тем, А. Н. Некрасов не обращает вовсе внимания на переход „mp" („мп") в „нб", чего немецким влиянием уж никак не объяснить. Однако, если вспомнить, что сочетание „мп" в новогреческом („μπ") употребляется для изображения звука „б" (с назализацией предшествующего гласного), а также и „шипящий" оттенок новогреческого произношения звука σ, то произношение „штанба", вместо „στάμπα", найдет полное объяснение.

[1] Вообще, страницы цитируемой работы А. Н. Некрасова, посвященные Барберини, принадлежат к наименее доказательным. В особенности неубедительным кажется предположение о происхождении термина „штанба" от Барберини. „Не Барберини ли, быть может, совершенно случайно, пустил у нас этот термин в оборот при посредстве какого-то немца, бывшего близким к нашим первопечатникам" (там же, стр. 76). Так пишет цитируемый автор, забывая, что на предшествующей странице он сам категорически заявлял: „Итальянские типографские термины, вследствие популярности и высоты итальянских изданий, очень скоро распространились по всей Европе, даже и в Германии. Через Германию и наши первопечатники приобрели свой термин штанба вместо итальянского «stampa»" (там же, стр. 75).

IV. Кем были напечатаны так называемые до-федоровские издания?

В сравнительно незначительной литературе о так называемых до-федоровских изданиях наиболее ценной, с историко-книжной точки зрения, является статья А. А. Гераклитова „Три издания без выходных листов из библиотеки Саратовского университета. (К вопросу о начале книгопечатания в Москве.)“ [1] Автор этой статьи правильно отмечает, что „шрифты наших старо-печатных изданий до сих пор палеографически никем еще не рассматривались, и общая неосведомленность в этом отношении бывает причиной досаднейших промахов в трудах русских библиографов“ (стр. 9). Самая статья А. Гераклитова как раз и представляет попытку произвести палеографический анализ первопечатных до-федоровских изданий.

Указав, что в библиотеке Саратовского университета из числа подобных изданий имеются три: Евангелие, Триодь и Псалтирь, А. А. Гераклитов на основании ряда палеографических аргументов, важнейшим из которых является несомненное тождество шрифтов, приходит к выводу, что Четвероевангелие и Псалтирь вышли из одной и той же типографии (стр. 7). Относительно Триоди цитируемый автор замечает, что для печатания ее употреблен другой шрифт, гораздо более мелкий, причем „каждая почти буква Триоди представляет собою уменьшенную, но точную копию соответствующей литеры Четвероевангелия и Псалтири“ (стр. 8). Эти обстоятельства приводят автора к тому выводу, что все перечисленные издания являются продуктом одной и той же типографии.

Если со всеми этими соображениями А. А. Гераклитова можно согласиться, то иное отношение вызывает следующий тезис: „Мы можем сказать, что наша группа изданий едва ли имеет что-нибудь общее с деятельностью Федорова или Мстиславца. Слишком различен пошиб шрифтов, стиль орнамента, самые приемы печатания, чтобы мы могли признать разобранное нами Евангелие и Апостол 1564 г. делом рук одного и того же мастера“ (стр. 19).

---

[1] Ученые записки Саратовского гос. университета. Педфак, 1926, т. V, вып. 2, и отд. оттиск. S. t., 20 стр. В дальнейшем цитируется оттиск.

Между тем, если палеографически сопоставить шрифт, с одной стороны, Триоди, о которой писал А. А. Гераклитов, и первопечатного Апостола (1564), с другой, то можно буквально повторять сказанное А. А. Гераклитовым о шрифте Триоди: „Каждая почти буква Триоди представляет собою уменьшенную, но точную копию соответствующей литеры Апостола...". Нельзя, конечно, утверждать, что Апостол 1564 г.

[Шрифты Триоди из собр. Сараг. унив. (слева) и Апостола 1564 г. (справа).]

печатан теми же литерами, что и Триодь, но, как несомненное, должно признать, что шрифты для обоих изданий готовил один и тот же гравер по одному и тому же рисунку. Это явствует из помещаемой здесь таблицы.[1] Шрифт Апостола тот же, что и Триоди, но шире и жирнее. Во всяком случае близость между этими шрифтами значительно бо́льшая, нежели между шрифтами несвижских изданий Симона Будного и шрифтами до-федоровских Евангелий, на которую неоднократно указывалось.[2]

---

[1] В данной таблице приведены только строчные буквы. Опущены титла, надстрочные буквы, а также ѵ (ижица) и ѯ (кси).

[2] Гравюра и книга, 1924, № 2—3, стр. 26.

Фронтиспис из Львовского Апостола 1574 г.

Помимо близости шрифтов до-федоровских изданий и Апостола 1564 г., важным обстоятельством, связывающим эти издания, являются некоторые гравюрные детали, перешедшие в Апостол 1564 г.[1]

Таким образом, можно считать почти несомненным, что типография Ивана Федорова 1563—1564 гг. обслуживалась тем же самым гравером, что и ее предшественница (Васюк Никифоров?). Тем самым подтверждается старая гипотеза о пробном, опытном характере до-федоровских изданий. Иными словами, печатал их, повидимому, сам Иван Федоров.

V. Была ли сожжена типография Ивана Федорова?

В литературе об Иване Федорове прочно укрепилось мнение о том, что бегство первопечатника из Москвы было связано с разгромом и сожжением типографии. Однако, единственный документальный источник сведений о пожаре — сообщение Д. Флетчера — не называет имени Ивана Федорова. Поэтому едва ли можно согласиться с предположением, что Флетчер имел в виду именно его. Ведь приводит же Андре Тевэ в своей Cosmographie moscovite сведения об уничтожении шрифтов москвичами-суеверами. Весьма возможно, что и Тевэ, и Флетчер сообщают об одном и том же факте, который дошел до них в форме глухого и неопределенного слуха. А может быть все это относится вовсе не к федоровской, а к так называемой „анонимной" типографии. Тем более, что сам Иван Федоров ни разу не упоминает о поджоге типографии, а скрывать это едва ли был смысл. Переходя непосредственно к аргументам, выдвигаемым разными авторами и, якобы, подтверждающим факт поджога печатного двора, можно указать на следующее:

Аргумент 1. -Факт преследования, вызвавший бегство первопечатников из Москвы в Польшу. Преследование не обязательно связано с разгромом и сожжением типографии, тем более, что Андроник Тимофеев Невежа продолжает работать теми же материалами, что и первопечатники (об этом подробнее ниже).

Аргумент 2. — Отсутствие документов о деятельности типографии за этот период. — Но это нисколько не убедительно,

[1] Там же, стр. 25—26.

так как нет сведений документального порядка также о деятельности типографии как за предшествующий период („анонимы“), так и за последующий (до 30-х гг. XVII века).

Аргумент 3. — Последующее московское издание Псалтири 1568 г. набрано другим шрифтом и имеет другие украшения; то же и другие русские издания конца XVI в. — Этот аргумент неверен по существу. Вот, что пишет о деятельности Андроника Невежи Ф. И. Булгаков: „Все издания его напечатаны тою самою азбукою, которую он наследовал от Ивана Федорова и Петра Тимофеева. Орнаментовка его изданий сходна с украшениями первопечатного Апостола“.[1] Действительно, рисунок шрифтов как Псалтири 1568 г., так и более поздних изданий А. Невежи полностью совпадает с рисунком шрифтов Ивана Федорова. Не исключена возможность, что этот поздне-московский шрифт и был изготовлен для Ивана Федорова и им и употреблялся; в особенности схожи шрифты Часовника 1565 г. и Псалтири 1568 г., настолько, что можно говорить о них, как об одном и том же шрифте. Что же касается до орнаментики Псалтири 1568 г. и последующих изданий, то здесь можно указать следующее.

В Псалтири 1568 г. употреблены всего 4 заставки, из них две встречаются в Апостоле 1564 г. (листы а҃ и ді҃). В Триоди Постной 1589 г. на листе л҃а воспроизведена с незначительными отменами заставка листа г҃ Апостола 1564 г.; на листах тп҃ѕ и рв҃ — упрощенная заставка из Апостола лист рл҃г. Еще больше использовано орнаментов из Апостола в Триоди Цветной 1592г. — именно: на листах кг҃, м҃в и рл҃з (третьей пагинации) — заставка из Апостола лист ді҃ (с некоторым упрощением); на листах ке҃ и а҃ (третьей пагинации) — заставка, представляющая комбинацию из заставок Апостола, лист ѕі҃ и рл҃д; на листах о҃д об., и см҃ѕ (третьей пагинации) — с листа зі҃ Апостола; на листе рі҃е — с листа рп҃д (с мелкими изменениями); на листах сі҃а об., рді҃ (третьей пагинации) и ряде других — заставка из Апостола, л. рл҃г; на листе зі҃ об. (второй пагинации) — заставка с заглавного листа Апостола 1564 г. Почти все они резаны наново, в особенности в Триоди 1592 г., и поэтому исполнены грубее.

---

[1] Иллюстрированная история книгопечатания, СПб., 1889, стр. 213.

Одинаковы по характеру и шрифты этих изданий. Несомненно, что связь между работами Андроника Невежи и его предшественников неразрывна и неоспорима; во всяком случае, этот аргумент должен быть отброшен.

Аргумент 4. — Редкость московских федоровских изданий: Апостола 1564 г. и, в особенности, Часовника 1565 г., много экземпляров которых могло сгореть во время пожара. — Здесь неясно, о каком пожаре идет речь. Если о пожаре 1571 г., то это не имеет отношения к делу и не может быть аргументом в пользу защищаемого тезиса. Если же имеется в виду пожар при разгроме типографии, то нельзя аргументировать тем, что должно доказать.

Аргумент 5 (последний). — Двадцатилетний перерыв печатания с 1568 г. также не убедителен: во 1), печатание прекратилось не вовсе, в Александровской Слободе оно производилось и, повидимому, в бо́льшем масштабе, чем это можно заключить из дошедших до нас печатных произведений; известное свидетельство Антония Поссевина не лишено в этом смысле значения; во 2), если и принять, что с 1568 г. начался застой в типографском деле в Москве, то это опять-таки относится к 1568 г., а не к 1565—1568 гг., времени предполагаемого разгрома федоровской типографии.

Таким образом, мнение о сожжении Московской типографии не может быть признано доказанным.

VI. Иван Федоров и польская типографская традиция

К числу наименее обследованных моментов в деятельности Ивана Федорова относится вопрос о его связях с современной ему польской типографской практикой. Можно даже сказать, что в работах русских и украинских историков книги (насколько можно судить, и у польских) эта проблема не ставится вовсе. Даже, наоборот, факты, явно подводящие к польским связям Ивана Федорова, истолковываются неверно. Так, например, термины „друкарня“ и др. принимаются как „немецкое влияние“. „Немецкие термины (друкарь, друкарня, друковати, варстат друкарский) московские первопечатники начали употреблять, лишь

попав в Польшу;“ — пишет проф. А. И. Некрасов.[1] Между тем, не отрицая немецкого происхождения этих терминов — Drucker, Druckerei, drucken, Werkstatt и т. д. — нельзя не видеть в типографских словах, употреблявшихся московскими первопечатниками в Польше, польского влияния.

Так, в „Dictionarium latino-germano-polonicum“ (s. l. e. a. et paginatione, повидимому 1579 г.) есть следующие термины:

Impressor, typographus — ein Buchdrucker — Drukarz.
Imprimere librum — Buch drucken — Drukować
ectypa — abgedruckt — Wydrukowanie
officina — eine Werkstatt — Warsztat.

На большинстве польских книг 60—70 гг. XVI в. имеется указание типографии в следующей форме: W drukarni... (такого-то).

Однако, кроме заимствования типографской терминологии у польских книгопечатников, Иван Федоров воспринял и другие частности современного польского типографского дела, находившегося, конечно, под непосредственным влиянием западно-европейских традиций. Так, в Учительном Евангелии, напечатанном в Заблудове в 1569 г., а затем и в Львовском Апостоле 1574 г.[2] Иван Федоров помещает в начале книги гравюру с гербом гетмана Г. А. Ходкевича. Тот же герб находится и в Псалтири с Часословцем 1569 г. В Псалтири и Новом Завете, напечатанном в Остроге в 1580 г., есть герб князя Острожского Константина Константиновича, повторенный в Острожской Библии 1580 г. Кроме того, в Львовском Апостоле 1574 г. есть соединенный герб г. Львова и типографский знак Ивана Федорова. Отдельно типографский знак Ивана Федорова напечатан в конце Псалтири 1580 г. и Острожской Библии 1580 и 1581 гг. Все это не было ни случайностью, ни результатом индивидуальных вкусов самого Федорова или его меценатов. Дело в том, что почти все польские издания федоровского времени обязательно имели герб либо вельможи (а иногда

[1] Книга в России, т. I, стр. 75.

[2] За последнее указание приношу благодарность Р. М. Тонконогу.

и короля), которому были посвящены, либо города, если издание не носило дедикационного характера („Октоих“ 1491 г. с гербом г. Кракова; ср. „Молитвослов 1547 г. с гербом Венеции).

Таким образом, Иван Федоров и в этом пункте примкнул к польской книгопечатной традиции[1]. Но связи его с этой последней, повидимому, не ограничивались указанными моментами. Следует отметить, что графика федоровских изданий 1569—1581 гг. в ее отношениях к западно-европейским образцам внимательно не была еще исследована. Из ряда существующих по этому вопросу работ один только доклад д-ра Александра Биркенмайера, директора Краковской университетской библиотеки, сделанный на международном съезде библиотекарей и друзей книги в Праге в 1926 г., представляет попытку пойти дальше обычного констатирования факта, что гравюра с изображением евангелиста Луки в Львовском Апостоле (1574) и соединенный герб г. Львова и типографский знак Ивана Федорова подписаны инициалами W. S.[2] Суть доклада

Герб из „Молитвослова“ Б. Вуковича (Венеция, 1547).

---

[1] К. Тромонин в „Достопримечательностях Москвы“ в главе „О начале книгопечатания в Москве“ (М., 1845, стр. 23—24), описывая экземпляр Московского Апостола 1564 г. из библиотеки купца Царского, сообщает, что на переплете этого экземпляра вытиснен герб Ивана Грозного, и высказывает мысль, что герб этот мог быть и в тексте книги. Однако, ни одного экземпляра Апостола 1564 г. с гербом неизвестно.

[2] Birkenmajer, Aleksander. Kto ilustrował najstarszy druk słowiański, wydany we Lwowie? (Congrès international des bibliothécaires et des amis du livre tenu à Prague en 1926. Prague, 1928, т. II, pp. 54—56). Более ранние работы о гравюре евангелиста Луки: Ровинский, Д. А. Русские граверы и их произведения. М., 1870, стр. 14—15; его же. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895, стб. 18, 337 и 92 (второй пагинации). О гравюре с гербом

А. Биркенмайера состоит в том, что он идентифицирует гравера Львовского Апостола с польским гравером Венделем Шарфенбергом (Wendel Scharffenberg, точнее Szarffenberger).[1] Тезис этот представляется нам вполне убедительным. Еще больше убедительности приобретает он, если взять не отдельно вопрос о гравюрах Львовского Апостола, а всех типографских работ Ивана Федорова 1569—1581 гг. Но д-р Биркенмайер в данном случае идет вслед за традицией.

Исследования же о графике после-московских изданий Ивана Федорова обычно касаются только гравюр, приложенных к Львовскому Апостолу. Совершенно в стороне остается гравюра с изображением царя Давида в Заблудовской Псалтири. И рамки ее (passe-partout) и самое изображение резко отличаются от гравюры Луки в Московском Апостоле. Рамка хотя и имеет так называемые „окна" и двойную перспективу абаков и цоколей, встречающихся, по указанию проф. А. И. Некрасова, в московских рукописных орнаментациях,[2] однако, в целом расходится с московской традицией: царь Давид сидит на троне типично-возрожденческого стиля, над ним балдахин с пышно ниспадающими складками, у ног его лев, данный в тонах геральдической, а не живописной трактовки; наконец, пол изображен в перспективном плане. Все эти элементы никак не могут быть связаны с московской традицией, и их источник нужно, очевидно, искать в западной (или, может быть, греческой) гравюре. Во всяком случае, не исклю-

---

г. Львов» см. Вол. Дорошенко. Перша книжка надрукована на Україні (Стара Україна, 1924, II—V, стр. 40). Автор этой статьи указал, что инициалы гравера находятся: W перед фигурой льва, S за знаком Ивана Федорова. Кроме того, М. Голубев. Графіка друків Івана Федоровича (Стара Україна, 1924, II—V, стр. 42—45); Вол. Січинський: Гравюри українського перводруку. До ювилею українського друкарства. (Літер. Науков. Вісник, 1924, VI), и его же, Допитання про автора гравюр українського перводруку (Бібліологічні вісті, 1925, № 3, стр. 58—61). Отдельные замечания у Ил. Свенцицкого (см. примечание 2 на стр. 111).

[1] Написание Szarffenberger имеется на титульном листе Библии 1577 г.: W drukarni Mikolaia Szarffenbergera.

[2] Некрасов, А. И. Книгопечатание в XVI и XVII веках (Книга в России, т. I, стр. 89).

чена возможность существования непосредственно польских образцов.[1]

Гравюры в заблудовских изданиях Ивана Федорова не имеют на себе никаких помет, позволяющих сделать какие-либо предположения об их авторе. В ином положении находятся львовские гравюры. Из трех гравюр, приложенных к Львовскому Апостолу 1574 г., герб Ходкевича, Лука и соединенный герб г. Львова и знак Ивана Федорова, — две последние имеют, как известно, помету гравера, резавшего их, W. S. В том, что W. S. был гравером, не может быть никаких сомнений, так как над инициалами его в гравюре евангелиста Луки имеется обычный знак граверного резца, неоднократно применявшийся западными резчиками в их монограммах. Однако, вопрос несколько осложняется тем обстоятельством, что, как установлено И. Свенцицким, на гравюре львовского Луки под скамьей имеются еще другие буквы, которые были прочитаны как ΛΠ.[2]

В. Сичинский хочет в этих буквах видеть инициалы настоящего, и к тому же украинского, гравера, именно Лаврентия Пилиповича или Филиповича, львовского художника, действовавшего с 1576 г. по 1610 г. Инициалы же W. S. Сичинский считает „ошибочно переписанной монограммой с гравюры Эргарда Шена, бывшей образцом для львовского мастера“ (стр. 60).[3] Несостоятельность этой догадки легко обнаружи-

---

[1] В виду отсутствия Заблудовской Псалтири в ленинградских книгохранилищах, описание гравюры дано по книге Іл. Свенціцького „Початки книгопечатання на землях України“. Жовква. 1924 (ч. 1, г. VII. Федоров. Заблудіве 1569), где имеется ее воспроизведение. Возможно, что источником этой гравюры было изображение царя Давида при Польской Псалтири 1540 г., о котором упоминает В. В. Стасов, анализируя своеобразие манеры в исполнении гравюры царя Давида при Московской Псалтири 1568 г. (Соч., т. II, стб. 158). К сожалению, об этой последней гравюре не дает абсолютно никаких сведений даже обстоятельная и интересная брошюра Н. С. Большакова. Московская фигурная гравюра XVI века (М., 1927).

[2] Свенцицкий, Ил. Початки, стр. 69 и 72. Указание В. Сичинского (Бібліолог. вісті, 1926, № 3, стр. 60), что в буквах этих нужно видеть ΛФ или ΛΘ, не отвечает действительности.

[3] Ссылка В. Сичинского на работу М. Макаренко „Орнаментація української книжки XVI — XVIII ст.“ (К., 1926, стр. 17 – 23), где якобы указано, что „гравюра львовского Луки есть слегка измененная копия немецкой гравюры Эргарда Шена“, неверна. М. Макаренко говорит о гравюре Шена, изо-

вается хотя бы тем, что на второй гравюре, изображающей герб г. Львова в соединении с типографским знаком Ивана Федорова и не имевшей образца у Эргарда Шена, инициалы W. S. имеются, а букв ΛΠ (по чтению И. Свенцицкого) или ΛФ или ΛΘ (по чтению В. Сичинского) нет. Таким образом, и по наличию над инициалами W. S. знака резца и по повторности этих инициалов видно, что гравером был именно W. S. Что же касается кирилловских букв ΛΠ, то в отношении их можно выдвинуть следующие объяснения.

1. При внимательном рассмотрении ряда экземпляров Львовского Апостола можно притти к выводу, что буквы эти скорее ΑΠ, чем ΛΠ, так как черта внутри первой буквы значительно утолщена по сравнению с наружными ее продолжениями. Если принять чтение ΑΠ, то тогда в этих буквах можно видеть начало названия книги, к которой приложена гравюра, — Апостол. Примеры подобного указания иллюстрируемого материала на гравюре имеются и как раз относятся, может быть, к тому же самому художнику.

Дело в том, что в истории немецкой гравюры известен северо-немецкий мастер второй половины XVI в., подписывавшийся теми же инициалами, и абсолютно совпадающими по выполнению с подписью на гравюрах Львовского Апостола.

Карл Лютцов в своей „Geschichte des deutschen Kupferstiches und Holzschnittes" (B., 1889, S. 193) сообщает некоторые, очень скудные, данные об этом гравере и воспроизводит в приложении его гравюру „Поклонение пастухов". Лютцов останавливается, между прочим, на том обстоятельстве, что на гравюре „Поклонение волхвов", кроме инициалов W. S., имеются еще буквы LUC и правильно указывает, что поскольку самая гравюра является иллюстрацией к Евангелию от Луки, постольку буквы эти должно понимать как ссылку на иллюстрируемый текст. Таким образом, не решая вопроса о тождественности северо-немецкого и львовского граверов с инициалами W. S.

бражающей Иисуса Навина, а не евангелиста Луку, и речь идет об использовании гравюрной рамки. Ср. по этому же поводу в статье А. И. Некрасова в сб. „Книга в России", ч. I, стр. 85—89. Гравюра Э. Шена воспроизведена у Лютцова в „Geschichte des deutschen Kupferstiches und Holzschnittes" (B., 1889).

Иллюстрация из Шарфенбергеровской Библии 1575 г., с инициалами W. S.

(хотя д-р Биркенмайер говорит, что Вендель Шарффенберг был странствующим мастером, — цит. соч., стр. 55), можно все же считать, что прецеденты подобного толкования дополнительных букв имеются и, следовательно, в буквах **АП** можно видеть начало слова „Апостол“.

2. Если все же считать, что кирилловские буквы означают **АП** и принять малоубедительные доводы В. Сичинского, что они означают инициалы художника Лаврентия Пилиповича, то все же вопрос о г р а в е р е W. S. не снимается. Таким образом, и в первом и во втором случаях остается несомненным, что гравером, по крайней мере двух гравюр Львовского Апостола, был W. S.

Кто же этот гравер? Если обратиться к известному словарю монограммистов Наглера, то под буквами W. S. (№ 1901) сказано следующее: „Неизвестный резчик, живший около середины XVI в., повидимому, в Кракове“...[1] Сведения эти Наглер почерпнул из более ранней работы библиотекаря Краковского университета Иосифа Мучковского. Из данных, сообщенных Наглером в т. III (S. 176, № 568) о монограммисте „H“ (Ꟊ),[2] явствует, что Мучковский в средине 40-х гг. XIX в. нашел в каком-то закоулке Краковского университетского здания большое число гравировальных досок, которые, как оказалось, были в XVI в. использованы для ряда польских изданий, хроник и библий. Впоследствии, в 1849 г., Мучковский издал, по словам Наглера, альбом с воспроизведением отысканных им досок. К сожалению, данной работы Мучковского,[3] из полного издания которой во время пожара было спасено лишь 150 экземпляров,[4] в ленинградских книгохранилищах не оказалось, и прове-

[1] Nagler, G. K. Dr. Die Monogrammisten und diejenigen bekannten und unbekannten. München, 1879, B. V, S. 381, № 1901.

[2] Монограмма эта состоит, повидимому, из буквы I и присоединенной к ней буквы S (в обратном написании). Может быть, это инициалы I (erzego) S (zarffenbergera) младшего, о котором упоминает д-р Биркенмайер (цит. соч., стр. 55).

[3] Muczkowski, Jósef. Zbiór odcisków drzeworytów w ruknych dziełach polskich w XVI-ym i XVII wiekach odbitych, a teraz w Bibliotece Uniwersytetu Jagełłskiego zachowannych (Tekst po polsku a po francuzku). Kraków, 1849.

[4] Estreicher. Bibliografia Polska, r. 3, стр. 180—181.

рить, не находились ли среди прочих досок также оригиналы львовского Луки и герба г. Львова, не было возможно.[1] Во всяком случае, обращение к так называемой Шарфенбергеровской Библии (Краков, 1577; нам были недоступны более ранние издания 1561 и 1575 г.) показало, что 14 гравюр[2] подписано инициалами W. S., совершенно идентичными с имеющимися в Львовском Апостоле, одна (л. 142) одной лишь буквой W, две (лл. 138 и 323) буквой S. Если прибавить сюда и те 6 гравюр, которые подписаны знаком ḃ, то при сопоставлении Библии Шарфенбергера с известной Библией Ганса Луффта 1545 г. окажется, что все гравюры этого издания совпадают с Библией Н. Шарфенбергера, за исключением помеченных в последней инициалами W. S. и ḃ. Это обстоятельство наталкивает на предположение, что, взяв в основу орнаментации своего издания немецкую Библию 1545 г., Шарфенбергер часть гравюр поручил современным ему граверам W. S. и ḃ., может быть, уроженцам Польши, может быть, специально выписанным сюда.[3] К подобной точке зрения склоняется Наглер (Die Monogrammisten, B. III, S. 176, № 568); еще более решительно отмежовывается от этих монограммистов Э. Раставецкий. „Уже в первой половине XVI века, пишет он, — началось в Кракове великолепное издание Библий, для украшения которых типографы-издатели закупали за границей готовые гравировальные доски, использованные уже там для аналогичных целей. Эти деревянные гравюры, повторенные в краковских изданиях, на ряду с прочими местного изделия, по существу дела не относятся к истории нашего отечественного искусства“.[4]

[1] Д-р Биркенмайер (цит. соч., стр. 55—56) сообщает, что гравировальные доски эти до сих пор находятся в типографии Краковского университета. О досках Львовского Апостола не упоминается.

[2] Лл. 1, 4 об., 7, 24 об., 53 об., 89 об., 154 об., 170 об., 193, 201 об., 214 об., 219 об., 318, 605 об. Инициалы на второй гравюре (л. 4 об.) даны в „зеркальном“, т. е. в обратном виде.

[3] В известной нам литературе по истории польской деревянной гравюры (Kołaczkowski, J. Słownik rytowników polskich. 1874; Rastawiecki, E. Słownik rytowników polskich. 1886) названные монограммисты отсутствуют.

[4] Rastawiecki, E. Słovnik rytowników polskich. K. 1886, Str. 9. Впрочем, Наглер (Monogrammisten, B. V, S. 380—381) не идентифицирует северо-немецкого и краковского W. S.

Не входя в обсуждение правильности этой посылки, все же можно заключить, что W. S. около 1574 г. был несомненным жителем Кракова (и Львова?) и что к нему-то и обратился Иван Федоров за изготовлением гравюр для Львовского Апостола. Повидимому, все три гравюры для этого издания были приготовлены этим неизвестным W. S., хотя первая из них, герб Ходкевича, очень схожая по манере исполнения с другими работами W. S., не имеет его подписи.

Возникает также вопрос, что послужило этому граверу оригиналом для гравюры евангелиста Луки. Что такой оригинал должен был существовать, убеждает следующее обстоятельство. Орфография текста, лежащего на пюпитре перед Лукой и списываемого им на хартию, расходится с орфографией как московского и Львовского Апостола, так и гравюры московского Апостола. А именно, в этих последних напечатано: Первое убо слово сотворих... Между тем, на львовской гравюре дана более старая орфография: Прьвое оубо слово сътворихъ. Если к тому же прибавить, что палеографическая характеристика написания этого текста говорит о шрифте более старом, нежели скоропись средины XVI в., то можно притти к заключению, что W. S. гравировал своего львовского Луку, повидимому, с какой-то старинной иконы юго-западного происхождения,[1] но, конечно, трактовал свой объект не в иконописно-плоскостном, а живописно-ренессансном плане.

Если иметь в виду, что W. S. или, принимая гипотезу д-ра Биркенмайера, Вендель Шарфенбергер, только гравировал евангелиста Луку по иконе или чьему-либо рисунку, делается понятным расхождение в манере выполнения, с одной стороны, гравюры евангелиста, с другой, герба г. Львова и типографского знака Ивана Федорова. Тем самым отпадают, впрочем, и так мало убедительные замечания В. Сичинского о якобы разной манере львовских и шарфенбергеровских гравюр.

Как бы то ни было, самый факт кооперации Ивана Федорова с польским (или работавшим в Польше) мастером доста-

---

[1] Поэтому нельзя согласиться с мнением Свенцицкого (Початки, стр. 69), что текст на гравюре львовского Луки представляет худо-скопированную „полууставно-скорописную надпись московского почерка руки Ивана Федорова“.

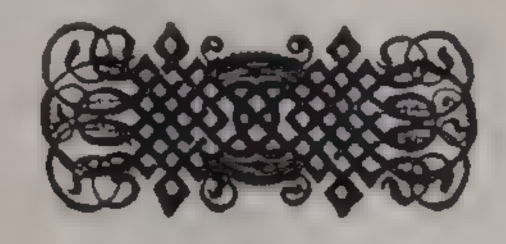
точно симптоматичен. Подобная черта характеризует не только самую практику Федорова, но и, в известной мере, его идеологическую линию: это был человек не феодально-московского склада ума, а своеобразный продукт так сказать русского Ренессанса. Это был интеллигент эпохи борьбы с феодализмом. Он был, очевидно, хорошо образован: не даром Острожская Библия 1581 г. имеет, кроме славянского, еще Послесловие на греческом языке; не даром его Послесловия, как уже выяснили исследователи, связаны как с современной ему литературой (Курбский, Максим Грек и др.), так и с Послесловиями венецианских и черногорских славянских изданий. Наконец, не следует забывать и того, что Иван Федоров, как и многие другие люди Ренессанса, был не только кабинетно-образованным человеком: он был и столяром, и резчиком, маляром, и переплетчиком, и литейщиком пушек и др.

Хотя Иван Федоров был дьяконом одной из кремлевских церквей, тем не менее, по всему характеру своей деятельности он должен быть отнесен не к „аристократической", а „плебейской" части духовенства (Энгельс). Несмотря на то, что слова Энгельса относятся к германским условиям, тем не менее, они — с соответствующими ограничениями — могут быть применены и к Ивану Федорову. „Будучи выходцами из рядов бюргерства и плебейства, — писал Энгельс (Соч., т. VIII, стр. 121), — они (представители плебейской части духовенства) стояли, несмотря на свою принадлежность к духовенству, достаточно близко к условиям жизни массы, чтобы сохранить бюргерские и плебейские симпатии. Участие в движениях того времени, бывшие для монахов исключением, у них являлось общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них окончили свою жизнь на эшафоте в качестве плебеев и крестьян. Народная ненависть к попам обращалась на них лишь в единичных случаях".

Конечно, не все в этой характеристике Энгельса применимо к московской обстановке. Но в основном здесь дан подход к решению ряда невыясненных моментов в биографии Ивана Федорова. Не „плебейством" ли его вызвана была его книгопечатная деятельность? Не тем же ли „плебейством" его определилось „презельное озлобление" к нему „многих священно-

начальник, начальник и учитель"? Не „плебейством" ли Федорова можно объяснить отклик мещан г. Львова на его предложение организовать в этом городе типографию?

Очевидно, этим же „плебейством" Ивана Федорова продиктовано было его бегство в Польшу. И, конечно, этими же обстоятельствами вызвана была его ориентация на польскую типографскую традицию, отличающая последний период его книгопечатной деятельности.[1]

---

[1] А. И. Малеин высказывает любопытное соображение, что, повидимому, „плебейством" Федорова объясняется сложение им дьяконского сана: ни разу в изданиях, начиная с 1569 г., он не называет себя дьяконом; кроме того, есть данные, что он вторично женился (в одном акте говорится, что он поручил купить кольца, в другом, — что он назначил опекуна своим малолетним детям).

А. И. МАЛЕИН

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ КНИГА КО ВРЕМЕНИ ИВАНА ФЕДОРОВА

Первая печатная русская книга появилась более чем на 100 лет позже печатных книг на Западе: в Германии, Италии, Франции и Англии.

Поэтому не лишним и небезынтересным представляется дать, хотя бы краткий и беглый, очерк состояния и успехов книгопроизводства на Западе к тому времени, когда у нас начал действовать на этом поприще Иван Федоров, дьякон Николы Гостунского, и его товарищ (по старинному „клеврет") Петр Тимофеевич Мстиславец.

Печатная книга в руках церкви, а затем и буржуазии, тотчас после возникновения становится могучим орудием пропаганды: благодаря книге является возможность говорить с широкими массами. Понятно отсюда, почему все изобретения полиграфии возникли в Германии. Эта страна являлась в то время средоточием различных форм классовой борьбы (припомним реформацию, крестьянские войны, движение анабаптистов и т. д.).

Первенцы печати обычно называются инкунабулами, т. е. колыбельными изданиями, от латинского слова incunabulum — колыбель. Этим обозначением указывается, что книгопечатание

было тогда в начальном периоде своего существования, как бы в колыбели. Такое название носят эти издания по 1500 г. включительно и не далее. В первом году следующего столетия венецианский типограф Альд Мануций ввел новый шрифт — курсив, сразу же получивший широкое распространение во всем Западе как из-за экономических, так и из-за эстетических соображений. Это нововведение можно считать гранью инкунабульного периода книгопечатания.

По своей внешности инкунабулы стремились возможно ближе воспроизвести прежнюю форму рукописной книги. Первые типографы создавали себе таким путем выгодную аферу, продавая по несколько пониженной, сравнительно с прежним, цене, как рукопись и, значит, как результат работ нескольких месяцев или лет, книгу, которую печатали в течение нескольких дней.

Таким образом, подобно рукописи заглавный лист у инкунабулов отсутствует до 1476 г., но и потом в XV ст. появляется только изредка. Все сведения, имеющиеся теперь на титульном листе, иногда даже с бо́льшими подробностями, помещаются в самом конце книги.[1] Страницы не нумеруются вовсе или только по листам и сперва исключительно римскими цифрами. В тексте имеется масса типографских сокращений, очень удобных для рукописи, но трудных для печатного выполнения, а потому постепенно все более и более исчезающих.

Начальные большие буквы (так наз. инициалы, от лат. слова initium — начало) обделаны золотом или краской. Начальные буквы каждой новой фразы или нового отдела отмечаются красной чертой. Это — так наз. рубрика (от лат. ruber — красный). Часто инициалы оставались не зарисованными, и место их не было занято. Может быть, отсюда идет у нас обычай отступать несколько вправо на первой строке нового отдела в изложении.

Книги печатались на пергамене и на бумаге. Первые стоили примерно втрое дороже вторых. Бумага имеет грязновато-серый цвет и отличается большой прочностью. Типографская краска поражает своей блестящей чернотой и густотой. В об-

[1] Handbuch der Inkunabelkunde von Konrad Haebler. Leipzig. 1925, S. 124.

щем инкунабулы — грузные массивные фолианты в тяжелых деревянных переплетах, обтянутых кожею. Такие книги можно было держать перед собою только на столе или на пюпитре и читать не иначе, как согнувшись над ними, а не лежа или развалившись. Книги были редки и дороги. Поэтому их приковывали цепями к столам или к стене. Любопытное воспроизведение подобной старой монастырской библиотеки конца XV в. имеется в одной из зал Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. Обычной иллюстрацией книг были грубо исполненные гравюры по дереву (так наз. ксилографии).

Что касается содержания инкунабулов,[1] то оно несколько видоизменялось по странам. Так, в Германии, стране, бедной торговым капиталом, издавались преимущественно книги недорогие и ходкие: грамматики, календари, библии, служебники и проповеди.

В Италии, стране наиболее развитой экономически и богатой, излишки денег шли на удовлетворение художественно-научных потребностей буржуазии, особенно на воскрешение древнеримского быта, отвечавшего общей антицерковной психологии жителей. Поэтому печатались, по преимуществу, произведения античной литературы, сперва исключительно латинской, а под конец века и греческой. Так как в этой стране развилось много капиталистов, как богатых покупателей, так и заказчиков, то издания, приноравляясь к их вкусам, отличались особенно художественной формой.

Из типографов эпохи Возрождения особенно известен Альд Мануций, действовавший в Венеции (ок. 1450—1515). Его типография была модным центром, куда стекались по утрам досужие аристократы отчасти послушать увлекательные беседы Альда, человека глубоко образованного, отчасти просто вздремнуть под гудение станков после ночи, проведенной в оргиях. В числе этих посетителей была и знаменитая красавица, известная своей развратностью, дочь папы, Лукреция Борджиа (которую отец любил более, чем дочь, и которая сама любила родного брата более, чем сестра). Эта особа предложила типографу

---

[1] Oeuvres de Philarète Chasles. Le moyen âge. Paris (Charpentier). 1876. p. 398 sq.

материальную поддержку. И Альд не устоял против денежного соблазна. Он напечатал панегирик Лукреция с похвалами не одной ее красоте, но и ее целомудрию.[1]

Альд отлил 23 новых шрифта, в том числе, как сказано уже, убористый, курсивный или косой, один том которого в восьмушку вмещал столько же текста, как фолиант или квартант. К прежним знакам препинания (точка и двоеточие) он прибавил запятую и одним из первых стал прилагать к книгам оглавления. Из впервые опубликованных древних авторов особенно знаменито издание Альдом текста Аристотеля, отца новой науки (1495—1498 г.). Типографской маркой Альда был якорь с обвивающимся вокруг него дельфином. Первая эмблема означала основательность, вторая -быстроту исполнения. С Альдом был дружен Максим Грек и проникся от него идеями о важности книгопечатания.

Первопечатные книги Франции по своему содержанию занимали как бы промежуточное положение между Германией и Италией. Наряду с изданиями античных писателей и обиходных церковных книг, выдвинутая развитием торгового капитала французская гуманистическая интеллигенция с особой силой нападает на остатки средневековой культуры и феодального строя, подвергая их безжалостной критике. Эта струя сатиры занимает видное место в начале книжной продукции Франции.

Книгопечатание демократизовало книгу тем, что увеличивало тиражи книг и удешевляло ее. Кроме того, богатые и бедные покупали совершенно одинаковые экземпляры. Это не нравилось гордой знати, которая подвергала приобретенные ею экземпляры вторичной обработке, нанимая художников украшать книги акварельными рисунками, иногда совершенно закрывающими печатную ксилографию. Этот обычай особенно процветал в более развитых экономически странах: Италии и Франции.

В стране гордых конквистадоров и религиозного фанатизма, более отсталой экономически Испании, печатаются книги бого-

[1] Firmin-Didot, Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris, 1875, pp. 359—363.

служебные и развивающие преувеличенное понятие о дворянской чести—рыцарские романы.

Первый типограф Англии, Какстон, был буржуа, торговец шерстью, и потому старался угодить вкусам возрастающей буржуазии изданием романических переделок античных мифов. У него возникали сомнения насчет правдивости фактов, излагаемых в этих книжках, но под влиянием господствующей дворянской культуры, он изменил свою точку зрения; сам он наивно говорит об этом в одном из своих предисловий так: „один джентльмен убедил меня, что не верить этому великое безумие“.

Когда первые типографы печатали богослужебные книги, церковь приветствовала их работу. Но когда они расширили свою деятельность на другие отрасли знания и на изящную литературу и в особенности когда стали печатать книги, содержавшие мнения, враждебные церковным установлениям, то католические иерархи вынуждены были подвергнуть продукцию печатного станка своему бдительному надзору и установить зачатки будущей цензуры. Одно из самых первых распоряжений в этом роде было сделано на родине книгопечатания, в Майнце, тамошним архиепископом еще 4 января 1486 г. Поэтому издание некоторых книг приходилось проводить путем обмана. Так, Альд в предисловии к тексту непристойного, но высоко-талантливого греческого комика, Аристофана, прибегнул к уловке, будто Иоанн Златоуст держал этого автора всегда у себя под подушкой.[2]

Общее количество инкунабулов доходит почти до 38 тысяч[3] в 450 000 экз. Из них не менее одной трети находится в Германии, остальные рассеяны буквально по всему земному шару, включая сюда Африку и Австралию. Америка, по количеству, а особенно по редкости собранных ею инкунабулов, успешно конкурирует с Европой. В настоящее время в Берлине издается

---

[1] Лесков, Н. С. Четырехсотлетие цензуры. Истор. вестник, 1886, т. XXIII, кн. 1, стр. 257 сл.

[2] Lalanne, Ludovic. Curiosités bibliographiques. Paris, 1857, p. 269.

[3] Точно на 31 марта 1920 г. — 37639. См. Gesamtkatalog der Wiegendrucke. Hrsg. von Preussischen Kommission, 1925. Verlag Karl Hiersemann. Lpzg. (проспект).

международный каталог инкунабулов, куда включаются и экземпляры Советского Союза, где их не менее 6000.

XV веком кончается первый этап развития книгопечатания, падающий на тот период, который Маркс назвал ремесленным.

В дальнейшем в технике книги создаются новые усовершенствования. Рукописная форма букв заменяется более соответствующей технике печати. Именно, прежде всего остроконечная готика во всех странах, кроме Германии, все более и более уступает место изящной закругленной антикве, оригиналом для которой служили древне-римские надписи. Появившийся еще в конце XV в. заглавный лист приобретает полное право гражданства. Лейпцигскому книгопродавцу Вольфгангу Штеккелю принадлежит слава создания в 1500 г. первого титульного листа в нашем смысле.[1] Затем, по мере расширения торговли, содержание этого листа даже увеличивается по сравнению с современным. Он служит для книги также рекламой и объявлением о выходе в свет. Поэтому на нем даются похвалы книге, ее автору и иллюстратору, так что книгопродавцы развешивают эти листы пред входом в лавки. Входят во всеобщее употребление арабские цифры. Наряду с прежними ксилографиями возникает гораздо более изящная гравюра — офорт, где контуры рисунка вытравляются на меди крепкой водкой, по французски eau forte, откуда и произошло название рисунка. В этом усовершенствовании иллюстрации громадная заслуга принадлежит Христофору Плантену (1514—1589), уроженцу Франции, бежавшему от религиозных преследований в Антверпен, где он начал свою издательскую работу в 1555 г. Его фирма существовала дольше всех других европейских — до 1867 г., а потом дом его и склад изданий были обращены в музей, существующий и поныне.[2]

Книжная продукция в XVI в. значительно расширилась. Точное количество никем не подсчитано. Но можно думать, что число названий должно превышать 300 000.

С точки зрения содержания на книге этого века отражается общий подъем материального благосостояния и жизнерадост-

---

1 Haebler, Konrad, o. c., S. 125.

2 Ловягин, А. М. Основы книговедения. Л., 1926, стр. 52.

ного мироощущения развивающейся буржуазии, наступивших после мрачной эпохи феодализма. Поэтому и наиболее частым украшением инициалов и бордюров страниц являются пестрые узоры из цветов, плодов, гирлянд и листьев. Самосознание средневекового буржуа постепенно освобождается от цепей обскурантизма. С ростом буржуазии развивается индивидуализм, возникает гораздо сильнее стремление к признанию своей личности и к славе. Это выражается в пышных предисловиях, в прославляющих автора препроводительных стихах его учеников и друзей. Наряду с этим рост абсолютизма, успешно боровшегося с остатками феодального строя, заставлял писателей сочинять длинные посвящения государям и их приближенным. Цель подобных посвящений заключается в том, чтобы возможно теснее связать свое имя с лицом, которому посвящают, и, таким образом, прочнее укрепить свою собственную известность, получить награду за работу и вообще поднять свое экономическое благосостояние.

Уже раньше было сказано, что общественные явления, подобные реформации, могли получить такие широкие размеры только при деятельном участии в их создании типографского станка. Но и сама реформация в свою очередь оказала большое влияние на книгу. Поднимающаяся буржуазия, в условиях развивающейся классовой борьбы, требует для распространения своих идей возможно быстрого запечатления их на бумаге. Этим объясняется, что при проведении реформации объемистая ученая литература отступает на задний план пред листовкой и брошюрой. Понятно далее, что такая листовка должна быть написана не на ученом латинском, а на понятном народу его родном языке. Вот почему количество книг на национальном языке сильно увеличивается за это время.

С другой стороны, усилению роста книжной продукции способствовало развитие городов и университетов в них и неизбежно развивало отсюда привычку к книге и чтению. Понятно, что этот новый читатель чуждался старых фолиантов с религиозно-схоластическим содержанием, предпочитая им древних классиков, рыцарские романы и хроники.

Наконец, успеху книги способствовал ряд ученых и добросовестных издателей, прилагавших к своему делу массу труда

и энергии. Таковыми в Италии были потомки Альда, по имени изданий которых получили свое название типографские шрифты цицеро и корпус, и во Франции Этьены (по латыни Стéфаны), которые, по восторженному свидетельству их современников, сделали больше для прославления Франции, чем все великие подвиги тогдашних войн, чем все искусства мира.[1] Один из Этьенов, Робер I (1503—1559), прибивал к дверям типографии корректурные гранки и предлагал по золотому за каждую найденную опечатку. Заботы Робера об исправлении текста библии в связи с некоторой критикой ее навлекли на него сильную ненависть католического духовенства, так что под конец жизни он должен был бежать из Парижа в Женеву, где и умер. Его сын Анри II Этьен (1531—1598) вырос в исключительной обстановке. В доме его отца постоянно, для надлежащей правки корректуры, жили десять ученых представителей различных наций, у которых общий разговорный язык был только латинский. Культ латыни был настолько силен, что в присутствии этих лиц или отца Анри не смел говорить ни на каком другом языке, кроме латыни. На этом же языке мог объясняться и весь дом, включая женскую прислугу. Известного греческого философа Платона и до сих пор цитуют по изданию Анри Этьена, так тщательно оно сделано. Почти одновременно с московским „Апостолом" Анри издал книгу „Апология Геродота" (1566 г.), где, под предлогом защиты этого „отца истории" от недостоверности повествования, резко нападал на христианство и подвергал ядовитым насмешкам католическое духовенство. Таково, например, его замечание: „Мы удивляемся, что египтяне поклонялись быкам и крокодилам, ну а разве католики не едят своего бога?" Этьены были мало заинтересованы в коммерческой стороне своего издательства. Это показывает тот факт, что из 11 представителей этого семейства один умер в изгнании, пять в нищете, один в долговой тюрьме и два в больницах для бедных.

Вообще, уже в первой половине XVI ст. для книгопечатания окончательно миновал его золотой век, когда оно было в более или менее тесном содружестве с духовной и светской

---

[1] История деятельности Этьенов живо и интересно изложена у Edmond Werdet, Histoire du livre en France, 3-me partie (tome I), Paris (Dentu), 1864, 68 ss.

властью.[1] Недовольство церкви типографами усилилось особенно с тех пор, как стали печататься греческие писатели, представители схизматического языка и того народа, который никогда не признавал главенства папы. Опасения церкви были тем более основательны, что эти древние писатели, греческие и латинские, писали притом художественно, чем увлекли самих ее представителей, даже самых высших. Находились, например, кардиналы, которые отказывались читать послания апостола Павла потому, что они переведены плохой латынью. Еще более обеспокоило церковь появление в печати книг еврейских, в чем она увидела возрождение юдаизма. И вот правоверные, но невежественные богословы вступают в ожесточенную борьбу с новыми веяниями и подвергаются со стороны своих противников жестокому осмеянию в знаменитых „Письмах темных людей“ (Epistolae obscurorum virorum).[2] Потерпевшие в литературной борьбе поражение обскуранты прибегают к насилию политическому. Папы составляют „Указатель запрещенных книг“, куда заносят все книги, посягающие на их авторитет. Первый список с вышеуказанным заглавием вышел как раз в год издания нашего Апостола (1564).

Преследование типографов и их продукции духовенством неизбежно имело своим последствием враждебное отношение к ним и высшей светской власти, прежде всего императора и королей, так как церковь была опорой могущества светской власти. Поэтому, если один из французских епископов XVI в. сказал королю Франциску I: „Берегитесь! Нет епископа, нет короля“ (Prenez garde: pas d'évêque, pas de roi), то это надо понимать как указанную выше постоянную поддержку светской власти авторитетом духовной.

И вот упомянутый Франциск I стремился покровительствовать наукам и литературе и приобрел славу такового патрона не только у себя во Франции, но и в отдаленной Московии, где, более ста лет спустя, Симеон Полоцкий воспевал его в следующих стихах:

Франтийск, именем первый, краль францийский бяше,
Сей яко писание и мудрость любяше...

---

[1] Renard, G. Les Travailleurs du Livre et du Journal. Tome I (Paris, Doin). p. 131 ss.

[2] Имеются в не вполне точном русском переводе (М. 1907).

И между тем, он же, в процессе ожесточенной борьбы с протестантской ересью, не задумался отправить на костер одного паралитика, который читал лютеранские книги, типографа, который их печатал, и книгопродавца, пустившего их в продажу. Мало того, в январе 1534 г., под давлением духовенства и дрожа за свою власть, он издал указ, которым, под угрозой повешения, запрещалось всякое печатание книг во Франции, но парламент отказался регистрировать это варварское распоряжение, и через месяц король вынужден был взять его обратно.

В этом же столетии, впервые, с особой ясностью выступает капиталистическая сторона типографского дела и обнаруживается классовая рознь между хозяевами и мастерами, которая приводит последних к первой типографской стачке в Лионе (апрель 1539). Требования рабочих сводились к повышению зарплаты, улучшению питания, которое они обычно получали от хозяев, к ограничению числа учеников, которыми хозяева старались заместить мастеров, а также к большей свободе в распределении времени для занятия ремеслом. Например, рабочие желали отдыхать в дни свадьбы или похорон товарищей и, наоборот, если это вызывалось спешностью заказа, работать по воскресеньям и праздникам. Требования рабочих были настолько справедливы, что даже местная и центральная власть, решая в общем дело в пользу хозяев, сделали уступки рабочим по части питания и излишнего набора учеников. Тогда хозяева объявили локаут и обратились к королю, который своим указом 28 декабря 1541 г. окончательно, без всяких уступок, решил дело в пользу хозяев. Рабочий день был установлен в 15 часов.[1]

Среди хозяев-типографов на стороне рабочих оказался один, Этьен Долэ (Dolet, 1509—1546). Этим он навлек на себя сильную ненависть других хозяев, которые и подвели его под суд католического духовенства. Оно придралось к тому, что в переводе одного греческого трактата Долэ написал, вместо: после

[1] Ср. Hauser, H. Ouvriers du temps passé (XV-e—XVI-e siècles). Paris, Alcan, 1899 (в серии Bibliothèque générale des Sciences sociales), где подробно изложены все перипетии этого эпизода классовой борьбы (стр. 177—230).

смерти ты не будешь существовать, так: после смерти ты будешь совершенно ничем. За прибавку последних двух слов (по французски трех: rien du tout), как отрицающих бессмертие души, Долэ был присужден к повешению и сожжению на костре вместе с изданными им книгами.[1]

Наконец, в XVI ст. появляется политическая литература. Так, известный итальянский политик Макиавелли написал один из первых исторический труд („История Флоренции") с применением принципа классовой борьбы,[2] а английский государственный деятель, Томас Мор, издал социалистический роман „Утопия" (1516 г.), где вывел общество, не знающее частной собственности и выставляющее принцип обязательности труда.

Такую бурную жи нь, в процессе ожесточенной классовой борьбы, имела западная книга в XVI в. Совсем иная картина наблюдается в восточной Европе, в Московии. Здесь не только в XVI, но и в XVII в. изданием книг ведало исключительно государство при неусыпном контроле духовенства. Несмотря на гнет светской и духовной власти, классовая борьба отражалась и тут, но проявлялась не так заметно, как на Западе. Книги издавались только богослужебные и религиозные. Поэтому, если в страну и проникали какие-нибудь западные веяния, то они могли распространяться исключительно рукописным путем, да и то с опаской, потому что книги уничтожались, и придерживающихся их нередко объявляли еретиками и подвергали жестоким карам. За весь XVII век, не говоря уже о XVI-м, были напечатаны всего две книги чисто гражданского, не духовного, содержания. Появление их было обусловлено потребностями самодержавного строя. Одна стояла в связи с завоевательной политикой московских царей и содержала переведенный с немецкого трактат по военному делу („Учение и хитрость ратного строения пехотных людей"). Другая („Уложение царя Алексея Михайловича") имела целью подавить революционные волнения, охватившие всю страну.

---

[1] О Долэ см. Г. Ф. Земель, Э. Долэ в исторической литературе, Журн. Мин. нар. просв., 1910, кн. 8, стр. 308 -344, и критику этой работы проф. А. А. Васильева в Уч. зап. Юрьевск. унив., 1912, кн. 4, апр., 1 -16. Мысль о связи казни Доля с его поддержкой рабочих принадлежит автору настоящих строк.

[2] Покровский, М. Н. Экономический материализм, ГИЗ, Пб., 1920, стр. 4.

Русская книга резко отличалась от западной не только с точки зрения содержания, но и во внешнем выполнении. Мы видели, что техника книгопроизводства достигла на Западе значительных успехов, но русские люди, вероятно из боязни „заразиться“ какой-нибудь ересью, предпочли итти в шрифте самостоятельным путем. Образцом для шрифта, который в 1563 г. был приготовлен заново, был взят тогдашний полуустав без всякого влияния латинского или немецкого письма. Нумерация листов, если она давалась, была только буквенная. Арабские цифры появились впервые в московских изданиях только в 1647 г., а первая книга математического содержания, но с буквенной нумерацией, вышла в 1682 г.[1]

Иностранное влияние заметно только в богатой орнаментовке заставок и концовок. В общем она соответствовала упомянутому выше жизнерадостному настроению западной буржуазии, освобождающейся из оков феодализма.

Только в самом конце XVII в. начинают печататься книги „четьи“, т. е. назначенные для простого чтения, а не для богослужебных целей, но все они имеют сильную духовную окраску.

Внешность московских книг мало отличалась от рукописей и долгое время сохраняла первопечатную форму, введенную Иваном Федоровым, и только в последней четверти XVII в., под влиянием юго-западных ученых, хорошо знакомых с европейской книгой, подверглась некоторому изменению. Например, стихи начинают печататься отдельными строчками, а не сплошь, как раньше; примечания помещаются внизу страницы, а не на полях, прогрессирует и техника иллюстраций. Так, постепенно и мало по малу русская книга по форме и содержанию приближалась к западно-европейской.

---

[1] Баранов, П. Как распространялись в России арабские цифры. Математическое образование. 1913, январь, стр. 8—9, и указанная там литература.

В. Г. ЧЕРНОБАЕВ

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЧЕХИИ И ПОЛЬШЕ

Маленькая Чехия в своем социальном строе XV—XVI вв. представляла значительные особенности по сравнению с большинством других славянских стран. Здесь, как и в соседней Польше, долго держалось выборное начало в отношении королей, — но, в отличие от Польши, — значительными правами пользовались не только паны и рыцарство, но также и жители городов, в особенности население Праги. Благодаря своей сильно растущей экономической силе, чешские торговцы и ремесленники уже в XV в. получили возможность „откупиться" от ряда обременительных повинностей. Сосредоточив в своих руках довольно значительные средства, они приобрели даже ряд земельных владений, обеспечивавших за ними возможность влияния на всю культурную жизнь страны. Правда, в эпоху Гуситских войн страна, постоянно разоряемая постоями солдат и грабежами, стала падать экономически. В силу победы католической партии, удельный вес идеологических представителей городского населения, сгруппировавшихся преимущественно в круг так наз. течения „калишников", должен был упасть. Однако мы видим, что они продолжают стойко держаться за свои права, допуская лишь мелкие сравнительно уступки в отношении победивших

тогда сословий (панов и рыцарей). Более радикально настроенная часть мещанства и крестьян — табориты была, правда, сломлена, но основная группа, в лице так наз. „Чешских братьев“, последователей учения Хельчицкого, портного по профессии, — этого толстовца XV в., — продолжала в течение всего XVI в. оказывать значительное влияние на всю внутреннюю жизнь Чехии. Из этих же кругов зажиточных мещан вышли первые деятели чешского книгопечатания.

Будучи уже к середине XVI в. страной с высокоразвитой культурной жизнью, в силу ряда благоприятствующих условий, Чехия еще в 1348 г. (раньше даже немцев) получила свой университет и стала проникаться новыми идеями гуманизма. Гуситская полемика, при всем своем одностороннем характере, немало содействовала оживлению культурной жизни. Неудивительно, что мысль влиять на более широкие круги читателей должна была здесь зародиться раньше, чем у других славян. Не говоря уже о славянах восточных, идея книгопечатания должна была сюда проникнуть раньше, чем в соседнюю Польшу, где городское население, комплектовавшееся преимущественно из немецких иммигрантов, ощущалось как элемент, чуждый в национальном отношении, и, конечно, раньше, чем к южным славянам, среди которых слишком давала тогда себя знать разобщенность со всеми источниками европейской культуры.

Под влиянием романтического одушевления чехи пытались даже одно время отстаивать предположение, что их страна была пионером в этой области и что знаменитый Гутенберг был чехом по происхождению, прибывшим со своими планами в Германию из Кутной Горы в Чехии. Гипотеза эта, однако, должна быть оставлена, как не выдерживающая критики. Это понял уже основатель славяноведения — Добровский,[1] впервые решительно высказавшийся против нее. Во всяком случае, остается бесспорным фактом, что книгопечатание стало применяться в Чехии уже с 60-х годов XV в. При этом любопытной особенностью первопечатных чешских книг было то, что ряд из них был вполне светского содержания, иногда даже сатирического, — в противо-

---

[1] См. его „Über die Einführung und Verbreitung der Buchdruckerkunst in Böhmen“ (Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen. Prag, 1782. Bd. V)

положность большинству других славянских народностей, где в этом случае безусловно преобладали элементы церковные. Первой чешской, дошедшей до нас книгой была „Троянская Хроника“, -книга, как видим, именно, светского содержания, датированная 1468 г., каковой год ныне и считают годом начала книгопечатания в Чехии. Делались, правда, попытки отвергать подлинность этой даты; сам Добровский держался того мнения, что дата эта относится не к печатному экземпляру, а к рукописи, с которой он печатался; однако позднейшее обследование показало, что между рукописью и печатным текстом нет настоящего сходства.[1] С другой стороны, наш экземпляр „Троянской Хроники“ сохраняет ряд особенностей, наглядно свидетельствующих об его ближайшем отношении к начальной фазе книгопечатания, — если не к самому Гутенбергу, то, во всяком случае, — его ученикам. Мы не знаем никаких подробностей о первом чешском печатнике, напечатавшем эту книгу, но несомненно, что местом его деятельности была не Прага, столица Чехии, а Пильзен; город, правда, не обозначен в самой книге; однако, в пользу такого предположения достаточно убедительно говорит сходство типографской манеры этого издания с теми книгами, относительно которых никто не сомневается, что они вышли из Пильзенской типографии. Не Прага, таким образом, а Пильзен был колыбелью чешского книгопечатания. Вероятно, первыми проводниками типографского дела были тут немцы; но несомненно, что при печатании здесь не только латинских, но и чешских сочинений сразу же явилась необходимость в ряде работников-чехов. Пильзен был известен сопротивлением, оказанным гуситам. Сюда тогда переселилась вся Сватовитская Капитула. Неудивительно поэтому, что ученики Гутенберга выбрали первым местом своей деятельности в Чехии не Прагу, где тогда управлял „еретик“ — Юрий из Подебрад, а верный католицизму Пильзен (См. Volf, Josef, dr. Dějiny českého knihtisku do roku 1848. V Praze, 1926, стр. 1). Бежавший сюда из Праги католический епископ Гиларий из Литомежиц выступал на сейме 1467 г. в Нюренберге, призывая государственные сословия на

[1] См. Tobolka, Zd. dr. České prvotisky (až do roku 1500). V Praze, 1910, стр. 8 (Sbírka pramenův ku poznání literárního Života v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Skupina III, číslo 7).

борьбу против „короля-еретика“. Можно предполагать, что именно Гиларий привел с собою с этого сейма какого-нибудь книгопечатника, который должен был прежде всего начать печатание чешских изданий, направленных против ненавидимого им короля. В таком виде этот проект, однако, не мог получить осуществления, в виду скоро затем последовавшей смерти Гилария.[1] Очевидно, этот первый приехавший тогда в Чехию печатник решил использовать свои силы в другом направлении. Рассказ о разных занимательных историях, которые заключала в себе издавна популярная в разных литературах „Троянская Хроника“, — привлек теперь к себе его внимание; он имел основание предполагать, что подобный рассказ, имевший уже значительный контингент читателей в своей рукописной версии, должен был получить еще большее их число в случае его опубликования в печати. Чешская версия „Троянской Хроники“ была дважды перерабатываема на основе латинского оригинала, принадлежавшего перу Гвидона из Колумны, жившего в XIII в. Последний сочинил свое повествование на основе различных средневековых сказаний о Троянской войне, главным образом — французского произведения „Roman de Troie“, автором которого был Benoit de Sainte More (см. Jakubec, J. Dějiny literatury české. V Praze, 1911, стр. 101). Старшая чешская переработка, возникшая еще (в рукописной версии) во второй половине XIV в., по отзывам специалистов, обладает бо́льшими литературными достоинствами, чем позднее в 1411 г. сделанный перевод „Троянской Хроники“, принадлежащий перу одного из приближенных короля Вацлава.

После 1468 г. книгопечатание держалось долго в Пильзене, пока с ним не стали конкурировать более богатые города, в особенности, конечно, Прага. Было уже отмечено, что „Kronika Trojanská“, как и латинские сочинения, вышедшие из Пильзенской типографии, несет на себе печать начальной фазы в развитии печатного дела; об этом свидетельствует очевидная неуверенность при наборе, многочисленные ошибки и пропуски, часто совершенно нарушающие смысл оригинала. Печатано все

---

[1] См. Tobolka, Zd. dr. České prvotisky (až do roku 1500). V Praze, 1910, стр. 2.

одной черной краской. Оставлено, правда, пустое место для названия глав, которое должно было быть передано уже другой краской. Буквы — довольно красивые и четкие — готические. Инициалов — нет, за одним исключением. Нет также титульного листа и каких-либо гравюр; само собою разумеется, что отсутствует пагинация.

Что касается до вышедших в Пильзене в XV в. латинских книг, — то сюда относятся два первопечатные издания: Statuta provintialia Arnesti, — с указанием на год и место издания „Anno domini millesimo quadringentesimo septuagesimo sexto finita sunt ista statuta provincialia feria sexta post S. Marci in Novaplzna de impressione nova. Orate pro impressore etc.“ (Volf, Jozef, стр. 11). Через три года после этого, т. е. в 1479 г., здесь была напечатана вторая латинская книга: Missale ecclesiae pragensis.[1]

В более старое время, в том же Пильзене вышли еще, кроме того, две книги на чешском языке: это так наз. Nový Zákon Dlabačův; теперь доказано, что он возник еще до первой книги, напечатанной в Праге, т. е. до 1487 г., хотя год его издания и не указан. Неизвестен также владелец типографии, где книга эта была напечатана, а названа она так („Dlabačův“) по фамилии лица, которое ее нашло. Первым Ганка стал считать, что этот „Новый Завет“ отпечатан в Пильзенской типографии.[2] Несомненно, что типографское искусство, отражающееся в этом издании, стоит выше того, которое представлено в „Троянской Хронике“; набор производился более опытной рукой. Дано обозначение страниц, и более или менее выдержаны столбцы в 36 строк; второй „Nový zákon“ был напечатан неизвестным издателем еще до 1487 г. в Пильене. Единственный сохранившийся его экземпляр — дефектный, не позволяющий делать окончательные выводы об общем характере издания. Так, нельзя сейчас притти к окончательному заключению относительно того, был ли здесь заглавный лист; пагинация не выдержана.

---

1 Volf Joz. Dějiny..., стр. 11.

2 См. Tobolka, Zd. dr. České prvotisky, стр. 16, и Hanka, V. Bibliografie prvotiskuv českych od 1468 až do 1526 léta (Časopis Musea Kralovstvi českého, roč. XXVI, 1853).

Нельзя также судить о том, была ли эта книга окончена был ли к ней приложен перечень замеченных опечаток и пр. В 80-х и 90-х гг. XV в. действует уже в Пильзене постоянный типографщик, относительно которого мы располагаем некоторыми сведениями. Он печатает исключительно чешские книги, продолжая в общем манеру (выше охарактеризованную) первых пильзенских изданий. Это был Mikuláš Bakalář (1488 -1493). Хотя он не всегда обозначал на книгах свое имя и место издания, однако книги его легко узнать по постоянно повторяющейся манере: тот же самый формат, один столбец с 20 строками на страницу, четкие готические буквы и печать в одну краску. Такова изданная им любопытная и имеющая важное значение в истории литературы сатира „Конюх и студент" — „Podkoni a žák", — вероятно, в 1498 г. Книга — без окончания, реестра и иллюстраций; на ней также не указано место издания; общий, однако, ее характер не оставляет сомнения в том, что она также была издана в Пильзене.

Судя по архивным данным, Bakalář был уже в 1493 г. в Пильзене постоянно там проживающим мещанином.[1] Едва ли справедливо предположение, что он был мадьяром по происхождению. Правда, имеется ряд серьезных оснований не считать его также и чехом.[2] Однако о том, что он был скорее всего славянином по происхождению, свидетельствует тот факт, что на одной изданной им в 1510 г. книге — трактат против Луки — он называет себя „Mikuláš Štětina, bakalář slavného učení Krakovského".[3] Это служит подтверждением того, что он ближе был связан со славянскими странами и языками. Несомненно, он получил университетское образование и хорошо знал чешский, латинский, а возможно и польский, языки. Все его издания напечатаны на чешском языке, и можно предполагать, что он сам занимался их переводом.

Podkoni a žák — одно из немногих ранних сатирических чешских произведений, не имеющих иностранного образца, довольно ярко отражающих подлинную жизнь своего вре-

---

[1] Volf, Joz., op. cit., стр. 11.
[2] Ibid., стр. 12.
[3] Ibid.

мени.[1] Проявленное здесь остроумие носит иногда чересчур грубый характер; однако автор должен был хорошо знать студенческую жизнь того времени, чтобы написать такую сатиру. Сочинил он ее в последней четверти XIV в. на латинском языке. Первое ее печатное издание (Пильзен, 1498 г.) было уже на чешском языке. Бакалаж, как и другие в его время, совмещал в своем лице и издателя и книготорговца и, быть может, даже наборщика. Нет основания, однако, предполагать, как делали некоторые, что он был лишь издателем немецкого типографщика Іеронима Гельцеля из Нюренберга. В Пильзене же, вероятно, был издан в 1488 г. не сохранившийся до нашего времени календарь — первый экземпляр этого рода произведений на чешском языке.

В Праге деятельность типографий началась в конце 80-х гг. XV в. В качестве издателей выступают зажиточные пражские торговцы, домовладельцы, члены Пражского городского совета. Наиболее способным типографщиком был Jan Kamp, действовавший между 1488—1500 гг. Хотя он также не имел обычая выставлять своего имени на книгах, однако мы узнаем о нем из одной королевской привилегии, выданной издателю, с которым он совместно работал (Kralovský list z. 25 března r. 1499).

Согласно этой привилегии король позволял Северину-лавочнику, мещанину Старого города Пражского „a tovariši jeho Iohannesovi řečeněmu Kamp impresorovi i s. kverky jich, aby oni na horách a gruntiech urozeného Petra z Wartembergka okolo Štěpanic nebo jinde okolo Krkonoše i také na horách a gruntiech slovutné Markety Vrchlabske dělati a znovu jich dobývati mohli, a také aby urbury a jiných poplatkuov, kteříž do komory krále Jmti přislušie, nedávali za plných deset let“.[2]

Отсюда ясно, что Камп был типографщиком, с которым торговец Северин вел совместное предприятие. Обычно Камп издавал лишь однотомные издания; он пользовался всегда одним и тем же четким и ясным готическим шрифтом; печатал иногда одной черной краской, иногда же вперемежку — черной и красной. Он указывал место и год издания, а также довольно обильно

---

[1] См. Jakubec, J. Dějiny lit. české, стр. 91, Feifalek, J. Studien, III, V. Jireček, J. Zpr. kr. Čes. Sp. Nauk 1877, VI (текст с критическими примечаниями).

[2] Tobolka, Zd., op. cit., стр. 38.

пользовался иллюстрациями (гравюра по дереву), по образцу немецких нюренбергских. Таковы его „Ezopovy Fabule“ (1488), без титульного листа, но с двумя иллюстрациями, без обозначения глав и страниц. Значительно раньше, чем версия Эзопа была напечатана, она уже была известна в многочисленных, повидимому, рукописных копиях. Небольшая по размерам, снабженная дидактическим элементом, басня Эзопа уже в отдаленное время представлялась удобным материалом для использования, в целях приспособления его к отношениям м.жду людьми. Таким образом, автор получал возможность избежать часто для него небезопасных, слишком очевидных намеков на определенных лиц. Средневековые авторы редко пользовались известной латинской обработкой басен Эзопа, произведенной в первом веке Федром. Они предпочитали пользоваться прозаической латинской версией так наз. „Romulus“, — возникшей в X в., или же появившейся в XII в. ее стихотворной переработкой (так наз. „Аноним“).[1] Уже примерно в середине XIV в. появилась чешская версия „Эзопа“, сделанная по „Анониму“, с дополнениями, заимствованными из Romulus'a. Переводчик проявил некоторую самостоятельность в своей работе: написал к ней особое вступление, включил сюда жалобы на угнетение со стороны немцев и пр. Сходный характер носит изданная Кампом в 1488 г. первая печатная Библия на чешском языке, о которой стоит упомянуть в виду того, что один из немногих сохранившихся ее экземпляров находится в Ленинграде в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. В ней указаны имена ее издателей, обозначены черной краской страницы; печать — в чередующихся красках: черной и красной. Как обычно, оставлено место для инициалов и версалий. Объемистая эта книга содержит 609 листов и представляет собою одно из лучших произведений типографского искусства в Чехии XV в.

В Гос. Публичной библиотеке (Ленинград) хранится также экземпляр „Nový zákon“ (1497), изданный в той же типографии. Здесь имеем печать по два столбца на страницу; в каждом столбце по 29 строчек. Тот же четкий готический шрифт

---

1 Jakubec, J. Dějiny, lit. české., стр. 41.

и чередующаяся красная и черная краска; в издании — множество иллюстраций (dřevorytů) и гравюр по дереву. На основании одной из рукописей Пражского городского архива было установлено, что в Праге действовала еще одна типография в 90-х годах XV в. и что владельцем ее был некий Beneda; о нем, однако, мы никаких других сведений не имеем. Известно только, что он особенно охотно издавал чешские календари, материал для которых ему, очевидно, ежегодно доставляли „мистры" Пражского университета. Во всяком случае, он не был уже начинателем в области типографского дела. И он также, стремясь удовлетворить вкус эпохи, печатал двумя красками — черной и красной, причем в своих календарях охотно пользовался резьбой по дереву, на которую живописцы должны были нанести краски, когда вся остальная работа была уже готова. Такова, напр., отпечатанная Бенедой в 1495 г. книжка „Vybraní časové ku pouštení krve a vlhkostí jiných počištění pro rok 1496", — в два столбца, в 62 и 64 строки. Имеется указание на издателя и иллюстрации (rytiny); таково же изданное им сочинение Jana Černého „Knižka o moru", единственный экземпляр которой сохранился у нас в Ленинградской Публичной библиотеке. Напечатана она готическим шрифтом в одну краску, без титульного листа. Заглавия отдельных разделов отмечены буквами большого формата. Конца недостает; поэтому неизвестно, были ли там указаны издатель и типография, где она печаталась.

Кроме Пильзена и Праги, в этот же период существовала еще чешская типография в Кутной Горе, где ее владельцем был около 1489 г. некий Martin z Tišňova, который, однако, не мог быть лицом особенно зажиточным, коль скоро в местных архивах сохранились лишь сведения о долгах, которые он не в состоянии был выплатить. Он был довольно сведущим человеком в области типографского искусства, главным образом отражая манеру нюренбергских типографий; его издания, пользуясь тем же четким готическим шрифтом, обычно точно указывают место, год издания, а также типографию, где книга была напечатана. Мартин из Тишньова таким способом напечатал две Библии в 1489 г.

Присоединяя к этим изданиям еще такие, относительно которых можно лишь строить догадки, — где именно они были изданы,

но которые во всяком случае были напечатаны также еще до истечения обычного в таких случаях 1500 г., — получим, в общей сложности, 25 сохранившихся первопечатных чешских книг. Авторы большинства из напечатанных здесь произведений — неизвестны, за исключением Яна Черного, Эзопа и Фомы Кемпийского. Как мы могли убедиться, все чешские первопечатные книги напечатаны исключительно готическим шрифтом; однако, шрифт этот отличается от немецкого, так как нужно было отливать особые знаки, отвечающие условиям чешского произношения. Чешский шрифт этого времени напоминает нюренбергский — в особенности из типографии A. Koburgerа. Сначала чешские типографии пользуются только одной краской; позднее, в особенности в произведениях больших размеров, чередуются две краски — черная и красная. В старейших изданиях не находим больше одного или двух столбцов; означение страниц первоначально отсутствовало, зато довольно часто попадаются печатные украшения (орнаменты), подобные тем, которые мы находим и в рукописях XV в. В старейших чешских книгах совершенно также отсутствуют печатные инициалы и версалии. Они, видимо, должны были быть сделаны рукою живописца, но до этого так и не дошло. Печатные гравюры встречаются только с 1488 г. в чешских книгах. Они, конечно, не оригинальны и большого художественного значения не имеют. Титульные листы отсутствуют в старейших чешских книгах, примерно до 1493 г. Но и после этого времени и вплоть до предельного 1500 г. мы имеем всего лишь в двух изданиях кратко обозначенные титульные листы. Все чешские первопечатные книги печатались на бумаге. Бумага эта, как видно по водяным знакам на ней, была не местного изготовления, ибо такие же водяные знаки можно встретить на книгах немецкого, итальянского и французского происхождения. Изготовление бумаги в самой Чехии, по сохранившимся известиям, началось лишь с 1499 г.; таким образом, бумага, на которой печатались первые чешские книги, была, очевидно, доставлена купцами-профессионалами из-за границы; о существовании их источники говорят уже от второй половины XIV в. Любопытно также, что чешские типографии не брали для одной книги бумагу с одним и тем же водяным знаком, а пользовались бумагой разных

сортов; вот почему опасно судить по водяным знакам о происхождении этих изданий.[1]

•

Если экономически сильное городское население Чехии взяло в свои руки дело первого развития книгопечатания, то в соседней Польше не было налицо этих условий, и потому отчасти там видим некоторую задержку в этом отношении. При правлении преемников Ягеллы Польша окончательно, как известно, превратилась в шляхетскую Речь Посполитую. В XV в. внешнее ее положение было достаточно благоприятным: завоевание Гданьского Поморья и Хелмской земли после тяжелой борьбы с Тевтонским орденом открывало большие экономические возможности; политическое преобладание в соседних государствах — Венгрии и Чехии, обеспеченное родственными династическими связями, было также немаловажным фактором. Однако, все эти выгоды достались лишь одному господствовавшему шляхетскому сословию. Мещане, потерпевшие поражение уже в XIV в. при Владиславе Локетке, теперь были снова ограничены и в политическом и в экономическом отношении. Статут 1496 г. запрещал городскому населению приобретать земские имения; мещане так же были устранены от столь выгодного для них посредничества при продаже шляхтой своих земельных продуктов за границу. Обильно раздававшиеся тогда шляхте политические привилегии сводили тем самым остальное население на положение непользующихся никакими политическими правами. Правда, начавший довольно сильно проникать в Польшу в XV в. гуманизм содействовал некоторому освежению понятий; однако Краковский университет неохотно поддавался этим веяниям и вскоре же вернулся опять к своей схоластике. При таких условиях неудивительно, что и первые выступления в области типографского дела не носят в Польше столь систематического характера и как бы органически не связаны с основным потоком культурной жизни.

Известно, что, не удовлетворяясь студиями в своей краковской alma mater, поляки издавна пробовали посещать иностранные университеты, в целях пополнения своего образования;

---

[1] Tobolka, Zd., op. cit., стр. 80—81.

при наличии столь значительных культурных связей их с Германией, Италией и Францией, неудивительно, что и сочинения некоторых магистров Краковского университета рано оказались отпечатанными, на латинском, разумеется, языке, - в иностранных типографиях. Сюда относятся некоторые „Kazania“ Marcina Polaka i Mikołaja z Błonia, - ряд утраченных ныне календарей, изготовлявшихся краковскими магистрами, и других изданий „практического“ характера в области церковных отношений. Еще большее значение для польской культурной жизни имело прибытие в Краков странствующей типографии Günter'a Zainer'a в 1465 г. Тогда-то и была напечатана старейшая польская книга на латинском языке; „Joannis de Turrecremata Cardinalis S. Sixti vulgariter nuncupati. Explanatio in Psalterium finit Craci“. На экземпляре этого первого издания польской книги имеется любопытная приписка, сделанная одним доминиканцем из Пшеворска, относящаяся к 1476 г. Сопоставляя эту дату с рядом других соображений, Бандтке, Лелевель и Эстрейхер пришли к заключению, что издание этой книги относится к первой половине 70-х годов XV в. При этом имя владельца еще пока, повидимому, странствующей типографии остается неясным.

Вскоре же после этого „толкования“ появилась из той же, повидимому, типографии вторая латинская книга „Omnes libri beati Augustini“. Это популярное в свое время в разных странах издание содержит 150 страниц in folio (ненумерованных); из них последняя страница осталась незаполненной. Издание напечатано жирным готическим шрифтом. На бумаге - водяной знак, изображающий голову быка, с крестом между рогами. Но о переходе от этих скромных попыток чисто клерикального характера к удовлетворению культурных потребностей более широких кругов на национальном языке пока ничего не слышно.

Трудно, однако, допустить, чтобы после этих относящихся к началу 70-х годов XV в. хотя бы и скромных попыток в области книгопечатания наступил на некоторое время перерыв в этой деятельности. Очевидно, нам недостает лишь источников, которые помогли бы точнее определить то, что делалось в этой области в Кракове во второй полов не 70-х годов и в 80-х годах. Краков тогда уже хорошо был известен за пределами Польши

в качестве университетского города и довольно значительного культурного центра; как же он мог обходиться совсем без типографии в то время, когда даже маленькие города на Западе имели уже тогда свои типографии?[1] Но и более прямые непосредственные данные уполномочивают нас сделать заключение о начавшемся непрерывном развитии типографского дела в Польше уже с 70-х годов XV в. Так, уже в 1476 и 1477 гг. встречаем там типографщика по имени Каспер — из Баварии; повидимому, это был хорошо известный также в истории немецкого печатного дела Kasper Hochfeder z Heilsbronn, который одно время владел типографией в Меце в Эльзасе и в конце концов именно там сосредоточил свою деятельность.[2] Возможно, однако, что в Кракове он выступал не в самостоятельной роли, а лишь в качестве помощника вышеупомянутого Цайнера; не лишено вероятия и предположение, что он так или иначе „инструктировал" последнего. В начале 80-х годов в Кракове, по данным судебных архивов, имел место процесс из-за типографии между Яном Кригером (Krieger или Krüger) и Яном Пепелявом (Pepelaw). Кто именно был этот Кригер, об этом можем делать лишь предположения; что же касается до Пепелява, то, повидимому, он принадлежал к более известной в свое время семье. Именно предполагают, что он был сыном богатого вроцлавского мещанина Каспра и что в начале XVI в. он занимал должность вроцлавского лавника. Предполагают, что именно он выступает уже в 1483 г. в качестве владельца Краковской типографии; в пользу такого предположения говорит еще и то обстоятельство, что он и в начале XVI в. постоянно поддерживает торговые связи как раз с теми фирмами, которые могли быть более тесно связаны с типографским делом, а столь известный позднее Галлер выступает даже в 1516 г. в качестве его специального доверенного лица.[3]

Почти одновременно узнаем о знаменательной попытке удовлетворения культурных запросов относительно более сильного украинского городского населения путем печатания кирилловских

---

1 Monumenta Poloniae typographica XV et XVI saeculorum. Volumen I. Edidit Joannes Ptaśnik. Leopoli MCMXXII, стр. 10—11.

2 Ibid., стр. 11.

3 Ibid., стр. 12.

книг в типографии Фиоля. Швайпольт Фиоль был золотошвей по профессии.[1] Эти ремесленники выделывали дорогие одежды и украшения для костела; их работа имела общие черты с золотых дел мастерами; поэтому они входили в один с последними цех. Сохранились еще сведения о Фиоле как энергичном предпринимателе и изобретателе каких-то машин в области горного дела. Мысль об издании книг на церковно-славянском языке могла у него возникнуть в результате существовавших в Кракове соответствующих традиций, носителями которых были так наз. „славянские бенедиктинцы"; их пригласили в Краков еще во времена Ядвиги, имея, конечно, в виду прежде всего пропаганду дела унии. Но, во всяком случае, к концу XV в. традиции эти начинали исчерпываться, а в основном костеле бенедиктинцев на Клепаже служба уже проводилась не на церковно-славянском, а на латинском языке. Однако многочисленные литовско-русские паны, пребывавшие при королевском дворе еще со времен Ягеллы, выступают теперь энергичными сторонниками возобновления пропаганды унии на востоке; а они прекрасно отдавали себе отчет в том, каким могучим орудием в этом случае могло быть книгопечатание. Предприимчивый Фиоль мог взяться за это дело и потому, что оно могло сулить значительные выгоды, в виду его еще полной тогда новизны. На практике, однако, дело едва ли оказалось рентабельным; вообще о предварительной работе Фиоля мы почти ничего не знаем. Известно только, что в 1491 г. в его типографии опубликовано было всего пять книг на церковно-славянском языке: Осьмогласник, Часословец, Псалтирь с Восследованием, Триодь Постная, Триодь Цветная.[2] Невозможно предполагать, чтобы при тогдашних условиях книгопечатания все эти книги были фактически напечатаны в течение одного указанного 1491 года. Хотя мы не имеем относящихся сюда прямых указаний источников, однако ясно, что работа эта началась значительно раньше; можно в связи с этим предполагать, что встречающееся в источниках указание на приобретение Фиолем в 1483 г. какого-то инвен-

---

[1] Monumenta, стр. 13, и Estreicher, K. Günter Zainer i Swiętopełk Fiol, Warszawa, 1867, стр. 54—56.

[2] О них на русском языке см. у И. Каратаева в его „Описании славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами", вып. 1, СПб., 1878.

Заглавный лист Острожской Библии 1581 г.

таря указывает на заведение им уже в этом году типографии. Причины прекращения им этого предприятия также не совсем ясны; источники говорят о привлечении его к суду по обвинению в „Гуситской“ ереси; на суде Фиоль стремился доказать свою верность католической церкви и клялся, что не будет мстить своим обидчикам (тем, кто на него донес).[1] Возможно, однако, что это обвинение было лишь предлогом, а не главной причиной гонений, которым он подвергался; если его предприятие представлялось заманчивым для некоторых пребывавших в Кракове литовско-русских панов, то иначе на него должны были смотреть представители католической церкви, которые незадолго перед тем испытали неудачи в своей попытке проведения унии; ведь они не могли даже вынести существования „славянского“ богослужения на Клепаже; ясно, что не могли они относиться равнодушно и к печатанию книг на церковнославянском языке (при отсутствии еще тогда книг на польском языке). Им должно было казаться, что таким путем элемент „восточно-славянский“ может вскоре одержать решительный перевес в культурной жизни всей Речи Посполитой, как он одержал уже раньше перевес в старом Литовском государстве.

После бегства Фиоля из Кракова, на самом рубеже XVI в., мы видим, что сами поляки начинают ближе интересоваться типографским делом. Владелец первой постоянной типографии в Кракове был, повидимому, немец по происхождению — Jan Haller. Он еще с конца XV в. занимался в Кракове книжной торговлей и другими коммерческими предприятиями. Но к этому времени, т. е. к началу XVI в., относится более интенсивное развитие его деятельности, когда он, согласно выданной ему в 1505 г. королем Александром привилегии, сделался монополистом своего дела в Польше; более же мелкие вещи он печатал, несомненно, в Кракове еще в 90-х годах XV в. Частично он лишь продавал книги, напечатанные за границей, но несомненно, что уже с 1505 г. устроил в Кракове свою собственную типографию, в которой напечатал ряд латинских и польских

[1] Monumenta, стр. 17, и Bandtkie, J. S. Historja drukarn Krakowskich od Zaprowadzenia drukówai do naszych czasów. W Krakowie, стр. 131–132.

книг; по-латыни, например, сочинения Цицерона; статут Яна Лаского, 1506 г.; по-польски: Żywot Pana Jezu Christa. Его, однако, способ печатания не отличался особыми достоинствами. Лучшей изданной Галлером вещью был обширный Mszał Krakowski, напечатанный на листовой бумаге (arkuszowym papierze) большими художественно выделанными буквами.

Уже в 1491 г. Галлер получает официально права гражданства в Кракове; будучи книгопродавцем, он вскоре захотел иметь собственную типографию и, обладая порядочными средствами, получаемыми от торговли вином, которой он еще, кроме того, занимался, Галлер уже в 90-х гг. осуществил эту свою мысль, вероятно, при помощи некоторых немцев, которых он, быть может, специально вызывал для этой цели, например, Jerzy Stuchs и другие. С конца XV в. фамилия Галлера, в качестве владельца типографии, из которой выходят разные мелкие вещи, все чаще начинает попадаться в разных источниках. Будучи человеком весьма предприимчивым (он торговал не только вином, а и волами, брался и за другие предприятия), Галлер устроил свою самостоятельную бумажную фабрику, имел своего постоянного брошюровщика и переплетчика. Имея в виду господствовавшее тогда положение католического духовенства, он старался прежде всего удовлетворить те требования, которые оно могло предъявить к нему как к издателю. Вот почему он издает разные мшалы, бревиарии, псалтири, градуалы и целый ряд учебных пособий. Будучи человеком весьма практичным, Галлер стремится добиться монополии на издание ряда нужных духовенству книг; так, в 1494 г. он получает от Гнезненского архиепископа исключительное право на издание и продажу в течение определенного срока Краковского Мшала, а в 1505, 1508 и 1509 гг. Краковская Капитула, под страхом суровых наказаний, предписывает покупать краковские бревиарии и мшалы только у Галлера.[1] Вышеотмеченная королевская привилегия, данная ему в 1505 г. и отпечатанная в его собственной типографии, подчеркивает, что его деятельность в области типографского искусства имела исключительное значение, что он был как бы пионером в этой области: „Ars... primum per ipsum

---

[1] Monumenta, стр. 26.

Aller cum non mediocribus fatigis et studiose Cracoviae inducta exerceri et continuari coepit.[1] И хотя это было, как мы видели, не совсем так, однако несомненно, что Галлер немало сделал для усовершенствования типографского искусства в Польше. Согласно этой королевской привилегии Галлер получал монополию в области издательского и типографского дела: было запрещено привозить из-за границы такие произведения, которые уже были раньше изданы или напечатаны Галлером. Вначале не ощущались сильно отрицательные стороны этого мероприятия, скорее наоборот: оно до известной степени облегчало развитие книжного дела, освобождая местную фирму от слишком для нее неравной конкуренции заграничных фирм. Вскоре, однако, младшее поколение издателей и книготорговцев почувствовало на себе всю стеснительность этого мероприятия и тогда вступило с Галлером в довольно упорную борьбу, в которой он, конечно, должен был раньше или позже уступить.

Галлер, несомненно, сыграл большую роль в умственном движении конца XV и начала XVI века. Он был первым владельцем постоянной, а не странствующей только типографии, не только в Кракове, но и в Польше вообще. Печатая там различные книги популярного характера, - прежде всего учебники, он этим впервые сумел оказать влияние на широкие круги читателей; он, кроме того, выступал в качестве „мецената" — покровителя авторов, подготовлявших книги к изданию по его поручению. Неудивительно поэтому, что они в различных написанных ими предисловиях к своим книгам относятся к нему с особенной почтительностью, называют его „Fautor humanissimus virorum doctorum".[2]

Другим заметным владельцем типографии в Кракове был Florjan Ungler, который одно время работал вместе с Галлером. Неизвестно, занимался ли он одновременно торговлей книгами. Источники называют его постоянно: Impressor librorum, drucker, drukarz, что скорее бы свидетельствовало о том, что особой книжной лавки у него не было. В противоположность Галлеру он не был человеком особенно обеспеченным, коль скоро

---

[1] Ibid., стр. 22.

[2] Monumenta, стр. 23.

источники неоднократно упоминают о привлечении его к суду за неисполнение взятых на себя денежных обязательств. В типографии этого-то Унглера была напечатана первая дошедшая до нас книга на польском языке, под заглавием „Hortulus animae" в 1514 г. Это был перевод латинского молитвенника Николая Салицета „Antidotarius animae", с добавлением некоторых текстов из других источников. Прибавляя сюда еще лечебные советы практического характера и ряд иллюстраций резьбой по дереву, издатель хотел подражать популярным в то время изданиям Hortulus, сделанным в Страсбурге Мартином Фляхом (Flach). Найденный Нерингом в 1887 г. в библиотеке Бреславльского университета этот текст польского „Hortulus" был там присоединен к „Adagia" Эразма Роттердамского; лишь позднее удалось выяснить его самостоятельное значение и краковское происхождение.[1] Напечатано это издание на бумаге неизвестного, очевидно, не польского происхождения, как об этом свидетельствуют водяные знаки. Шрифт — мелкий, готический, вполне четкий; краска — черная и красная; при этом, кроме названий молитв, красной краской напечатаны также некоторые заглавные буквы, крестики среди молитв, сигнатуры и т. п. В столбце помещается обычно 28 строк. Кроме заглавных букв, встречаем здесь еще разукрашенные инициалы двоякой величины: больших размеров и меньших, фон которых представляется черным. В сохранившемся отрывке имеются три гравюры по дереву (drzeworyty) и украшения (listwy) по обеим сторонам гравюр. Как эти внешние особенности данного отрывка, так и сделанные на нем записи не оставляют сомнения в том, что он должен был возникнуть в Кракове не позднее 1515 г. Несомненно, что готический шрифт, такой именно, каким напечатан Hortulus, с приспособлением его к некоторым особенностям польского произношения, в отличие от немецкого, появился в Кракове уже по крайней мере в 1511 г. в только что тогда открытой типографии вышеупомянутого Florjana Unglera. Между 1511 и 1515 гг. тут был напечатан этим шрифтом целый ряд произведений, например: St. Zaborowski, Ordo missae, 1512; Joannes

---

[1] Bernacki, Ludwik. Pierwsza książka polska. Studyum bibliograficzne, Lwów, 1918, стр. 106—107.

de Stobnica, Introductio in Ptholomei Cosmographiam, 1512; Joannes Glogoviensis, Tractatus praeclarissimus in iudiciis astrorum, 1514 г. и др.[1] Наличие иллюстраций (гравюр) было постоянной особенностью типографии Унглера. Их художественное достоинство не могло быть значительным. Они были лишь мало удачным подражанием соответствующим иллюстрациям в изданиях Фляха.

В противоположность первым чешским книгам мы можем считать вполне установленной теперь личность автора польского „Hortulus"; был им далеко небезызвестный литератор своего времени Biernat z Lublina, человек „ученый" не только в области теологии, но также и медицинских наук, о чем наглядно свидетельствуют присоединенные им к книге „лекарские" советы. Сохранилась даже рукопись его „Lekarstw doświadczonych", изданных позднее в 1564 г. Кроме того, им была написана брошюра „Sprawa o lekarstwa końskie". Этот же Бернат из Люблина был автором польского Эзопа и других произведений, человеком вполне опытным в литературных делах. Что касается издателя книжки - Унглера, то, будучи баварцем по происхождению, он, очевидно, попал в общую волну движения на Восток, которая охватила Швейцарию в 1510 -1513 гг. Несомненно, что после вышеупомянутой общей работы с Галлером он еще в течение примерно лет 15 (1520—1535 гг.) вел самостоятельно издательское дело. Унглер далеко не был простым серым коммерсантом; о высоком для того времени уровне его образования свидетельствуют не только хвалебные отзывы ряда современников. Знаменитый, напр., польско-латинский поэт Клеменс Яницкий написал ему в 1542 г. такую эпитафию: Unglerius jacet hic, Aldina nobilis arte, calcographus nisi sit doctus, dignissimus omni est Supplicio, egregium quod male tractat opus, Et solum sequitur quaestum: cum quaestus ab arte Qualibet ingenua debeat esse procul"; об этом же свидетельствует то, что он поддерживал оживленные отношения с такими выдающимися культурными деятелями своего времени, как Rudolf Agricola, Paweł z Krosna, Grzegorz z Szamotuł и др. Имея на Западе уже столько примеров издания книжек на национальных языках, Унглер скоро

[1] Bernacki, L. Pierwsza książka, стр. 110—111.

обратил внимание на необходимость действовать в том же направлении и на польской почве, а для этого устранить прежде всего те трудности, которые представляла тогда еще совершенно неразработанная польская графика. Очевидно, опубликование сочинения Заборовского о польской орфографии стояло в связи с этим стремлением приспособить польскую графику к характеру книжных изданий. Напечатание „Hortulus“ было дальнейшим стремлением издателей найти общий язык, во всяком случае с более широкими кругами населения, не знающими латинского языка.[1]

Другой немец, родом из Силезии, Vietor развил также в Кракове весьма интенсивную издательскую деятельность между 1518 1546 гг. Из его типографии вышли такие вещи, как популярные в разных литературах ярко сатирические „Rozmowy Marchołta z Salomonem“ (1521) и такие более обширные, как „Bonawentury Zycie Pana Jezusa“. Витор былодним из крупнейших типографских деятелей в Вене и Кракове. Он довольно рано предполагал избрать Краков поприщем для своей издательской деятельности. Однако этому препятствовали вышеупомянутые привилегии, которыми тогда еще пользовался Галлер. Основав самостоятельную типографию в Вене, Витор печатает там тщательно им подготовленные греческие книги; в то же время он поддерживает интенсивные связи с Польшей, издает стихи известного в свое время польско-латинского поэта Павла из Кросны: „Panegirici ad divum Ladislaum Pannoniae regem et sanctum Stanislaum praesulem etc., 1509“.[2] С 1517 г. Галлер теряет свои монопольные права, а уже с 1518 г. Витор, совместно сначала с Шарфенбергом, развивает свою издательскую деятельность в Кракове. Большинство книг, вышедших из типографии Витора, напечатано на латинском языке. Но и то немногое, что он напечатал по-польски, и изданные им латинские, греческие, мадьярские книги свидетельствуют о значительном усовершенствовании типографской техники по сравнению с тем, что мы имеем у Галлера; шрифт его более тщательный, гравюры также исполнены лучше; и бумага, на которой он печатал,

---

[1] Bernacki, L. Pierwsza książka, стр. 395—397.
[2] Monumenta, стр. 38.

была более высокого качества. Немецкий историк венских типографий Денис (Denis) подчеркивает, что тогдашняя Германия не могла бы указать на книги, которые выдержали бы соревнование с вышедшими из типографии Витора.[1] Неудивительно поэтому, что его прославляют гуманистические авторы, а в Польше один из крупнейших среди них, Андрей Кшицкий, выражал ему особенную признательность, так как Витор был издателем его сочинений.

Большое также значение в польской культурной жизни первой половины XVI в. имела издательская деятельность Шарфенбергов; акты упоминают впервые о старшем из них Марке Шарфенберге, как владельце типографии, под 1514 г. Предприимчивый человек, он был главным организатором борьбы против вышеупомянутых привилегий Галлера; несомненно, что победа в этой борьбе была одержана, главным образом, благодаря его усилиям. Очевидно, он уже около 1517 г. приобретает значительную известность в издательских кругах; по обычаю того времени разные гуманистические поэты стараются снискать себе его расположение, а известный швейцарский гуманист Агрикола написал даже особое произведение под заглавием: Epistola ad Marcum Scharffenberg Aesticampiani discipulum".[2] Сначала Шарфенберг выступает в качестве издателя сообща с другими лицами; так в 1521 г. он издает вместе с Яном Байером в типографии Витора „Valentini Echii Lendani, De versificandi arte opusculum".[3] В сороковых же годах мы встречаем уже Марка Шарфенберга в качестве владельца самостоятельной типографии. Отсюда-то выходит та книга, с которой обычно начинают подлинное развитие литературного творчества в Польше: Mikołaja Reja, Krótka rozprawa między panem, wójtem i plebanem, 1543". Имеются сведения и о том, что все издательские предприятия Шарфенберга предпринимались на широкой, прочно обеспеченной базе; так, он завел специальное производство бумаги для нужд своей типографии, а также устроил собственную переплетную мастерскую.

[1] См. Denis, M. Merkwürdigkeiten der Garel. Bibl., Wien, 1780, стр. 263. Monumenta, op. cit., стр. 40—41.

[2] Monumenta, стр. 52.

[3] Ibid, стр. 53.

Из его наследников больше имеем сведений об его сыне Николае. Это именно Николай напечатал в 1570 г. „Statuta i przywileje Koronne Herburta“; затем из его же типографии вышли: Constitucye i przywileje na sejmach walnych koronnych od roku 1550, aż do roku 1569“.[1] Как бы в награду за это, он получает от короля Сигизмунда Августа привилегию, согласно которой он делается типографом королевской канцелярии; одновременно Шарфенберг был освобожден от обычной подсудности городским властям.

При управлении Стефана Батория ловкий Шарфенберг сумел добиться расположения подканцлера Замойского; он делается снова придворным типографщиком и получает исключительное право на печатание статутов и хроник. Одновременно Николай Шарфенберг обязался держать для нужд королевской канцелярии постоянного типографщика, который должен был всюду ездить вместе с этой канцелярией и за известную плату печатать все, что ему Замойский прикажет.[2] Действительно, Шарфенберг должен был исполнять взятые им на себя обязательства. Однако, и в этом случае его деятельность не прошла бесследно в истории польской умственной жизни. Любопытен эпизод с пребыванием такой вновь организованной „королевской“ типографии во Львове в 1578 г. Здесь ею тогда управлял по поручению Шарфенберга ученый юрист и одновременно большой знаток типографского дела Павел Щербич; по поручению Замойского здесь тогда печатаются такие памятные в литературной области вещи, как стихотворение Кохановского (восходящее к шестой эклоге Виргилия) Dryas Zamchana polonice et latine, Pan Zamchanus latine, Leopoli, anno 1578. Это была первая книжка на польском языке, которая вышла во Львове. Она была посвящена обычному в то время восхвалению короля по случаю его пребывания в резиденции Замойских.[3] При возникновении польско-московской войны типография эта переезжает сначала в Варшаву, а затем в польский лагерь - под Псков и Великие Луки. Здесь она печатает различные манифесты и универсалы, связанные с течением войны между войсками Батория и Грозного.

---

[1] Ibid., стр. 58.

[2] Ibid, стр. 59.

[3] Ibid.

Сюда вошли не только такие сугубо политические вещи, как Edictum Svirense ad milites, ex quo causae belli cognoscentur, Varsaviae, Nicolaus Scharffenberg или „Edict Króla Jmci od Wielkich Łuk z Moskwy, Wielkie Łuki, Łapczyński, 1580", но и замечательные произведения поэзии, посвященные Замойскому, напр., Kochanowski, Jan. De Expugnatione Polotei, Varsaviae, Scharffenberg, 1580, Pieśni trzy o wzięciu Połocka, Warszawa, M. Scharffenberg, 1580.

Сын Николая Шарфенберга, Ян, уже далеко не имел такой способности к ведению издательского дела, как его отец; неудивительно, что под его управлением (в начале XVII в.) типография скоро пришла в упадок.

К 60-м годам XVI в. литература на национальном языке стала уже в Польше настолько обычным явлением, что нет никакой возможности следить за развитием деятельности отдельных типографий. В эпоху расцвета так наз. „золотого" века литературы во второй половине XVI в., когда развивалась и деятельность Ивана Федорова, - лучшей типографией в Польше считалась так наз. Drukarnia Łazarzowa, под руководством его сына Янушовского, человека весьма образованного, долго жившего за границей и стремившегося ввести полезные новшества в издательское дело. Его предприятиями интересуется канцлер Замойский, а крупнейший поэт-гуманист Шимон Шимонович пишет о нем похвальные отзывы. В XVII в. такую же примерно роль сыграла Drukarnia Cezarego.

Участие шляхты и магнатов в реформационном движении, буйно охватившем Польшу в 50-х и 60-х годах XVI в., вызвало к жизни целый ряд новых издательских предприятий, как в самой Польше, так и на далеких ее окраинах. Типографии возникают к тому времени не только в городах больших и малых, как Вильно, Пинчов, Брест, позднее — Варшава, но и в магнатских владениях; иноверцы в этом отношении соперничают с католиками. Среди иноверческих типографий, действовавших в Польше во времена Федорова, наибольшую известность получила Drukarnia Macieja Wierzbięty, пользовавшегося большим уважением среди населения Кракова. Здесь-то были напечатаны такие выдающиеся произведения своего времени, как „Dworzanin" Гурницкого или „Szachy" Кохановского. Однако, к началу XVII в. изда-

ния Вержбенты попадают в знаменитый индекс запрещенных книг, подвергаются суровому уничтожению, так что немного их теперь сохранилось.

Разложение реформационного движения, не имевшего в Польше надлежащего базиса, положило конец большинству этих начинаний, так что к середине XVII в., под гнетом католической реакции, мы наблюдаем очевидный упадок типографского дела в Польше; дальнейшая же его судьба уже не входит в пределы настоящего очерка.

В Чехии весь XVI век обозначился так же, как и в Польше, значительным прогрессом типографского искусства. Особенно прославилась там в середине XVI в. типография Мелантриха и его заместителя Даниила Адама Велеславина, известного деятеля так наз. „золотого" века чешской литаратуры; оба они были теснейшим образом связаны с Пражским университетом. Мелантрих обучался в Вюртемберге, где слушал лекции Меланхтона; затем познакомился в Нюренберге с Яном Гюнтером и практически обучался здесь ведению печатного дела.[1] Уже с 1552 г. он выступает в качестве владельца типографии, а его зять Велеславин делается его компаньоном с 1576 г. Его типографское и гравюрное искусство стояло на большой высоте; в типографии его был представлен шрифт четырех языков. Заглавные листы печатались черным и красным цветом, без специальных украшений.[2]

Даниил Адам Велеславин (1545—1599), сын мельника, поднял чешское книгопечатание на еще бóльшую высоту; после окончания наук в Праге он стал излагать историю в Пражском университете (с 1569 г.). Ему досталась от зятя типография, уже отягченная долгами; он не мог поэтому сразу же ее использовать в таких размерах, как бы ему того хотелось; ему удалось собрать в своей типографии свыше 40 различных шрифтов (большого и малого образца). Кроме того, у него был ряд клише, различные украшения, ярко отражающие эпоху Ренессанса, и пр. Еще при его жизни его называли Arciknihtiskařem, а смерть его оплакивали 33 поэта.[3] Известно, что им всего издана

---

[1] Volf, Dějiny, стр. 38.

[2] Ibid.

[3] Ibid., стр. 44.

81 книга; но, вероятно, это неполный перечень; сюда, можно полагать, не вошли некоторые вещи, имевшие меньшее значение. С широким гуманистическим образованием Велеславин соединял большие способности к организаторской деятельности. Он, правда, как и его современники, ограничивался преимущественно обработкой и переводом чужих произведений. Он особенно стал известен благодаря предисловиям, которые писал к издаваемым сочинениям. Велеславин не заботился о выгодах при издании своих книг, а всегда, как член братской общины, имел в виду моральную тенденцию.

Шрифт типографии Мелантриха и Велеславина отличается четкостью, особенно известен их так наз. švabach. Иногда встречается вперемежку швабах и антиква, как готическое письмо на орнаментах Ренессанса. Из его изданий известны: Herbář český" (1563), несколько изданий Библии (1557, 1561, 1570) „Historický kalendář" (1580) и др. Любопытные подробности сохранились и о материальном положении наборщиков Мелантриха: оказывается, что у него их служило всего 11; он платил им в неделю от 18 чешских грошей до одного рейнского злотого и, кроме того, давал четыре раза в день еду, независимо от того, работали они или нет.

Неблагоприятная судьба реформационного движения в Чехии, победа войск Фердинанда в битве на Белой Горе (1620) имели своим последствием быстрое угасание издательского и типографского дела в Чехии. Угасание это, под давлением суровых распоряжений цензуры, шло еще гораздо более быстрыми темпами здесь, чем в Польше. Возрождение его наступило лишь во второй половине XVIII в., но судьба его в этот период не является уже предметом настоящего очерка.

Р. М. ТОНКОВА

О СУДЬБЕ НАДГРОБНОЙ ПЛИТЫ ИВАНА ФЕДОРОВА

Наряду с послесловиями к первопечатным изданиям и с некоторыми актами, обнаруженными в львовском, киевском и луцком книгохранилищах, важным материалом для биографии Ивана Федорова является надгробная плита, которая была положена на его могилу, по всей вероятности, сыном его Иваном переплетчиком (Joannes introligator). Буржуазно-дворянские круги создали даже, занимаясь изучением начального периода русского книгопечатания, довольно обширную литературу о надгробной плите,[1] но, как видно будет из дальнейшего, они ничего не сделали для действительной охраны этого памятника, имеющего не только „мемориальное", но и серьезное документальное значение.

В научных кругах впервые заговорили о надгробной плите Ивана Федорова в первой четверти XIX в., когда она была обнаружена на помосте львовской Онуфриевской церкви василианского монастыря. В 1817 г. один из членов львовского

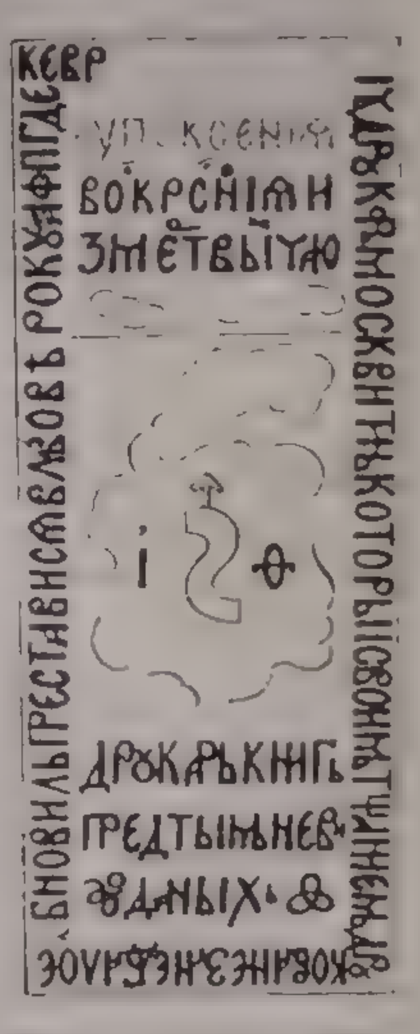
---

[1] См. „Материалы для библиографии Ивана Федорова" А. П. Лебедянской, №№ 32 (2-е изд.), 35, 36, 37, 47 (2-е изд.), 128, 145 (ст. И. Токмакова). 147, 148, 160, 162, 174, 191, 228, 326—330, 412, 413, 418 420, 424, 444, 464, 489, 493, 494, 513, 516, 517, 518, 520.

кружка библиофилов и любителей старины, священник М. Гриневецкий, по просьбе знаменитого польского историка И. Лелевеля, снял копию с камня и подарил ее известному в свое время варшавскому коллекционеру А. Лессерову, от которого ее получила редакция журнала „Kłosy“ и опубликовала в 1884 г. при статье А. Плуга.[1]

Плита по зарисовке М. Гриневецкого 1817 г.

Плита по зарисовке П. И. Кеппена 1822 г.

К. Калайдович в своей „Записке о Иоанне Федорове“, напечатанной в 1822 г.,[2] сообщает, что он узнал о существовании надгробного камня от археолога З. Я. Долуги (по польскому произношению Доленги) Ходаковского, видевшего камень

[1] A. Plug. Jan Fedorowicz, uważany za pierwszego drukarza Lwowskiego. „Kłosy“, Warszawa, 1884, № 979, стр. 224.

[2] Вестник Европы. 1822. № 11—12, стр. 294 и сл.

в Онуфриевской церкви. По просьбе Калайдовича, П. И. Кеппен, проезжая через Львов, снял с камня на месте верное (по словам Калайдовича) изображение.[1]

В тридцатых годах XIX в. о камне упоминают Д. Зубрицкий и Л. Зелинский, а в 1860 г. Я. Головацкий дает подробное описание местонахождения камня: „Я осматривал уже забытый тот памятник (Федорова). Он лежит по правой стороне входа в церковь святого Онуфрия под лавками, на нем стоящими, вставленный в каменный пол“. Часть надписи Головацкий прочитал, „прочее вытерто или вытоптано ногами. Камень разломанный посередине“.[2]

Плита по зарисовке А. С. Уварова 1875 г.

В 1875 г. известный археолог, граф А. С. Уваров, будучи во Львове, заказал слепок с надгробной плиты и привез его в Москву, где он до настоящего времени хранится в библиотеке бывшей синодальной типографии, в зале для ученых занятий, и составляет лицевую сторону одного из шкафов. До 1875 г. надгробную плиту воспроизводили по снимку П. И. Кеппена, а с 1875 г. становится общеупотребительным Уваровский снимок. Копия М. Гриневецкого, как указано выше, была опубликована лишь в 1884 г. Все три снимка изображают продолговатый четырехугольный камень, на поверхности которого, посредине между полустертыми надписями, воспроизведен книжный знак Ивана Федорова, имеющийся в львовском Апостоле

---

[1] Помещено в „Вестнике Европы“ за 1822 г., № 13—14, после стр. 160.

[2] Свидетельство Головацкого, помещенное в книге „Зоря Галицкая Яко Альбум на год 1860“, стр. 472, примечание, цитировано по книге Ив. Огиенко „Історія українського друкарства“. Т. I, Львів, 1925, стр. 71—72; в цитате не указано, какую именно часть надписи Головацкий прочитал.

и в острожских изданиях, с начальными буквами первопечатника „І. Ѳ.“ [Іоанн Ѳедорович].

Из помещаемых здесь снимков видно, что надписи разнятся одна от другой по своей полноте. Наибольшей полнотой отличается надпись Уваровская, она воспроизводит следующий текст: по краям камня — „Иоан Федорович, друкарь москвитин, который своим тщанием друкование занедбалое[1] обновил, преставися в Львове року аѱпг (1583) декемвр. Ѕ (6)“; вверху доски, над книжным знаком Ивана Федорова — „упокоения воскресения из мертвых чаю“... под книжным знаком — „друкарь книг пред тым невиданных“.

Ив. Огиенко в „Історіи українського друкарства“ высказывает предположение, что более ранние снимки с плиты (1817—1822 гг.) делали люди, которые плохо знали палеографию и потому не могли прочесть и воспроизвести всю надпись, а граф Уваров, неплохой палеограф, прочитал ее, по мнению Огиенко, правильно.

Незадолго до трехсотлетия со дня смерти Ивана Федорова, а именно 14 августа 1883 г., львовский священник А. С. Петрушевич видел плиту Ивана Федорова в Онуфриевской церкви, о чем и рассказывает в статье „Иван Федоров“.[2] „Надгробный камень, — пишет он, — почти один сажень долготою находится ныне в церкви св. Онуфрия в притворе близ главных дверей, с правой стороны под стеною, закрыт теперь скамейками. Камень сей некогда находился извне церкви и сюда позднее употреблен был для вымощения пола в притворе“.

Но уже 1 декабря того же 1883 г. в львовской газете „Слово“ (в № 132) за подписью „Руслав“ появилась заметка, в которой сообщалось об уничтожении исторической плиты во время ремонта церкви. Это сообщение совпало как раз с моментом празднования трехсотлетия со дня смерти первопечатника и явилось предметом живого обсуждения как в польской, так и в русской печати. В либеральных кругах к известию об уничтожении камня отнеслись как к вымыслу „какого-то сеятеля смут

[1] Т. е. оставленное, покинутое.

[2] А. С. Петрушевич. Иван Федоров. Львов, 1883, стр. 25 — 26 (оттиск из „Временника ставропигийского института на 1884 г.“).

Слепок с надгробной плиты Ивана Федорова.
С фотографии, сделанной в Типографской библиотеке (Москва) в 1910 г.

и недоразумений".[1] Представители же национально-клерикальных кругов использовали это сообщение для углубления национальной розни между русскими и поляками. В „Православном обозрении" (1883, т. 3, стр. 493—510) А. Дмитревский сообщает об уничтожении плиты и подчеркивает, что „один из дорогих памятников прошлой исторической жизни погиб на глазах славянского мира", а „Новое время" (1883, № 2721), перепечатывая сообщение львовского „Слова" об уничтожении плиты по распоряжению протоигумена Сарницкого, комментирует: „Этот случай показывает, до какой степени фанатизма и изуверства доходит ненависть к русской народности в Галиции". И при этом высказывается мысль, что Сарницкий — ставленник иезуитов.

10 апреля 1884 г. в варшавском еженедельнике „Kłosy" появилась заметка А. Плуга,[2] в которой он сообщил о мерах, принятых Сарницким для своей реабилитации в связи с газетными нападками: 9 декабря 1883 г. в присутствии 6 свидетелей был составлен протокол, в котором Сарницкий протестовал против клеветы и зафиксировал, что надгробный памятник Ивана Федорова, высеченный из обыкновенного песчаника, несмотря на предосторожности, рассыпался на кусочки, когда его подымали при ремонте церкви, чтобы сменить пол.[3]

Подробное описание уничтожения камня Ивана Федорова имеется, кроме того, в статье С. Л. Пташицкого, составленное, по всей вероятности, на основании протокола Сарницкого.[4]

Не внушает доверия свидетельство о надгробном камне Ивана Федорова, опубликованное в 1901 г. историком-археологом Г. А. Воробьевым („Истор. вестник", 1901, кн. 10, статья „В столице Галицкой Руси", стр. 311). Во время пребывания во

---

[1] См. ст. Н. Токмакова „Надгробный камень Федорова" в юбилейном издании „Обзора графических искусств" — „Трехсотлетие первого друкаря на Руси", СПб., 1883, стр. 14.

[2] A. Plug. Jan Fedorowicz, uważany za pierwszego drukarza Lwowskiego. „Kłosy". Warszawa, 1884, № 979, стр. 218 и сл.

[3] Сообщение А. Плуга использовано по извлечению, помещенному в статье Ив. Кревецкого „Доля надгробного каміня Ів. Федоровича" („Стара Україна", 1924, II—V, стр. 48—51).

[4] С. Л. Пташицкий. Иван Федоров, московский первопечатник. Пребывание его во Львове, 1573—1583 (Русская старина, 1884, III, стр. 478).

Львове Г. А. Воробьев якобы разыскал в Онуфриевской церкви могильный камень первопечатника вмурованным в пол „недалеко от главного входа, на левой стороне“; „под лавками“ (сообщал он) „его почти не видно“. Г. А. Воробьев прочитал на надгробной плите почти дословно надпись, которая имеется на Уваровском слепке, чего не могли сделать в начале XIX в. М. Гриневецкий и П. И. Кеппен. К статье Г. А. Воробьева приложен, почему-то в перевернутом виде, снимок с плиты Ивана Федорова, сделанный в 1817 г. М. Гриневецким.

Несмотря на официальное подтверждение гибели надгробной плиты, в некоторых кругах, а именно среди монахов-василиан и среди монастырских каменщиков, упорно держалось убеждение в том, что камень не уничтожен, а хранится в „надежном“ месте. Насколько эти слухи считались основательными, можно судить по тому, что в 1914—1915 гг., при занятии Львова русскими войсками, попавшие в этот город русские археологи разыскивали памятник Ивана Федорова, допрашивали по этому поводу игумена львовских василиан М. Лончину и требовали указать местонахождение камня. Один из этих археологов, А. Ходоровский, вернувшись из Львова в Москву, сделал в начале 1915 г. доклад в Московском археологическом обществе; он сообщил, что видел в Онуфриевской церкви с левой стороны, у старинной тяжелой железной двери монастырской часовни надгробную плиту Ивана Федорова, „грязную, порядочно стертую. Она вделана в стену. Вделана примитивно... Прочесть надпись на плите сейчас уже невозможно. Если встать подальше, можно еще разобрать два три слова“. „Своим пришествием во Львов“, говорил А. Ходоровский, „мы спасли могилу Федорова и монастырь от поругания.[1] Гр. Т-ко (Гр. Тысяченко), цитируя А. Ходоровского по книге Галактионова, в своей статье „Казковий і реальный образ першодрукаря“,[2] совершенно правильно указывает на „истинно-русский душок“, которым было про-

---

[1] Доклад А. Ходоровского напечатан в извлечении в очерке А. Ардова „Памятники русской истории в Галиции“ в № 9 журнала „Нива“ за 1915 г. (стр. 174—175). И. Галактионов, перепечатывая его дословно в своей брошюре „Первопечатник Иван Федоров“ (Пгр., 1922), на стр. 69 ошибочно называет А. Ходоровского — А. Холодковским.

[2] Библиологичні вісті, Київ, 1924, ч. 1—3, стр. 171—173.

никнуто выступление Ходоровского, чего не отметил Галактионов.

В связи с сообщением А. Ходоровского Московское археологическое общество стало уже собирать средства на перевозку не только надгробной плиты, но и праха Ивана Федорова в Москву, если бы удалось найти место его погребения. Между тем, вскоре библиограф и историк искусства В. А. Верещагин, тоже побывавший во Львове, опубликовал совершенно обратные сведения о надгробном памятнике первопечатника: „Время этой плиты не пощадило; от нее остался лишь слепок, ныне находящийся в Румянцевском музее. Точно неизвестно и самое место, где лежит его (т. е. И. Федорова) прах".[1]

Противоречивые показания А. Ходоровского и В. Верещагина не остались незамеченными, и В. Верещагин еще раз подтвердил письмом в редакцию журнала „Наборщик и печатный мир", что плиты не существует,[2] а Ходоровский, повидимому, отделался молчанием, и вопрос о существовании плиты Ивана Федорова оставался открытым до 1924 г.

В 1924 г., в связи с 350-летием введения книгопечатания на Украине, вопросом о надгробной плите заинтересовался директор львовской библиотеки Научного товарищества им. Шевченко Ив. Кревецкий (он же редактор журнала „Стара Україна") и предпринял ряд мер к окончательному выяснению судьбы этой плиты. Исходной точкой при изучении вопроса явился для него документ, на который обратил его внимание директор Украинского национального музея во Львове Ил. Свенцицкий. Документ этот датирован 8 ноября 1923 г. и представляет собою протокол, составленный луцким епископом Иосифом; в прото-

---

[1] В. А. Верещагин. Старый Львов (Старые годы, 1915, апрель—май, стр. 52). Указание В. А. Верещагина на местонахождение Уваровского слепка в 1915 г. в Румянцевском музее не соответствует действительности. Акад. А. С. Орлов сообщил автору настоящей заметки, что Уваровский слепок был в 1875 г., после окончания реставрации древних палат государева печатного двора, помещен в библиотеку бывшей московской синодальной типографии, где и хранится до сих пор (см. выше, стр. 157).

[2] Наборщик и печатный мир, 1915, № 183, стр. 1516—1517; № 186, стр. 1636—1637; № 187, стр. 1687.

коле сообщается, что при ремонте Онуфриевской церкви плита Ивана Федорова была замурована около алтаря правой боковой часовни, имеется ссылка на игумена Мелетия Лончину, якобы подробно знающего местонахождение плиты, и приложен чертеж церкви с обозначением этого места.

21 февраля 1924 г. Ив. Кревецкий, разыскав Мелетия Лончину, получил от него дополнительные сведения в виде нового протокола, составленного в присутствии свидетелей, в котором тот сообщил, что в 1887 г., при осмотре им Онуфриевской церкви, тогдашний игумен Сарницкий указал ему на плиту величиной около метра с неясной, а частью стертой надписью, которая была замурована в пол этой часовни, с левой стороны от престола, и сказал: „Вот плита первого русского друкаря Ивана Федорова“. В 1903 г., при дальнейшем ремонте церкви, рядом со стеной, около которой была замурована плита Ивана Федорова, была возведена новая стена, которая и закрыла плиту первого печатника. В этом протокольном показании М. Лончины Ив. Кревецкий усматривает два факта: 1) известие о существовании камня опирается на слова протоигумена Сарницкого, высказанные им в 1887 г., 2) указанный М. Сарницким камень замурован в 1903 г. В связи с первым фактом Ив. Кревецкому бросилось в глаза противоречие между тем, что говорил Сарницкий в 1883 г., и тем, что он утверждал в 1887 г., но обратиться за разъяснениями к первоисточнику он не мог, так как в 1924 г. Сарницкого уже не было в живых. Кревецкий считает необходимым выяснить, которая из двух версий Сарницкого является правильной, потому что только разрешение этого вопроса поможет установить причины создания легенды об уничтожении камня в 1883 г., а также основания версии 1887 г. о его существовании. Кревецкий говорит, что можно было бы допустить компромиссное разрешение спорного вопроса: в 1883 г. камень был уничтожен только наполовину, и в 1887 г. Сарницкий показывал лишь уцелевшую половину плиты в 1 метр величиной. Уничтожение только половины камня было возможно потому, что и Гриневецкий в 1817 г. и Головацкий в 1860 г. свидетельствовали, что камень, треснувший по середине, состоял из двух частей. Однако сам Кревецкий указывает, что это предположение опровергается показаниями

А. Плуга[1] и С. Пташицкого;[2] основываясь, по всей вероятности на протоколе Сарницкого, они говорят, что песчаник, выветрившийся в течение 300 лет, не выдержал напора лома и рассыпался в кусочки. В результате своих исследований Ив. Кревецкий пришел к следующим выводам:

1. Необходимо под наблюдением специалистов-археологов открыть то место, где якобы замурован камень, и установить, существует он или нет.

2. Если камень сохранился, то такой драгоценный национальный памятник восточного славянства, главным образом Украины, заслуживает совсем другого сохранения, чем это имеет место теперь. В аргументации последнего вывода явно сказывается национализм И. Кревецкого.

На общем собрании секции Научного товарищества им. Шевченко 30 марта 1924 г. по докладу Ив. Кревецкого о судьбе надгробной плиты Ивана Федорова была вынесена следующая резолюция: принять меры к окончательному выяснению вопроса о надгробном камне первопечатника, поручить президиуму Научного товарищества им. Шевченко снестись по этому вопросу с протоигуменом василианского монастыря во Львове и поручить специальной комиссии следить за проведением в жизнь постановления общего собрания.

Естественно, что в связи с 350-летием со дня смерти первопечатника снова встал вопрос о существовании его надгробной плиты. Институт книги, документа, письма Академии Наук, желая выяснить, существует ли плита Ивана Федорова, обратился, через Президиум Академии Наук, к Научному товариществу им. Шевченко с просьбой сообщить, что было сделано им для осуществления постановления 1924 г. Отношением от 29 марта 1934 г. Научное товарищество им. Шевченко известило Академию Наук, что постановление общего собрания секций НТШ от 30 марта 1924 г. по вопросу о выяснении судьбы надгробной плиты Ивана Федорова не было выполнено по независящим от НТШ причинам.

---

[1] A. Plug. Jan Fedorowicz, uważany za pierwszego drukarza Lwowskiego. „Kłosy", Warszawa, 1884, № 979, стр. 218 и сл.

[2] С. А. Пташицкий. Иван Федоров. Пребывание его во Львове, 1573—1583 (Русская старина, 1884, III, стр. 478).

Целью настоящей статьи было как показать состояние вопроса о плите в существующей литературе, так и выявить на судьбе надгробной плиты первопечатника истинное отношение к нему господствующих классов. Несмотря на то, что еще в первой четверти XIX в. археологи обнаружили единственный посмертный памятник Ивану Федорову под скамейками в притворе Онуфриевской церкви, представители буржуазно-дворянских научных кругов, как русских, так и украинских, отнеслись к нему крайне пренебрежительно. Русское дворянство и буржуазия, во главе с духовенством, использовали юбилейные торжества в честь первопечатника в 1864, 1883, 1909 и 1913 гг. в узко националистических и шовинистических интересах пропаганды идей самодержавия, православия и народности, но не приняли никаких мер для соответствующей охраны надгробной плиты и для выяснения вопроса о ее существовании, когда после 1883 г. стали распространяться противоречивые сведения о ее судьбе.

В. К. ЛУКОМСКИЙ

К ВОПРОСУ О РОДОПРОИСХОЖДЕНИИ ИВАНА ФЕДОРОВА

Несмотря на значительную, более чем столетнюю литературу, наращённую вокруг темы о первопечатных предприятиях Ивана Федорова в Москве, Литве и Украине, несмотря на ряд монографий, посвященных славному „друкарю“, часто затрагивающих самые незначительные даже мелочи последних лет скитальческой его жизни, а также не взирая на ряд почтенных библиографических трудов, всесторонне изучавших отпечатанные им книги во всех их деталях, все же некоторые основные вопросы, касающиеся биографии Ивана Федорова, остаются до сих пор невыясненными или неразгаданными вовсе.

К таковым загадочным сторонам его жизни относится вопрос о его **происхождении.**

Обычно биографы Ивана Федорова, ссылаясь на именования им себя „Москвитином“, по аналогии с Петром Тимофеевым „Мстиславцем“ из Мстиславля (в Литве) и другими подобными же случаями,[1] склонны приписать место его происхождения

[1] Калайдович, К. Иоанн Федоров. Вестник Европы, 1813, ч. 71, № 18, стр. 93 и сл.; Пташицкий, С. Л. Иван Федоров, московский первопечатник. .

Москве и этим ограничить все дальнейшие поиски, упуская из виду, что московское свое именование Иван Федоров ставит лишь в сочетании с указанием на свою московскую печатную деятельность („друкарь Москвитин“, „печатник з Москвы“), что, конечно, вполне соответствуя действительности, не дает права на вывод о его родине. Имеются, правда, глухие указания в литературе на возможное происхождение его из Калуги, впрочем, едва ли не вытекающие более из недоразумения при сопоставлении данных о службе Ивана Федорова диаконом Николо-Гостунской церкви в Кремле с чудотворною иконою этой церкви из села Николо-Гостуни в Лихвинском уезде (близ Калуги).

Герб Ивана Федорова (1580—1581 гг.).

Не приходится останавливаться на том, что принятые нашим первопечатником именования сначала „Федоров“ (в Москве), а затем „Федорович“ (в Литве и Украине) свидетельствуют только об его отчестве и не дают никакого материала для суждения о родовом его прозвании, а, следовательно, не дают никаких указаний на принадлежность его к какому-либо определенному роду.

Между тем несомненно, сам Иван Федоров мог оставить нам в своих печатных творениях ключ к разгадке его происхождения, который, если и не откроет сразу „загадочного ларчика“, то, во всяком случае, даст к последнему нужный инструмент для вскрытия.

Русск. старина, 1884, кн. 3, стр. 461—478; Огієнко, Ив. Іван Хведорович, фундатор постійного друкарства на Україні. „Стара Україна“, 1924, чч. II—V, стр. 22, и им же составленная подробная библиография „Іван Хведорович в науковоій літературі“ (1701—1924) в том же издании, на стр. 62—74; Романовський, В. Друкарь И. Федоров, в сборн. „Украiнська книга“, К., 1926, стр. 3.

[1] Трехсотлетие кончины первого друкаря Ивана Федорова. СПб., 1883. Булгаков, Ф. И. История книгопечатания, СПб., 1889, стр. 215; Wielka Encyklopedja powszechna illustrowana, t. XXI—XXII, W., 1898, str. 161—163.

Гербы города Львова и Ивана Федорова (1571 г.).

Ключ этот — тот герб, который помещал Иван Федоров на изданиях львовского и острожского периодов своей печатной деятельности — впервые на „Апостоле“ 1574 г., включив его в сложную композицию акантовой ветви, налево которой находится герб города Львова и направо в гербовом картуше „загадочный“ знак в виде изогнутой полосы (на подобие буквы S в обратную сторону) с венчающим ее наконечником стрелы,

окруженный буквами: I-Ѳ-А-Н. Позднее этот же гербовый щиток с отличием лишь в деталях (по сторонам фигур герба буквы: I и Θ, а сам щиток держит рука) появляется дважды на острожских изданиях: „Нового завета“ 1580 г. и „Библии“ 1580—1581 гг. (см. изображения на стр. 169 и 168).

Объяснения этим „загадочным“ фигурам герба давались всегда в связи с толкованием самого герба как типографского знака или издательской марки Ивана Федорова, принятого им по обычаю западно-европейских типографов в своей деятельности после московского периода.

Объяснения эти сводятся обычно к следующим: „одни хотят в этом видеть родство с гербом Альда Мануция, знаменитого итальянского типографа, представляющим дельфина и якорь“, другие полагают, что Иван Федоров „использовал распространенный польский герб с изображением извива реки, восполнив его сверху типографским угольником“; „этот угольник, составляющий главное и необходимое орудие для размера при изготовлении подвижных книгопечатных букв, вероятно, служит здесь эмблемой типографского искусства“.[1] Одна из последних догадок, высказанная на юбилейном заседании Секции библиофилов и экслибрисистов Ленинградского общества коллекционеров в память Ивана Федорова, состоявшегося 16 декабря 1933 г., может быть сформулирована так: „изображение в типографском гербе Федорова «реки» иллюстрирует собою известное древнее изречение «книги суть рѣки», а помещенная над рекой исходящая от нее стрела указывает на функциональную их роль — распространение просвещения“.

Однако перечисленные здесь догадки, равно как и многие другие толкования, циркулировавшие в библиографических кругах, приходится отвергнуть на том простом основании, что означенный герб ошибочно было рассматривать как какой-то специальный типографский знак, тогда как, на самом деле, он является одним из типичных родовых гербов XVI века в Западном крае славянства.

---

[1] Трехсотлетие кончины первого друкаря Ивана Федорова, СПб., 1883 г. (заметка И. Токмакова); Булгаков, Ф. И. История книгопечатания, СПб., 1889, стр. 238; Некрасов, А. И. Книгопечатание в XVI и XVII веках, в сборн. „Книга в России“, ч. I, М., 1924, стр. 92.

Подобно подавляющему числу современных XVI веку польско-литовско-русских гербов, представлявших собою в отличие от западно-европейских жалованных гербов, хотя и замысловатые по значению, но, в сущности говоря, весьма простые комбинации отличных лишь друг от друга частно-владельческих родовых знаков, гербовый знак Ивана Федорова является известным в Литве гербом, усвоенным белорусским родом Рáгоза.[1]

Герб рода Рагоза (Rahoza), по описаниям польских геральдиков, сходен с более распространенным гербом „Сренява“ (Sreniawa, Srzeniawa и Szreniawa), заключающим в себе подобную же изгибающуюся полосу, но с крестом вместо стрелы на верхней ее излучине; известен и вариант подобной же фигуры-полосы, без всяких дополнительных знаков, составляющий герб „Дружина“ (Drużyna). Все три знака, несмотря на общую, сходную фигуру, представляют собою разные гербы, ничего общего в генетическом отношении не имеющие.[2] В то время, как к указанным двум последним видам гербов в Польше и Литве приписано несколько десятков родов (о причинах этого здесь не приходится говорить) — гербом, взятым Иваном Федоровым, пользовался, как известно, только один, помянутый выше, род Рагоза. Обстоятельство это обязывает отнестись к этому факту с особым интересом именно потому, что здесь не может быть колебаний в выборе подходящего из нескольких родов, но в данном случае принадлежность исследуемого герба четко определяется атрибуцией его только одному данному роду Рагоза. Следует однако отметить, что в силу позднейшего и ошибочного со стороны польских геральдиков отождествления этого герба с гербом „Сренява“, которым, якобы, пользовались

[1] Любопытно отметить, что в старославянских наречиях слово „рáгоза“ значит: сварз, ссора, брань | сварливый, неуживчивый человек; рагозиться ссориться. См. „Толковый словарь“ Даля, изд. 1914, т. III, стлб. 1461.

[2] Piekosinski, F. Heraldyka polska wieków srednich, Kraków, 1889, str. 46 и 159; но особенно подробное исследование о генезисе этих гербов у Semkowicza W., „Drużyna i Sreniawa“ в журн. „Kwartalnik Historyczny“, t. XIV, Lwów, 1900, str. 200–220. Здесь же дано и объяснение изогнутой фигуре в этих гербах, как имеющей в прототипе своем изображение костыля-посоха (krzywaśn) — эмблемы власти, а вовсе не изображение реки, обычно толкуемое так польскою геральдикою XVI—XVIII вв. (Długosz, Paprocki, Niesiecki).

представители этого рода, но с заменою креста на стрелу,[1] вследствие этих сбивчивых указаний, произошли и дальнейшие ошибочные выводы, о которых сказано будет ниже.

Герб же „Рагоза", составляя родовую эмблему рода того же наименования, в дальнейшем изменял только свою внешнюю геральдическую композицию, зависимую от стиля эпохи, но сохраняя незыблемость сочетания именно этих двух фигур, т. е. изогнутой полосы и наконечника стрелы над нею. В таком виде дан рисунок его в позднейших печатных изданиях польских гербовников.[2]

Сведения о белорусском роде Рагоз восходят к XV веку. По данным, имеющимся в историко-генеалогической литературе,[3] можно предполагать, что расселился он по верховьям Днепра, владея землями в Мстиславском и Минском воеводствах великого княжества Литовского. В числе представителей этого рода были два киевских митрополита: Мисаил с 1474 по 1477 г. и известный сторонник церковной унии Михаил с 1589 по 1599 г., ранее того с 1579 г. бывший архимандритом Вознесенского в Минске монастыря.

Из числа других членов рода, современных Ивану Федорову, были, между прочим, два брата Рагозы: Григорий и Василий, служившие: первый — минским земским судьею (с 1566 г.), а второй — надворным хоружим литовским (с 1566 по 1584 г.).

В первой половине XVI в. появились Рагозы и на Руси, двигаясь, повидимому, на восток от пограничной с Москвою Мстиславской полосы. Испомещенные сначала в Калужском уезде, они распространяются затем выше на север к Твери и на юг к Курску, в дальнейшем захватывая соседние земли.[4] Не исклю-

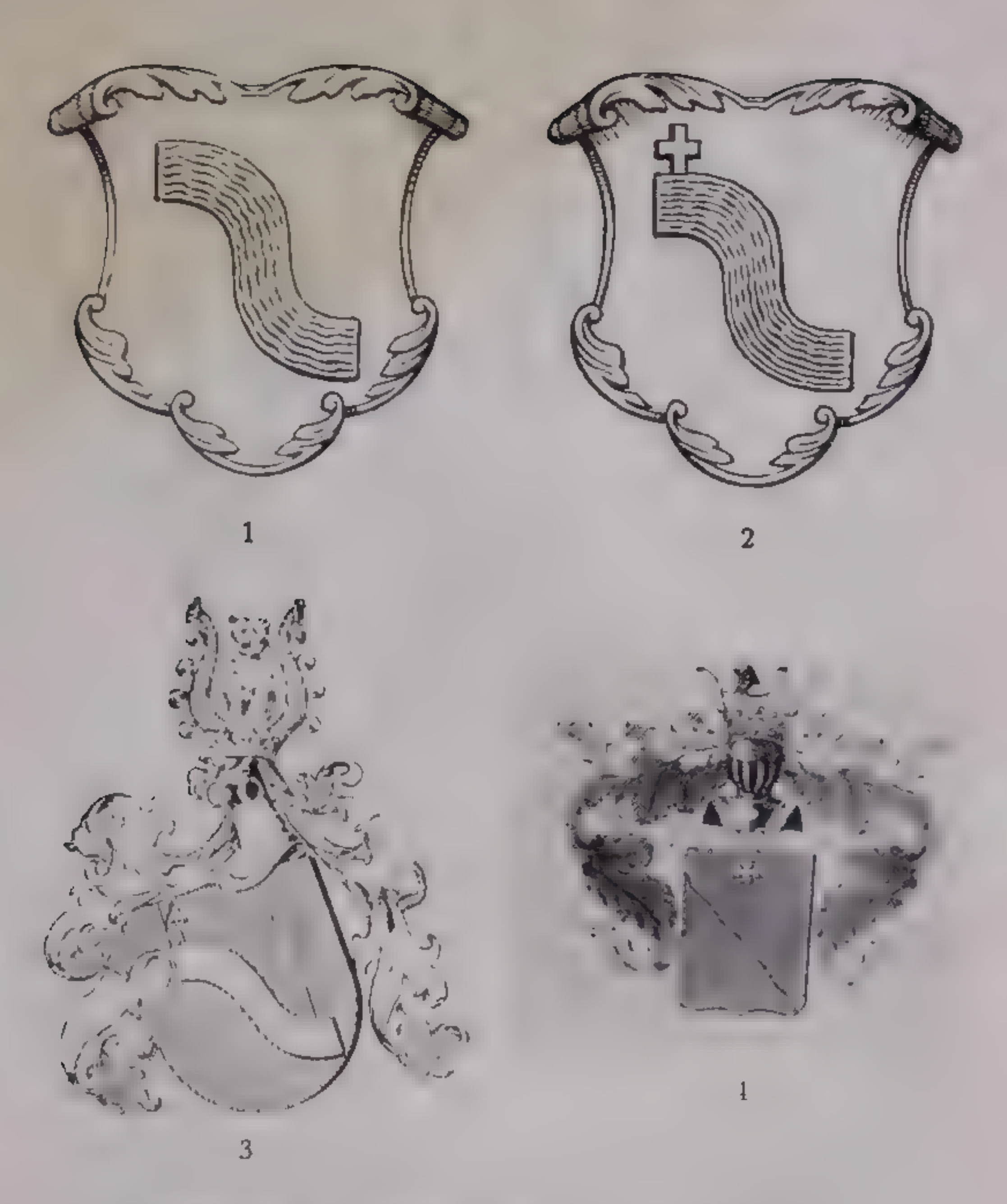
---

[1] Напр.: Kojałowicz, W. W. Compendium, wyd. Piekosinskiego, Kraków, 1897, str. 291; Niesiecki, K. Korona Polska, wyd. Bobrowicza „Herbarz Polski", t. VIII, Lipsk, 1841, str. 85, 469 и 472.

[2] Ostrowski I., hr. Księga herbowa rodów polskich, zeszyt XV, W., 1903, str. 507, № 2970 (с добавлением нашлемника герба „Сренява").

[3] Paprocki, B. Herby rycerstwa polskiego, wyd. Turowskiego, Kraków, 1858, str. 857; Kojałowicz, W. W. Compendium, wyd. Piekosinskiego, Kraków, 1897, str. 291; Niesiecki, K. Korona Polska, wyd. Bobrowicza „Herbarz Polski", t. VIII, Lipsk, 1841, str. 85; Okolski, S. Orbis Polonus, vol. III, Cracov, 1645, fol. 135; Boniecki, A. Poczet rodów w W. K. Litewskiem, W., 1887, str. 281; Wolff, I. Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego, Kraków, 1885, str. 205.

[4] Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, пол. 51, стр. 64.

1. Польский герб „Дружина" (Drużyna) в стиле конца XVI в.
2. Польский герб „Сренява" (Sreniava) в стиле конца XVI в.
3. Герб белорусского рода Рагоза в геральдической композиции XVIII в.
4. Герб русского рода Рагозиных из „Общего гербовника", ч. VIII (1807 г.).

чается возможность, что на службе у московских вел. князей они стали именоваться Рагозиными: по боярским книгам XVII века числилось на царской и патриаршей службе в стольниках, стряпчих, дворянах, московских и городовых, и в дьяках не менее 25 человек.[1] Ясно, играя такую роль с самого начала XVII века, Рагозины должны были быть известны в Москве и во второй половине XVI века, когда подвизался там Иван Федоров, если... он сам не принадлежал к этому роду.

Произведенные архивные разыскания склоняют к тому, что предание о происхождении рода Рагозиных из Литвы не лишено вероятия, так как при утверждении родового герба даже в начале XIX в. они представили свой герб, как „издревле в роду употребляемый", герб „Сренява", каковой и был утвержден за родом внесением его в официальный гербовник, хотя и не в той его композиции, которая была известна у литовской ветви рода, а по тому описанию, которое дано было польскими геральдиками гербу „Сренява" (см. выше), да еще с изменением в расположении фигур и расцветки.[2]

Допуская, однако, возможность происхождения Ивана Федорова из русской ветви белорусского рода Рагоз, едва ли ошибочным будет предположить, что о родовом своем гербе Иван Федоров мог узнать только в бытность его в Литве в 70-х гг., а затем, под влиянием польских обычаев, широко использующих в быту родовую геральдику, прибег и сам к применению своего герба, в качестве издательской и типографской марки, в той именно его конфигурации, которая свойственна была геральдической графике XVI века.

Против этой гипотезы о принадлежности Ивана Федорова к роду Рагоз или Рагозиных можно сделать, в сущности говоря, только одно, но и самое веское возражение, это указание на

---

[1] „Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах Московск. Архива м-ва юстиции", М., 1853, стр. 248—249; Лихачев, Н. П. Разрядные дьяки XVI в., СПб., 1888, стр 283.

[2] „Общий гербовник дворянских родов Всеросс. империи", ч. VIII (утв. в 1807 г.), л. 80. Сведения о гербе имеются в родовых делах Рагоз (по губ. Витебской, Гродненской и Могилевской) и Рагозиных (по губ. Калужской и Курской) в составе архивных фондов Д-та герольдии (Ленинградское отделение Центр. историч. архива, фонды №№ 982—984).

полное и непонятное отсутствие упоминания им самим о своем родовом прозвании на всем протяжении своей жизни, равно как и на отсутствие в родовых росписях этих фамилий упоминания о славном их сородиче.

Вполне принимая это возражение и не находя данных для его опровержения, можно выдвинуть только вторую гипотезу о том, что Иван Федоров, не принадлежа к роду Рагоз и даже дворянству вообще, принял родовой герб, что было возможно в Польше и Литве до конституции 1601 г., в силу особой привилегии, предоставленной господствующему классу, приписывать к своему гербу угодных или близких ему людей свободных, хотя бы и не шляхетных, путем акта, известного под наименованием адоптации (adoptatio).

И поводы и основания для таковой адоптации у Ивана Федорова могли встретиться не раз: и на пути в Литву в 1565 году (через Мстислав и Минск — где земянами-помещиками сидели Рагозы), и на приеме у польского короля Сигизмунда-Августа во время Литовского сейма, и у гетмана Литовского Ходкевича в Заблудове, когда для права владения недвижимою собственностью („немалою весью"), подаренною ему Ходкевичем, Ивану Федорову надо было как-то л гализовать свое правовое положение, и, наконец, по дороге во Львов или в самом Львове, где самостоятельное владение типографиею также обязывало его к установлению своих правовых отношений в Польше, а неопровержимым показателем их был герб, впервые использованный им в 1574 г.

За недоступностью многих необходимых для подтверждения этой гипотезы источников, нет возможности подкрепить и второе предположение какими-либо документальными данными. Однако возможность этого предположения допускается хотя бы примерным случаем, когда в 1581 г. ноября 20, в обозе под Псковом, король польский Стефан-Баторий подтвердил дворянство и герб типографщику Валентину Лапчинскому, сообщенные ему актом адоптации со стороны великого канцлера коронного Яна Замойского.[1]

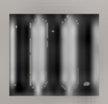
1 Piekosiński. F. Rycerstwo polskie wieków średnich. t. I, Kraków, 1896, str. 310—311, № 170.

Таким образом, перед нами два возможных решения гербовой загадки Ивана Федорова: первое — приводящее к установлению его родопроисхождения от Рагоз или Рагозиных, и второе — разъясняющее основания использования чужого герба.

Отвергнуть первое, более существенное, можно было бы только после установления доказательств в пользу второго возможного решения. Но до тех пор, пока этих доказательств нет и едва ли без привлечения польских архивных источников возможно их получить, приходится допустить приемлемость и первого предположения, т. е. не происходил ли Иван Федоров из того рода, чей герб, как символ родового прозвания (а не типографский знак), отметил надмогильную плиту безымянного первопечатника из Москвы.[1]

[1] Подробные сведения о судьбе этой плиты см. выше в статье Р. М. Тонковой. *Ред.*

III

Р. М. ТОНКОВА

ИВАН ФЕДОРОВ В ЮБИЛЕЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1864—1924

Торжества, устраивавшиеся в дореволюционное время в связи с годовщиной какого-нибудь исторического события, обычно оставляли по себе след в так называемой „юбилейной" литературе, которой в большинстве случаев не придавали и не придают значения из-за ее официального и нарочито-хвалебного характера. Между тем она заслуживает особого внимания, потому что не только отражает оценку чествуемого события или лица определенным классом общества, но и показывает, как был использован данный юбилей в интересах господствующего класса. Анализ юбилейной литературы о московском первопечатнике Иване Федорове подтверждает только что высказанное положение.

Исторические заслуги друкаря москвитина в области книгопечатания были впервые публично отмечены Обществом любителей российской словесности при Московском университете, устроившим 15 марта 1864 г. публичное заседание в зале университетской библиотеки „в память совершившегося 1-го марта сего года трехсотлетия от начала в Москве книгопечатания".[1]

[1] Об этом заседании имеется глухое упоминание, без указания программы дня, в „Московских ведомостях" (1864 г., № 55 и № 56, стр. 1) и в статье

Московская же синодальная типография отметила этот юбилей ассигнованием восьми тысяч рублей на издание снимков с первых русских печатных изданий.[1]

Возникшее в 1864 г. Московское Археологическое общество[2] устроило торжество по тому же поводу, но несколько позже, приурочив его к трехсотлетию выхода Евангелия Учительного, напечатанного Иваном Федоровым в Заблудове в 1569 г. На экстраординарном заседании Общества, 4 января 1870 г., после доклада акад. М. П. Погодина о жизни и деятельности Ивана Федорова[3] и сообщения А. Гатцука о развитии и распространении печатного дела в Москве,[4] граф А. С Уваров, председатель Общества, внес предложение — возбудить ходатайство об открытии подписки на памятник московскому первопечатнику.

Хотя празднование трехсотлетней годовщины введения книгопечатания Обществом любителей российской словесности, Московской синодальной типографией и Московским Археологическим обществом оставило не особенно значительную юбилейную литературу, но зато оно положило начало целому ряду чествований заслуг Ивана Федорова. Наибольшего внимания заслуживают четыре „юбилейных вехи“: трехсотлетие со дня смерти Ивана Федорова (декабрь 1883 г.), открытие ему памятника в Москве (сентябрь 1909 г.), 350-летие введения книгопечатания на Украине (1924 г.) и 350-летие со дня смерти Ивана Федорова (декабрь 1933 г.).

Библиографический обзор литературы об Иване Федорове показывает, что наибольшее число названий падает на 1883 г., когда крупнейшие города бывшей царской России — Петербург, Москва, Одесса, Казань, Киев и проч. — приняли участие в чествовании памяти Ивана Федорова по случаю трехсотлетия со дня

П. Бессонова „Об юбилейном издании Московской синодальной типографии“ (Письмо к издателю „Русского архива“) (Русский архив, 1867, стр. 914).

1 См. указ. статью П. Бессонова.

2 Первое организационное заседание Общества состоялось 17 февраля 1864 г., а устав был утвержден 19 сентября того же года.

3 Напечатано в Журн. мин-ва нар. просв. за 1870 г., ч. CXLVIII, отд. 2, стр. 292—307 (М. Погодин. Иван Федоров, первый московский книгопечатник).

4 Напечатано в „Русском вестнике“ за 1872 г., кн. 5 (Гатцук, А. А. Очерк истории книгопечатного дела в России, стр. 310—343).

его смерти. Этот юбилей как раз совпал с расцветом реакции после событий 1881 г., что и предопределило его характер. Основной тон в этом юбилее задают реакционно-клерикальные круги, используя личность Ивана Федорова для пропаганды идей самодержавия, православия и народности. Так, священник Соколов, выступавший 5 декабря со словом о первопечатнике перед панихидой в Казанском соборе, рекомендовал тысячной толпе Ивана Федорова как образец любви к отечеству: „В священнодиаконе Иоанне, — говорил он, — мы видим пример истинной любви к отечеству, — той любви, которая не льстит и не угасает даже при гонениях от неразумных соотчичей. Вот с нее-то и следует брать пример“.[1] В том же религиозно-нравственном и патриотическом духе заканчивает свою заметку об Иване Федорове протоиерей Николаевский: „Вечная память тебе, замечательный труженик-самородок русской земли, беззаветно преданный своему печатному делу, оказавший им великие услуги православному русскому делу и во всю свою жизнь не нашедший себе вполне заслуженного покоя и почета“.[2] Представителям клерикальных кругов вторит известный реакционер, проф. М. Коялович. Говоря о преемниках Ивана Федорова — русских типографах, словолитчиках, наборщиках, переплетчиках, он дает совет: „И в счастии и в тяжкие времена пусть они вспоминают своего русского родоначальника, доблестного Федорова, в котором любовь и самоотвержение преобладали над всем, потому что всегда освещались высшим светом родной веры и родного слова“.[3] Статьи об Иване Федорове преимущественно помещаются в таких официальных церковных изданиях, как „Православное обозрение“, „Церковный вестник“, „Литовские епархиальные ведомости“ и др., а также в реакционном органе „Новое время“; откликаются на юбилей официозные издания, напр. „Санкт-Петербургские ведомости“, „Московские ведомости“ и т. д.

[1] Чествование памяти Ивана Федорова в С.-Петербурге (в журнале „Обзор графических искусств“, 1883, № 23, 24, стр. 199).

[2] Николаевский, П. Памяти первого русского книгопечатника диакона Ивана Федорова (Церковный вестник, 1883, № 49, стр. 3).

[3] Коялович, М. К. К трехсотлетию смерти русского первопечатника Ивана Федорова (Новое время, 1883, № 2786).

Участие либерально-буржуазной печати в чествовании Ивана Федорова по случаю 300-летия со дня его смерти выразилось в том, что единственный в России журнал печатного дела, „Обзор графических искусств", посвятил Ивану Федорову очередной номер (№ 23 24) и, кроме того, издал специальный иллюстрированный юбилейный сборник „Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 5 дек. 1883 г. (1583—1883 гг.)", в котором помещены частью новые заметки, частью извлечения из сочинений историков М. Погодина, С. Соловьева, В. Румянцева и др., обрисовывающие жизнь и судьбу Федорова, его труды и их значение. Сверх того, в этом сборнике в отдельных кратких очерках изображается история печатного дела в России, дается картина современной Федорову типографской техники, прилагаются снимки с первопечатных книг, станков и т. д.

В связи с юбилеем появляются и отдельные статьи-исследования об Иване Федорове, но за исключением А. Петрушевича и С. Л. Пташицкого, которые используют неизданные архивные материалы для освещения последних десяти лет жизни Ивана Федорова, все авторы черпают биографические сведения о нем или непосредственно из послесловий к изданиям Ивана Федорова или же из трудов историков XIX в., начиная с „Истории государства российского" Карамзина, которые базируются на тех же источниках.

Послесловия Ивана Федорова являются единственным источником для начального периода русского книгопечатания, но дворянско-буржуазные историки берут и из этого материала лишь то, что соответствует интересам господствующего класса, извращают исторические факты и сознательно обходят молчанием такие моменты, которые вскрывают классовую подоплеку введения книгопечатания. Все авторы статей об Иване Федорове указывают на две причины введения книгопечатания в России, заимствуя это у первопечатника: во-первых, потребность в богослужебных книгах, во-вторых, неисправность существующих рукописных книг. В качестве причины, вынудившей Ивана Федорова к эмиграции, выставляется недовольство и озлобление писцов-кустарей, которых механический способ размножения богослужебных книг лишал заработка; М. Погодин же

называет „гонителей“ Ивана Федорова „друзьями и служителями тьмы“. Такая трактовка замалчивает отрицательное отношение церкви и феодально-боярских кругов к нововведению и не видит в реформе Ивана Грозного усиления политики абсолютизма в борьбе с духовенством и боярством.

В „Обзоре графических искусств“ (№ 23 24) дается подробная хроника юбилея 1883 г. Во всех городах чествование носило шаблонный характер: после панихиды устраивалось торжественное заседание, иногда с вариантами в виде художественно-музыкальной части или обеда по подписке, как это имело место в Петербурге. Присутствовавшие на этом обеде представители умеренно-либеральной буржуазии — журналист В. О. Михневич, еще более умеренный издатель „Русской старины“ М. И. Семевский и др. воспользовались случаем, чтобы высказать свои „либеральные“ взгляды на печать и на типографское дело.

По словам В. О. Михневича, первопечатник Иван Федоров был носителем и выразителем великой идеи служения всему доброму и прекрасному. „Печать есть орудие, есть выражение, есть орган «гласа народа — гласа божьего» ... Конечно, в печати есть много отрицательного и некрасивого, но в своей совокупности, в своих общих и конечных результатах печать, несомненно, служит гласу народному — гласу божьему, т. е. всему доброму и прекрасному“.

М. И. Семевский в своем кратком выступлении прибегает к типичным для либеральной буржуазии недомолвкам. Так, типографское дело он назвал „трудным делом“ и, как на доказательство этого положения, сослался на „тугое развитие“ печати до начала царствования Александра II, когда печатный станок получил, якобы, полные права гражданства и сделался ближайшим сотрудником и сподвижником всех реформ. Он добавил, что развитие печати зависит не только от развития техники, оно тесно связано с бытом рабочего, поэтому он поднял бокал за типографского рабочего.

Эти выступления либеральной буржуазии получили должную оценку современников. Их классовый смысл и тенденциозный характер были поняты и раскрыты современной мелкобуржуазной прессой несколько более радикального направления. Один

из редакторов газеты „Минута“ [1] С. Databases Добродеев выступил в печати с „письмом в редакцию“ под заглавием „Памяти Ивана Федорова“.

Сообщая программу торжественного чествования в Петербурге, С. Добродеев с некоторой иронией подчеркнул, что на музыкально-литературное утро „будут допущены бесплатно некоторые наборщики и печатники“, а брошюру П. Н. Полевого „Очерк жизни и деятельности первого русского печатника Ивана Федорова“, специально составленную для бесплатной раздачи участникам торжества, он назвал „на скорую руку испеченной брошюрой“. Предстоящему обеду по подписке у Бореля он дал такую оценку: „... на обеде, полагаем, немного будет представителей рабочей силы, зато, благодаря шипучке, несомненно явятся речи и тосты со всякими трескучими фразами (за ними у нас дело никогда не станет), ракетами и фальшфейерами“.

Далее Добродеев говорил о тяжелом материальном и моральном положении рабочих печатного дела, о малограмотности наборщиков и печатников и предлагал воспользоваться торжеством, чтобы открыть подписку на устройство „Первой технической школы печатного дела им. Ивана Федорова“, которая должна положить первый камень в развитии типографского искусства в России.

Более определенно высказался по поводу буржуазно-либерального чествования и едко высмеял его один из постоянных сотрудников „Минуты“ И. Н. Измайлов, писавший под псевдонимом „Гамлет“. В статье „Иван Федоров и буржуазия“ он высказывался в том смысле, что юбилей Ивана Федорова должен касаться, главным образом, типографщиков и вообще лиц, живущих типографским трудом, а лица „либеральных“ профессий могут принять в нем участие лишь постольку, поскольку их может интересовать всякое открытие в области наук и искусств. Он указывал, что в обеде участвуют „либеральные мздоимцы“ и отсутствуют главные деятели типографского искусства — наборщики, метранпажи, накладчики, мастера,

---

[1] „Минута“ — политическая, общественная и литературная газета, издавалась И. А. Баталиным в СПб. с 30 XI 1880 по 1890 г.

тискальщики и т. д. Далее „Гамлет“ отмечал, что буржуазная верхушка работников графических искусств, сама вышедшая из рабочей среды, отмежевалась от рабочей массы. В „Арабесках столичной жизни“ „Гамлет“ показывает оборотную сторону литературно-музыкального утра, устроенного 6 декабря в большом зале Городской думы. „Скучнейшая монография“ Вишнякова,[1] „славословное стихотворение“ Беземана, „тенденциозное стихотворение о воссоединении червонной Руси с Великороссией“ Головина — так характеризует „Гамлет“ выступления, которые в освещении журнала „Обзор графических искусств“ вызвали у публики „восторженный прием“. С нескрываемой иронией „Гамлет“ относится к „либеральным“ тостам И. И. Глазунова и М. И. Семевского за здоровье и благосостояние всех тружеников печатного дела.

Юбилейная литература 1883 г., за небольшими исключениями, ничего не дала в научном отношении, потому что буржуазные исследователи не были заинтересованы в дальнейшей научной разработке первого периода русского книгопечатания. Ценность же этой литературы заключается в том, что в ней наиболее ярко выявилось отношение господствующих классов к Ивану Федорову и обнаружился классовый характер буржуазной науки и буржуазной общественности. Личность энтузиаста-печатника и введение им такого могучего двигателя человеческого прогресса, как книгопечатание, трактуются в этой литературе изолированно, вне связи с социально-экономическим фоном эпохи, в которой жил Иван Федоров. Буржуазная наука, замалчивая реакционную роль церкви в вопросе о бегстве Ивана Федорова, превратила его в мученика за идею всеславянского печатного слова, смиренно прощающего все обиды своим врагам, защитника православия и русской народности против латинства и польщизны и рекомендовала его работникам печатного дела как образец, достойный подражания. В этом отношении характерно выступление Вишнякова. В „Кратком очерке

---

[1] К сожалению, инициалы Вишнякова не указаны. По всей вероятности на торжественном заседании выступал В. И. Вишняков, директор „Товарищества общественной пользы“, в типографии которого была отпечатана брошюра П. Полевого об Иване Федорове, раздававшаяся бесплатно на юбилейном торжестве.

жизни и деятельности Ивана Федорова", прочитанном им на литературно-музыкальном утре 6 декабря 1883 г., говорится: „Имея перед собою в Иване Федорове высокий образец честного, безустанного, а главное — самоотверженного труженика, сделаемся и сами достойными его преемниками и будем, подобно ему, работать в поте лица во славу бога, царя и нашего дорогого отечества". Одинаково с ним мыслил и историк И. Е. Забелин, выступивший 4 декабря 1883 г. в соединенном заседании Общества истории и древностей и Московского археологического общества с заключительным словом, в котором сказал: „Труды и подвиги Ивана Федорова это — труды и подвиги людей на пользу, на счастье, на славу и честь родной земли". „Печатное слово в действительности есть святыня, святое великое средство нашего просвещения, с которым поэтому необходимо во всех случаях поступать благоговейно и благочестиво...". Таким образом, и наука и общественность навязывали Федорову распространенные в 80-х годах XIX столетия в сферах буржуазии и дворянства идеи православия, самодержавия и народности, и всячески использовали его память для широкой пропаганды этих идей.

Иван Федоров неоднократно упоминался и на Первой всероссийской выставке печатного дела в 1895 г., в „Обзоре" которой ему было посвящено несколько мелких статей, перечисленных ниже в „Материалах для библиографии Ивана Федорова" А. П. Лебедянской (№ 204). Конечно, точка зрения на него была здесь та же буржуазно-дворянская, которая прочно установилась со времени юбилея 1883 г.

Выше было отмечено, что мысль о сооружении памятника Ивану Федорову была высказана впервые в Москве в 1870 г. при праздновании трехсотлетия введения книгопечатания в России. Инициатор этого предложения, граф А. С. Уваров, получил официальное разрешение открыть подписку на памятник и обратился к знаменитому скульптору М. М. Антокольскому с предложением составить проект. 15 (27) апреля 1873 г. М. М. Антокольский писал по этому поводу В. В. Стасову из Рима следующее: „Несколько дней тому назад я получил письмо от гр. Уварова, опять насчет статуи «Ивана Федоровича», первого книгопечатника в России. Но так как эта модель должна идти

на утверждение государя — следовательно прямо в Академию, — то я отказываюсь от этой работы. Пускай вертятся около Академии те, кому угодно, а я этого не желаю; — я не хочу, чтобы **ослы были моими судьями**".[1]

С течением времени, под влиянием затруднительного материального положения, М. М. Антокольский все же решил удовлетворить просьбу графа Уварова. В письме к тому же В. В. Стасову, посланном из Парижа 20 окт. 1885 г.,[2] скульптор подробно излагает историю этого заказа: „Так как я уже заговорил о москвичах, то расскажу вам еще один эпизод, довольно характерный, но еще больше печальный. Лет восемь, если не больше тому назад, получаю письмо от покойного графа Уварова: сделать эскиз монумента для первого книгопечатника в России. За эскиз он предлагает мне вознаграждение, и, в случае, если эскиз будет одобрен государем, то работа, конечно, останется за мной. Тогда я был слишком самостоятелен, чтобы ответить на подобные предложения, и не отвечал. В год коронации я был в Москве, заходил с Боголюбовым в Исторический музей, где встретился с графом Уваровым. Боголюбов представил меня, и он шутя сказал, что на меня зол за то, что я не хочу сделать статую первопечатника. Мое положение тогда было затруднительное, и я обещал начать. При этом он сам назначил за эскиз 1000 рублей. Я уехал в Париж и сделал этот эскиз. Между тем граф Уваров захворал, я ждал его выздоровления и, к сожалению, дождался его смерти. Прошел год. Наконец я спрашиваю в Археологическом обществе, куда давно был послан проект статуи: «кто заплатит мне 1000 руб. и какая участь постигла самую работу?». В ответ на это я получаю протокол, который ясно доказывает, что мой эскиз был подвергнут экспертизе, и по совету знатоков было решено, что эскиз мой негоден, потому что я представил его как рабочего, «между тем, как он был не только рабочий, но и высоконравственный человек, который много пострадал за предан-

---

[1] Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи Под ред. В. В. Стасова. СПб., 1905, стр. 75.

[2] Указанное сочинение, стр. 545—546. Кроме того, М. М. Антокольский вспоминает об этом эпизоде в письме к Ел. Гр. Мамонтовой, отправленном из Парижа весною 1880 г. (то же сочинение, стр. 571).

ность свою делу». Чорт бы их побрал! Точно рабочий не может быть весьма нравственным человеком! Точно это какой то недостаток, что я представил его в минуту того труда, который он страстно любил и за который пострадал! Точно это недостаток, что поэта представляют, когда он творит, а полководца на поле битвы! Да я бы спросил у них: Господа, каким образом можно в скульптуре, да еще в эскизе, показать высоконравственность?» Затем идет дальше критика, касающаяся красоты, линий, археологии, точно тут речь идет не об эскизе, а о полном творчестве. После этого я еще убедился в том, что невеждам половину работы нечего показывать. Они, как истинные... думают то же самое, что и доктор Ландцерт: «коли я — дескать доктор и могу судить о тифе или лихорадке, то об искусстве и подавно». В заключение, протокол предлагает мне переделать все мои промахи, но, однако, без прибавления денег. Если бы я знал, что мой проект попадет в какую бы то ни было комиссию, то я бы ни за какие блага не принял этот заказ. Но между мною и графом Уваровым ни слова не было о комиссии. Теперь у меня и руки не поднимаются, чтобы ответить им и остается на все это, также на 1000 руб., плюнуть — и только.[1] Да хранит меня бог и вперед иметь заказное дело с кем бы то ни было. Это было и есть мое идеальное желание. Относительно монумента говорят, что опять будет конкурс с программой. Не знаю, правда ли это, но, во всяком случае, я этим не печалюсь. Мое теперешнее желание совершенно другое. Ну, да бог с ним! Жаль только, что у нас так туго идет искусство".

В „Отчете по сбору пожертвований и возведению памятника Ивану Федорову" (стр. 110—111) сообщаются следующие, не совсем точные сведения о переговорах с Антокольским и об его эскизе памятника первопечатнику:

„В том же (1883) году гр. А. С. Уваров, находясь за границей, взошел в переговоры с нашим знаменитым скульптором Антокольским, жившим в Париже, и предложил ему сделать

[1] Согласно „Отчету по сбору пожертвований и возведению памятника Ивану Федорову", помещенному во 2-м выпуске 23-го тома „Древностей" М. Антокольский получил за модель 1000 р. (стр. 111).

модель для памятника Ив. Федорова.[1] Антокольский принял заказ, как будто заинтересовался им, но, живя на Западе, среди совершенно чуждого России уклада жизни, он, несмотря на весь талант свой, не мог создать типа Ив. Федорова, сына старой древней России, диакона церкви Николы чудотворца Гостунского, работавшего, как он сам о себе говорит, «как верный раб, по воле господа Иисуса Христа и господнее христово слово по вселенной рассеивает», — и Антокольский представил Обществу модель просто чернорабочего, стоящего у станка, с засученными рукавами и в костюме, не подобающем его диаконскому сану. Модель была признана неприемлемою для воспроизведения, и вопрос о возведении памятника отложен на неопределенное время". Несомненно, реальный Иван Федоров Антокольского оказался классово-чуждым буржуазным инициаторам увековечения его памяти. Вопрос об открытии памятника был отложен на довольно долгий срок. Лишь в 1901 г. Московское Археологическое общество объявило новый конкурс на памятник, причем, во избежание повторения „ошибки" Антокольского, оно решило дать участникам конкурса определенную классовую установку для их будущих проектов. С этою целью в 1901 г. была издана специальная брошюра, в которую включили, в качестве идейного руководства, заключительное слово „незабвенного летописца археолога" И. Е. Забелина, сказанное им 4 декабря 1883 г. на объединенном заседании двух московских научных обществ, посвященном Ивану Федорову. К брошюре приложили, кроме того, план и вид той площадки, где должен был стоять памятник, и сообщили научно-проверенные данные о мужском костюме второй половины XVI века. Из 27 моделей,[2] представленных на конкурс, выбор жюри остановился на проекте московского художника С. М. Волнухина, который по замыслу и выполнению соответствовал классовым интересам и вкусам руководившей конкурсом буржуазии. Исполненный по проекту художника Волнухина памят-

---

[1] Из вышеприведенного письма видно, что граф Уваров еще в 1873 г. писал Антокольскому насчет проекта памятника.

[2] Снимки с трех проектов памятника Ивану Федорову, получивших на конкурсе премии, помещены в журнале „Печатное искусство" за 1902 г., май, стр. 236, 239 и 241.

ник изображает Ивана Федорова — „сына старой древней России“, диакона церкви Николы Гостунского, во весь рост, с непокрытою головою, в кафтане (общераспространенной верхней одежде московских людей того времени, употреблявшейся и лицами духовного звания). В одной руке первопечатник держит и рассматривает сделанный им же оттиск, а другой придерживает поставленную на скамье печатную доску. Открытие памятника состоялось 27 сентября 1909 г. и сопровождалось большим торжеством [1].

Московское Археологическое общество зафиксировало торжество открытия памятника во втором выпуске 23-го тома своих „Трудов“, специально посвященном Ивану Федорову. В этом выпуске, вышедшем в 1914 г., напечатано несколько новых научных статей, относящихся к Ивану Федорову и последующей эпохе, и дается подробное описание торжества по случаю открытия памятника.[2]

Сопоставление статей, напечатанных в „Древностях“ в 1914 г., с юбилейной литературой 1883 г. дает возможность установить, что сделала буржуазная наука за 30 лет в области исследования первого периода славянского книгопечатания. Е. В. Барсов в статье „Творцы книгопечатного дела в Москве“ говорит, что неисправность книг была только одной из причин введения книгопечатания, что Иваном Грозным и митрополитом Макарием руководили более высокие цели и идеи. Грозный был „ревнитель православия“, он вводил печатную книгу как противовес иноземным неправославным влияниям, а митрополит Макарий руководствовался идеей церковного порядка: книгопечатание завершало церковную политику централизации, которая развивалась одновременно с централизацией государственной. Барсов подчеркивает, что и царь и митрополит „чуяли политическую силу печати“. „Завистниками“ Ивана Федорова Е. В. Бар-

---

[1] Первый памятник изобретателю книгопечатания И. Гутенбергу был открыт в Майнце в 1827 г., т. е. почти через 400 лет после выхода первых оттисков Гутенберга.

[2] Характерно, что упоминавшееся уже заключительное слово историка И. Е. Забелина включено и в юбилейный выпуск „Древностей“. „Высоконравственный“, стоящий на высоте религиозного сознания Иван Федоров, согласно трактовке И. Е. Забелина, продолжал пропагандироваться и в 1914 г

сов считает не писцов-кустарей, а „целые организованные сословия“, наиболее влиятельных людей. „Начальники“, о которых упоминает Иван Федоров в Послесловии, по мнению Барсова — бояре и думные дьяки, „священноначальники“ — архимандриты и игумены, а „учителя“ это протопопы, попы и дьяконы, которых Стоглавый собор обязал выполнять функции учителей в приходах.

Таким образом, в статье Барсова дается буржуазная трактовка причин возникновения книгопечатания и подчеркивается связь этой реформы с политикой абсолютизма. Являясь сторонником этой политики, Барсов уже не считает нужным скрывать классовое лицо преследователей Ивана Федорова.

Далее следует статья М. Н. Сперанского „Иван Федоров и его потомство“. М. Н. Сперанский отмечает, что в Москве начало книгопечатания было с первых же шагов делом государства, в лице царя, заявившего о сознанной государством потребности. Дело это было связано с событием общегосударственной важности — завоеванием царства Казанского. Книгопечатание дало возможность выпускать однообразные правильные книги. Одним из побуждений к введению книгопечатания было то обстоятельство, что в Москве знали о книгопечатании не только у греков, но и в Венеции, т. е. у славян.[1] Книгопечатание было тесно связано с внутренней политикой Московского государства и сохранило эту связь с задачами государства и за его пределами, потому что печатное дело в юго-западной Руси в XVI и XVII столетиях развивалось под влиянием московского книгопечатания. Выполняя свою государственно-политическую программу, Москва шла навстречу юго-западному русскому населению, которое вело национально-религиозную борьбу против Польши и католицизма с его унией. М. Н. Сперанский подчеркивает влияние изданий Федорова за пределами московского государства.

Юбилейный выпуск „Древностей“ представляет собою нечто цельное по содержанию и идеологической трактовке; в нем дается новая оценка первого периода книгопечатания, в научно-

---

[1] Здесь имеется в виду деятельность сербской типографии Божидара Вуковича в Венеции.

фактическом отношении он значительно выше клерикальной и буржуазно-дворянской литературы 1883 г., но в нем, естественно, не дается классового анализа деятельности Ивана Федорова.

Московское Археологическое общество превратило открытие памятника первопечатнику Ивану Федорову в праздник буржуазного ученого и научного мира тогдашней России, это был праздник с ярко выраженным классовым характером. Устроенный в годы роста октябризма и национализма представителями аристократии и буржуазной интеллигенции, он оставил за бортом рабочих печатного дела. Высшие учебные заведения, научные учреждения, ученые общества, учащиеся и отдельные лица прислали свои приветствия. В этих приветствиях, с одной стороны отмечается роль Московского Археологического общества в деле открытия памятника, с другой стороны, указываются заслуги Ивана Федорова, который ввел на Руси книгопечатание — „могучий рычаг света и образования", „орудие культуры, прогресса, просвещения, образования, цивилизации" и т. д. Открытие памятника сопровождалось традиционным „возложением" венков с надписями. Всех венков было 99 (см. И. Д. Галактионов. Первопечатник Иван Федоров. Биография. Открытие памятника. СПб., 1909). Из всех надписей в юбилейном выпуске „Древностей" приводятся 45; среди них отсутствует надпись „Первому мученику русской печати", о существовании которой упоминает И. Д. Галактионов („Иван Федоров", СПб., 1913). Надпись эта, очевидно, намеренно игнорировалась инициаторами торжества.

Реакционные взгляды русской буржуазной интеллигенции на печать, сложившиеся под влиянием страха перед революционными выступлениями пролетариата в 1905—1906 гг., выявились в телеграмме, посланной Московским Археологическим обществом царю, и в заключительном слове председателя Общества графини Уваровой. В телеграмме высказывается пожелание, „да направлено будет великое дело, начатое Иваном Федоровым, не во вред, а на пользу истинному просвещению дорогой родины". Графиня Уварова закончила заседание цитатой, заимствованной из приветствия Казанской духовной академии — „да растет и развивается книжное дело на Руси пра-

вославной, но только в том лишь религиозно-нравственном и национальном направлении, которое указано было первыми русскими изданиями первых наших печатников“.

Некоторым диссонансом в общем хоре трафаретных приветствий звучит составленное в духе буржуазного „радикализма“ приветствие от Московского общества народных университетов. В нем высказывается пожелание, чтобы дело Ивана Федорова крепло и развивалось на Руси и чтобы сегодняшнее торжество послужило прочным залогом лучших дней для все еще гонимого у нас печатного слова.

В 1913 г., в связи с 350-летием со времени открытия первой типографии в Москве, появилась брошюра И. Д. Галактионова „Иван Федоров“, вышел специальный номер журнала „Наборщик и печатный мир“ (№ 160) и т. д., но ничего нового, по сравнению с 1883 г., эти материалы не содержат.

Необходимо отметить, что наряду с обширной литературой памятные даты, связанные с жизнью и деятельностью Ивана Федорова, послужили поводом для проявления буржуазной благотворительности и для некоторых культурных начинаний. В 1883 г. на объединенном торжественном заседании Московского Археологического общества и Общества истории и древностей было решено изыскать средства для устройства школы резчиков по дереву имени Ивана Федорова. В Петербурге С. Добродеев и в печати и на торжественном заседании в Городской думе выдвинул проект об открытии „Первой технической школы печатного дела имени Ивана Федорова“.[1]

В Одессе, в связи с чествованием первопечатника, было основано „Общество графических искусств Ивана Федорова“, в Казани часть денег, собранных по подписке среди работников печатного дела, употребили на открытие „ссудо-вспомогательной кассы казанских типографов и вообще причастных к этому делу лиц“. В 1909 г., ко дню открытия памятника, Московская синодальная типография устроила выставку старопечатных книг

[1] После тридцатилетнего существования, в 1913 г., при праздновании 350-летнего юбилея введения книгопечатания, эта школа получила следующую оценку в № 160 журнала „Наборщик и печатный мир“ в статье „Современные Иваны Федоровы“: „Школа, которая должна быть рассадником технических знаний ..., на деле является одним сплошным недоразумением“.

славянских и русских типографий с 1491 по 1708 г. В связи с этим начинанием типографская библиотека составила Каталог выставки славянских книг в память первопечатника Ивана Федорова 1491—1708. М., 1909. В этом каталоге А. А. Покровским собраны сведения о тираже и стоимости некоторых книг, вышедших из Московской типографии.[1]

В связи с открытием памятника правление вспомогательной кассы типо-литографов в Москве поставило себе целью устроить для престарелых тружеников печатного дела инвалидный дом имени Ивана Федорова, Московское отделение русского общества деятелей печатного дела постановило устроить общеобразовательные курсы для наборщиков и рабочих печатного дела и открыть для них специальную библиотеку и т. д.

Такие мероприятия, как устройство школы резчиков по дереву, открытие „Первой технической школы печатного дела", основание общеобразовательных курсов для наборщиков и рабочих печатного дела и т. п. крайне характерны для благотворительности буржуазии, которая жертвовала деньги из корыстных целей, имея в виду создание нужных ей квалифицированных кадров. А открытие инвалидного дома для рабочих-печатников может рассматриваться как типичная филантропия буржуазии и своеобразное разрешение „рабочего вопроса".

Незаурядная личность Ивана Федорова и его исторические заслуги были предметом юбилеев и в последующие годы.

В 1924 г., в связи с 350-летием со времени выхода в свет львовского Апостола, напечатанного Иваном Федоровым, все западно-украинские культурные центры праздновали 350-летний юбилей введения книгопечатания на Украине. В Львове этот юбилей был организован по инициативе Национального музея и Научного товарищества им. Шевченко. К ним присоединились сначала издательство „Просвещение", а потом и львовские типографии. Состоялись торжественные заседания с докладами, посвященными Ивану Федорову и начальному периоду украин-

[1] А. А. Покровский готовил к печати описание старопечатных книг библиотеки Московской синодальной типографии. В 1917—18 гг. был оттиснут первый корректурный лист этого неосуществившегося издания. Экземпляр помянутого листа есть в Институте книги, документа, письма Акад. Наук.

ского книгопечатания. Национальный музей устроил постоянную и подвижную выставку образцов старо-украинских и старо-славянских изданий. В связи с юбилеем появилась обстоятельная монография директора Национального музея Ил. Свенцицкого „Початки книгопечатаня на землях України. В память 350-літя першої друкованої книжки на Україні у Львові 1573—4 р.“. Жовква. 1924. Журнал „Стара Україна“ выпустил специальное юбилейное издание (1924, II—V), иллюстрированное снимками из львовского Апостола и Острожской Библии. Эмигрант проф. Ив. Огієнко, наряду со специальной монографией об Иване Федорове „Іван Хведорович. Історично-літературна монографія“, посвятил ему I том своей „Історії українського друкарства“ (Львов, 1925 г.).

И в советской Украине была отмечена дата 350-летия появления первой украинской книги. Здесь инициатива в организации юбилейных торжеств принадлежала киевскому Институту книговедения, который на библиографическом совещании в 1931 г. был признан вместе со своим органом „Библиографические известия“ основным „средоточием классово-враждебных сил на Украине“. (См. „Радяньский книгарь“, 1931 от 15 XI, стр. 10 -11). По предложению Института и Киевской Публичной библиотеки был организован юбилейный комитет, в который вошли представители всех важнейших культурных учреждений города: Всеукраинской Академии Наук, Публичной библиотеки, Института книговедения и др. Состоялись открытые торжественные заседания с рядом докладов, была организована выставка украинских старопечатных изданий. Институт Книговедения выпустил юбилейный номер своего периодического органа „Бібліологічні вісти“ — „350 років українського друку. 1574—1924“. Київ. Ч. 1—3. 1924; этой же юбилейной дате посвящен и первый том Трудов Укр. Института книговедения „Українська книга XVI—XVII—XVIII.“ Київ. 1926.

Кроме Киева и Львова, 350-летний юбилей введения книгопечатания на Украине был отмечен в Полтаве, Виннице, Чернигове и других городах.

Из обширной зарубежной украинской литературы, появившейся в связи с юбилеем 1924 года, для настоящей статьи были использованы важнейшие работы: „Початки книгопечатаня на

землях України“ Іл. Свенціцкого, „Історія українського друкарства“, т. І, Ів. Огієнко и юбилейный выпуск журнала „Стара Україна“ за 1924 г. с рядом статей об Иване Федорове. Буржуазные зарубежные исследователи в своих взглядах на Ивана Федорова, первопечатника московского и украинского, остались верны традициям русских буржуазных ученых, выступавших в 1864, 1869, 1883 и 1909 гг. Введение книгопечатания в Москве Ил. Свенцицкий объясняет как выполнение особого задания, стоявшего перед царем и митрополитом Руси, — распространить веру в новоприобретенных землях на Волге, потому что православная вера была одной из главных основ московской власти. Далее Иван Федоров изображается как национально-религиозный герой, который вследствие энергичного протеста реакционных кругов против нововведения эмигрирует в Польшу. После Заблудова Иван Федоров переезжает в центр религиозно-национальной самозащиты бывшего Галицко-Волынского княжества перед натиском католической Польши — город Львов, который естественно казался ему самым подходящим местом для идейной издательской деятельности.

Издание Иваном Федоровым львовского Апостола 1574 г. и связанный с этим событием 350-летний юбилей введения книгопечатания на Украине используются зарубежными авторами для открытой пропаганды идей шовинизма и местного национализма. С особенным удовольствием отмечается появление первой печатной книги на украинской территории, изданной на собственный украинский капитал и для собственной украинской потребности. Для Львова появление первой печатной книги расценивается как факт величайшей важности и значения, потому что он говорит о первенстве Львова в истории украинского книгопечатания; этот город может гордиться „найстарейшей“ украинской книгопечатной культурой, а весь украинский народ может смело и открыто похвалиться „собственным печатанием“ („власним друкарством“).

Одновременно с Иваном Федоровым зарубежные украинские ученые восхваляют князя Острожского, называя его „могучим защитником украинского народа“, стремившимся при помощи своих острожских изданий осуществить ясно выраженное „церковно-национальное“ задание.

Политическая зависимость Западной Украины от Польши оказала несомненное влияние на яркое проявление национализма, которое наблюдается в западно-украинской юбилейной литературе 1924 г.

В изданиях, вышедших в Советской Украине, лишь два автора занялись специально Иваном Федоровым — Григорий Тысяченко и В. Романовский. Их статьи помещены в юбилейном выпуске Библиологических известий Института книговедения; кроме того, обстоятельная статья В. Романовского помещена в упомянутом выше I томе Трудов того же института. Несмотря на то, что эта литература появилась в 1924—1926 гг. и на территории СССР, она тоже не вскрыла классовой сущности деятельности Ивана Федорова и дала освещение некоторых вопросов в духе буржуазной науки. Центральное место принадлежит В. Романовскому. Он поставил своей задачей — собрать в одно целое и систематизировать все известные до него факты об Иване Федорове на историческом фоне второй половины XVI в. По мнению В. Романовского, к этому времени Московская Русь уже переросла средневековые формы государственного и экономического быта. Молодое государство поставило перед собой среди прочих проблем и проблему культурную, в том числе печатное дело. Назревала борьба между старым феодализмом княжат и самодержавной властью великого князя Московского, который опирался на новый многочисленный класс служилых людей. В политической, экономической и умственной жизни страны происходят крупные изменения, и хотя публицистика того времени достигла значительного развития, она удовлетворялась книгами рукописными. Иное дело с книгами религиозными, ошибки в этих книгах вели к ересям. Правящие церковные круги ухватились за книгопечатание как за единственное средство избежать ошибок при размножении книг, которые потребовались в массовом количестве в завоеванных казанских землях. О связи новой реформы с политикой абсолютизма и о преследовании Федорова церковью — В. Романовский умалчивает. Он подчеркивает, что Иван Федоров заслуживает величайшего уважения как человек, беспредельно преданный культурной работе, но его великие исторические заслуги отвлекли современных историков от реального, настоящего «Федоровича»

с его великой энергией и обычными людскими свойствами и превратили его в однобокого, слащавого, романтичного героя, нищего-горемыку. На основании архивных документов, опубликованных С. Пташицким[1] и Ив. Малышевским,[2] В. Романовский пытается изобразить реального Ивана Федорова. В его представлении первопечатник был человеком, который не останавливался ни перед какими препятствиями, у которого были средства к существованию, который выгодно вел свои денежные дела и до конца дней имел кредит. В качестве управляющего имением князя Острожского Иван Федоров, по мнению В. Романовского, проявляет себя как ловкий и твердый администратор, принимающий участие в наездах на соседей.[3] Если того требуют обстоятельства, то первопечатник поступает на службу к королю Стефану Баторию и принимается за литье пушек, которые могли быть употреблены против его же соотечественников. Этот человек знает, что делать и как делать, куда пойти и к кому обратиться, если нужно взыскать долг, защитить себя от клеветы или протестовать против неправильно взыскиваемого налога. Если речь идет об организации типографии или продаже книжек, то тут Федоров проявляет не только энергию, но и увлечение. Таким его знают и уважают выдающиеся люди того времени — Грозный, Ходкевич, Курбский, Острожский, даже Баторий. В заключение В. Романовский приходит к выводу, что Иван Федоров был сын своего времени, не лишенный обычных

---

[1] Пташицкий, С. Л. Иван Федоров, московский первопечатник. Пребывание его во Львове, 1573—1583 (Русская старина, т. 41, 1884, стр. 461—478).

[2] Малышевский, Ив. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника (Чт. в истор. общ. Нестора-летописца, кн. 7, Киев, 1893).

[3] В одном из актов, о которых говорит проф. Малышевский, значится, что 5 апреля 1576 г. бояре и слуги князя Острожского, во главе с управляющим Дерманским монастырем Иваном Федоровым, погромили жителей соседнего села Спасова, отобрали у них двадцать штук рогатого скота, столько же лошадей и вдобавок поранили несколько человек. Другие акты, от 2 июля того же 1576 г., рассказывают про наезд кунинцев (жителей села Кунино близ Дерманского монастыря) на село Спасово, опять во главе с Иваном Федоровым. На этот раз было взято „2 копи грошей литовских", 48 волов с упряжкою, девять топоров и т. д. Кроме того, у спасовских пастухов отобрали скот, побили их и „кожухи с них поздирали", но когда князь Острожский приказал вернуть награбленное имущество, то Федорович „оддаги не хотел и не отдал" (как значится в акте).

людских ошибок, но всю жизнь свою стремившийся к широкой людской культуре. В. Романовский не замечает, что в его изображении Иван Федоров является типичным средневековым феодалом, и в тех фактах, которые характеризуют его с отрицательной стороны (например, набеги на соседей со всеми вытекающими из этого последствиями), Романовский видит положительные качества — ловкость и твердость администратора, энергию и находчивость.

Интересные соображения высказывает Гр. Тысяченко в своей статье „Казковий и реальний образ першодрукаря" о двух работах об Иване Федорове, появившихся в Советском Союзе: В. Анисимова „Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России". П. 1920, и И. Галактионова „Первопечатник Иван Федоров".[1] П. 1922. Гр. Тысяченко указывает, что если бы на этих работах не было дат выхода в свет, то по всему подходу и по скудости опубликованного в них фактического материала их смело можно было бы отнести на пятьдесят лет назад. Он сожалеет, что эти книги распространяются среди работников печатного дела и, вместо правдивого освещения жизни и деятельности Ивана Федорова, извращают представление о первопечатнике и сеют невежество. Действительно, не будет ошибкой присоединить эти работы к юбилейной литературе 1883 г.

Украинский институт книговедения, занявшись по преимуществу биографическими подробностями из жизни и деятельности Ивана Федорова, допустил толкования в духе национально-буржуазного демократизма, приветствуя в Иване Федорове средневекового феодала, видя в гетмане Ходкевиче защитника православной веры, радеющего о религиозно-моральном просвещении, а в князе Острожском сторонника культурных особенностей православного населения Речи Посполитой и распространителя книжного просвещения. Институт книговедения дал по существу буржуазную трактовку деятельности первопечатника, поэтому и не мог связать 350-летнего юбилея введения

[1] Брошюра была издана в связи с переименованием 15-й госуд. типографии (бывшей Р. Голике и А. Вильборг) в типографию имени печатника Ивана Федорова и представляет собою дополненное издание брошюры того же автора, изданной в 1913 г.

книгопечатания на Украине с национально-культурным строительством советской Украины.

От елейно-лампадного Ивана Федорова Московской синодальной типографии в 1864 году до буржуазного национал-демократического Ивана Хведоровича украинского Института книговедения в 1924—1926 гг. — таков диапазон рассмотренной литературы. Эта литература является порождением клерикальных и дворянско-буржуазных кругов, которые занялись и личностью и деятельностью Ивана Федорова, потому что он был для них олицетворением буржуазных добродетелей и его легко было использовать в своих классовых интересах. Из классовых побуждений московский первопечатник рекомендовался в качестве идеального образца бескорыстного поборника просвещения, достойного подражания. Из тех же побуждений была поднята националистическая шумиха украинскими зарубежными контр-революционерами и их подголосками в Советской Украине.

Совсем иначе подошел к 350-летию со дня смерти Ивана Федорова, исполнившемуся 6 декабря 1933 г., Институт книги, документа, письма Академии Наук. В связи с юбилейной датой Институт поставил перед собой несколько задач: во-первых, выяснить действительные классовые причины возникновения книгопечатания и социальную роль изданий Ивана Федорова, тем самым восстановить настоящее лицо первопечатника и дать в новом освещении его деятельность; во-вторых, подвергнуть пересмотру с точки зрения марксизма существующие дворянскобуржуазные трактовки деятельности Ивана Федорова; в третьих, привлечь внимание работников полиграфической промышленности к моменту возникновения книгопечатания в России, к колоссальным достижениям Советского Союза в области книжной продукции, напомнить им характеристику, данную ЦК ВКП(б) печати, как „сильнейшему орудию борьбы, незаменимому средству просвещения, пропаганды, агитации“,[1] и, в частности, заинтересовать их научно-исследовательской работой Института.

27 III 1934 г.

[1] Из письма ЦК „О дне печати“. 1922 г.

А. С. ЕМЕЛЬЯНОВ

СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ИВАН ФЕДОРОВ[1]

Деятельность печатника Ивана Федорова, положившего основание печатной книге в феодальной Руси, была отмечена советской общественностью в декабре 1933 и январе 1934 года, в связи с трехсотпятидесятой годовщиной смерти первопечатника. Вспоминая о жизни и работе Ивана Федорова, советская наука, вместе с широкой общественностью, справляла юбилей русской печати.

О московском первопечатнике писали много, однако особое внимание, в публицистической литературе по преимуществу, привлекала к себе фигура печатника в юбилейные моменты. Масштабы бывших юбилеев имели тенденцию к росту по мере того, как повышалось значение печати в общественной жизни страны. Чем более значительную роль играли книга, журнал, газета, печать вообще, в руках господствующего класса, тем внимательнее отмечались юбилейные даты, тем параднее и шире

---

[1] При составлении настоящей заметки, автор ограничился поставленной перед ним задачей — сообщить о юбилейных мероприятиях в Ленинграде главным образом, а также и в Москве, поскольку это возможно было сделать по печатным источникам. Использованы также и другие материалы, имеющиеся в Институте книги, документа, письма.

был и сам юбилей.[1] Иван Федоров, в специфическом освещении его жизни и деятельности, неизменно оказывался удобным объектом и орудием в укреплении буржуазно-дворянского строя. Росла и крепла выгодная последнему легенда о первопечатнике-герое, национально-религиозном страдальце, опоре „православия, самодержавия и народности". Печатника заставляли служить царской России до последних ее дней, создавая о нем псевдонаучное представление.[2]

Очередной юбилей русской и украинской книги отмечается нами в новых условиях. Печатное слово получило у нас невиданный в прежние времена размах по количеству и действенности. До Октябрьской революции Россия была едва ли не самой отсталой среди капиталистических стран в области книго- и газетопечатания. В настоящее время Советский Союз вышел на первое в мире место по количеству и массовости изданий: в 1932 г. в СССР издано больше, чем в Германии, Англии, США и Франции, вместе взятых;[3] непрерывно укрепляется полиграфическая база советского издательского дела, освобождаясь с успехом и в этой отрасли от заграничной зависимости. В руках победившего рабочего класса и его партии печать стала сильнейшим и острейшим орудием в борьбе за переустройство мира.[4] „В руках рабо-

---

[1] К примеру, юбилейный 1883 год (трехсотая годовщина смерти первопечатника) дал до одной пятой всей литературы об Иване Федорове.

[2] Впрочем, уже и при советской власти, в 1924 г., Иван Федоров был использован классово-враждебными элементами в своих целях, когда в УССР отмечалось 350-летие украинского книгопечатания (1574 — выход в свет львовского Апостола). Празднование прошло под знаком роста украинского шовинизма.

[3] В Германии вышло	20 842	названия
„ Англии	13 702	„
„ США	9 800	„
Во Франции	7 023	„
Всего в 4 странах	51 367	названий
В СССР вышло	61 000	„

[4] Приводим показатели по газетам:

Разовый тираж газет в России в 1913 г. — 2.7 млн. экземпляров;

в СССР:

1927	7.6	млн. экз.
1930	22.1	„ „
1931	32.1	„ „
1932	36.0	„ „

чего класса печать — сильнейшее орудие борьбы, незаменимое средство просвещения, пропаганды, агитации, организации широких масс; с другой стороны, в руках наших врагов печать является орудием затемнения сознания трудящихся, их закабаления и угнетения" (из письма ЦК ВКП(б) „О дне печати", 1922). Развитие науки и хозяйства, рост просвещения, культурный уровень населения требуют таких темпов роста книгоиздательского дела,[1] которые немыслимы в капиталистическом мире, где книгопечатание, подобно всей буржуазной, фашизирующейся культуре, переживает глубокий упадок.

Поставленные перед советской наукой задачи юбилея очевидны уже из того, что было сказано выше. Восстановить подлинное лицо исторического Ивана Федорова, человека своей эпохи; уяснить классовый смысл его деятельности, наряду с разоблачением псевдо-научных представлений в литературе об Иване Федорове; попытаться подвести итог тому, что было сделано наукой по изучению начального периода книгопечатания в феодальной Руси; привлечь внимание исследователей к вопросам истории книгопечатного дела в России и СССР и к многообразным проблемам, связанным с ролью печати во вторую пятилетку, — таковы примерно были задачи нынешнего юбилея.

Институт книги, документа, письма был подготовлен к работам по Ивану Федорову своими предыдущими занятиями; история русской книги систематически в нем разрабатывается. Упомянем здесь работы, которые примыкают к вопросу о начале русского книгопечатания; это прежде всего работы акад. А. С. Орлова: „Книга — орудие социальной борьбы" (Труды Комиссии по древне-русской литературе Акад. Наук СССР, т. I, 1932),[2]

Орган ЦК и МК ВКП(б) „Правда":

в 1917 г.	200 000 экз.
„ 1927 „	620 000 „
„ 1932 „	2 300 000 „

Ежедневный тираж газет в СССР — 48 млн. экз. (1933). Метраж ежедневного тиража газет в СССР в 1933 г. мог опоясать Землю по экватору.

[1] Первый год первой пятилетки дал 34 800 названий с тиражом 276 млн. экз.; последний год первой пятилетки — 61 600 назв., с тиражом 1049 млн. экз.

[2] Первоначально прочитана в виде доклада в Московско-Нарвском доме культуры (Ленинград), 25 мая 1931 г., под названием „Преследование книги в древней Руси".

„Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды“ (Доклады Акад. Наук СССР, сер. В, № 3, 1931). Затем, Институт готовил выставку по проблеме перехода рукописной книги в печатную (на русском же материале); временная экспозиция подобранных материалов была сделана в 1931 г.

Из юбилейных мероприятий отметим прежде всего выставку, посвященную Ивану Федорову, „Славянское книгопечатание в эпоху разложения феодализма“, развернутую в Институте к 16 декабря 1933 г. (годовщина смерти печатника — по новому стилю). В основу выставки положена как западно- и юго-славянская, так и московская и украинская первопечатная продукция, из собраний Библиотеки Академии Наук и Института.

В первом разделе выставки представлены древнейшие образцы печатания славянскими буквами за пределами России в эпоху, предшествовавшую Ивану Федорову: Швайпольт Феоль (Часослов, Триодь Постная — Краков, 1491, и др.); Франциск Скорина (Библейские книги — Прага, 1517—1519; Малая Подорожная Книжица — Вильно, 1525); Примус Трубер (Артикулы Правой Веры — Тюбинген, 1562, кириллицей и глаголицей); Божидар Вукович (Служебник — Венеция, 1519; Псалтирь — Венеция, 1520; Молитвослов — Венеция, 1547); Иероним Загурович (Служебник — Венеция, около 1570);[1] Кореся и Мануил (Евангелие — Шебеж, 1579).[2]

Следующий раздел посвящен предшественникам Ивана Федорова и ему самому. Из недатированных работ, предшествовавших первопечатному Апостолу, отметим: первопечатные Евангелия (около 1562—1563). Работы Ивана Федорова и Петра Мстиславца — первопечатный Апостол, 1564; Евангелие Учительное — Заблудов, 1569. Работа одного Ивана Федорова: Львовский Апостол — 1574.

Дальше следуют работы Петра Мстиславца и Ивана Федорова после 1574 года: Евангелие напрестольное, Вильно, 1575; Псалтирь — Вильно, 1576, работы П. Мстиславца в типографии Мамоничей; Острожская Библия (три экземпляра), работы

---

[1] Послесловие датировано 1554 г.

[2] Для придания большего значения своей работе, они называют ее написанной, а не напечатанной.

Ивана Федорова — Острог, 1580 и 1581; его же работы Новый Завет и Псалтирь (два экземпляра) — Острог, 1580.

В последнем разделе представлены работы учеников Ивана Федорова и Петра Мстиславца: Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев (Псалтирь — Москва, 1568); типография Мамоничей (Литовский Статут, 2 экз., курсивом разного набора — Вильно, 1588; Евангелие Учительное — Вильно, 1595); работы Андроника Тимофеева Невежи (Триодь Постная — Москва, 1589; Триодь Цветная — Москва, 1591; Октоих — Москва, 1594; Апостол — Москва, 1597); работы Ивана Андроникова Невежи (Апостол — Москва, 1606; кроме того, Василий Великий — Острог, 1594; и Четвероевангелие — Москва, 1627, экз. дефектн., без нач. листа).

Выставка иллюстрирована многочисленными фотоснимками: начальные листы, гравюры, заставицы и концовки из первопечатных изданий, книгопечатный знак Ивана Федорова, древнейшие печатные станки, виды Московского печатного двора, надгробная плита на могиле Ивана Федорова, памятник ему в Москве и т. п.

На особом щите представлены сведения о книжной продукции в Советском Союзе, в сопоставлении с довоенным временем и положением печати в странах капитализма в настоящее время.[1]

Эта выставка перенесена была на один день в Большой конференц-зал Академии Наук,[2] где 18 декабря 1933 г. Отделение общественных наук Академии Наук СССР устроило торжественное заседание. С краткой речью выступил президент Академии, акад. А. П. Карпинский. Вступительное слово произнес академик-секретарь Отделения общественных наук А. С. Орлов. В торжественном заседании были предложены доклады:

Чл.-корр. Акад. Наук А. И. Малеин „Западноевропейская книга ко времени Ивана Федорова“.

Проф. С. Н. Чернов „Из истории науки и техники в Московском государстве первой половины XVI века“.

---

[1] Частично материалы этого раздела использованы в начале настоящей статьи. Более подробно об этой выставке см. статью Р. М. Тонковой „Выставка славянской печатной продукции эпохи разложения феодализма“ (Вестник Акад. Наук, 1934, № 4, стр. 53—58).

[2] Показ выставки проводил чл.-корр. Акад. Наук А. И. Малеин.

Проф. Б. Д. Греков „Типографское дело и состояние производительных сил в Московском государстве XVI века".

Проф. А. И. Некрасов (Москва) „Первопечатная русская гравюра".

Проф. В. Г. Чернобаев „Начало книгопечатания у западных славян"[1] и другие.

В конце заседания с кратким словом выступил акад. Н. С. Державин.

Юбилей русской книги был отмечен Академией Наук СССР не только в своих стенах,[2] и это понятно. Крупнейшие события науки вызывают в нашей стране особый интерес в широких массах трудящихся;[3] трехсотпятидесятая годовщина смерти первого русского печатника привлекла к последнему внимание в среде рабочих полиграфического производства. По приглашению Ленинградского областного комитета Союза печатников, Институт книги, документа, письма организовал выезды бригад научных сотрудников, с участием академиков, в типографии Ленинграда и в „Дом печати". Участники бригад выступали в общих собраниях рабочих предприятия с докладами о жизни и деятельности Ивана Федорова, сопровождая чтение докладов показом световых картин (диапозитивы), изготовленных по подбору Института. Вместе с тем, читались доклады о западноевропейской книге ко времени Ивана Федорова; о состоянии науки и техники в Московском государстве в XVI в.; об успехах книжного дела в СССР. В выездах принимали участие:

---

1 За недостатком времени прочитан не был.

2 В газете „За социалистическую науку" помещены были, кроме отдельно отмеченных в настоящем обзоре, статьи: „Первый русский печатник" — в № 22 (от 10 XII 1933); „От И. Федорова до наших дней"; „Западноевропейская книга времени Ивана Федорова" — в № 23 (от 21 XII 1933); „ИКДП на предприятиях" — в № 3 (от 28 I 1934).

3 В „Известиях ЦИК СССР и ВЦИК" напечатана статья А. Гарри „Первопечатник" — в № 303 (от 15 XII 1933). Комсомольская газета „Смена" (Ленинград) посвятила Ивану Федорову специальную страницу в № 281 (от 8 XII 1933), под общей шапкой: „К 350-летию со дня смерти первого русского печатника Ивана Федорова. Три с половиной века. Всеобщим обучением грамоте, миллионными тиражами книг, газет и журналов, печатными газетами на фабриках, заводах, в МТС, колхозах и совхозах встречает Советский Союз эту дату . . ." и т. д. Многие газеты откликнулись на юбилей в той или иной форме.

академики А. С. Орлов, Н. С. Державин и др.; член-корр. Акад. Наук А. И. Малеин, П. Н. Берков, С. Н. Чернов, Р. М. Тонкова, И. В. Новосадский, А. С. Емельянов и др.

Вечера с докладами состоялись:

1. В типографии им. Лоханкова, совместно с типографией им. Ивана Федорова — 20 декабря.[1]

2. В типографии им. Володарского („Красная Газета“) 23 декабря.[2]

3. В типографии „Ленинградской Правды“ — 26 декабря.[3]

4. В типографии им. Евг. Соколовой — 27 декабря.

5. В „Доме печати“ — 29 декабря.

6. В типографии „Печатный Двор“ — 31 декабря.

Типография „Лен. Правды“ издала к собранию специальный выпуск своей печатной газеты „Ленинградский правдист“, 25 декабря 1933 г., № 41, орган коллектива ВКП(б) и ФЗК редакции и типографии „Лен. Правды“. Общая шапка в этом выпуске: „Советский Союз занял первое место в мире по книгопечатанию. Только в СССР, где культурно растет пролетариат, книге принадлежит исключительно почетная роль“. В номере были напечатаны специальные статьи к юбилею:

„Мы отмечаем“ (вместо передовой); В. Дружинин „О предках и потомках“; Р. Тонкова „Иван Федоров, друкарь-москвитин. К 350-летию со дня смерти“. Помещены также иллюстрации: печатный двор в боярской Москве, первый печатный станок, Иван Федоров, книгопечатный знак Ивана Федорова в соединении с гербом гор. Львова, средневековая типография, книжная продукция в 1932 г. в СССР и в важнейших западных странах (диаграмма), советская ротация зав. им. т. Ягоды (Рыбинск).

Собрания ИТР и рабочих на предприятиях были по основной повестке посвящены историко-книжным вопросам; но страстная целеустремленность нашей эпохи отличным образом связывала прошлое с настоящим. Почти во всех случаях говорили также о задачах предприятия в данный момент: выполнить и перевы-

---

[1] См. статью „Ученые — в типографских цехах“ в газете „За социалистическую науку“, 1934, № 2 (от 20 января).

[2] См. статью чл.-корр. Акад. Наук А. Н. Малеина в газете „За социалистическую науку“, 1934, № 3 (от 28 января).

[3] См. краткую заметку в газете „Лен. Правда“, 1933, № 299 (от 27 декабря).

полнить производственное задание (некоторые типографии выполнили план первого года второй пятилетки еще в конце ноября, другие в начале декабря), добиться новых успехов к XVII партийному съезду и т. д.

Перед собранием руководство типографии знакомило бригаду с производственным процессом во всех стадиях; тут же бригада знакомилась с лучшими ударниками и старыми производственниками. Особенно любовно показывали плоды изобретательской мысли и советское оборудование.

Один из участников бригады говорит о своем посещении типографии им. Лоханкова: „Что остановило особенно наше внимание—это разнообразие машин и качества их: рядом с массивным великаном — английской машиной — работали германские, а за ними — наша гордость — печатная машина советского производства, показавшая наглядно, как мы и в этой области освобождаемся от дорогостоящего импорта из-за границы. Нам показали и два достижения типографии, обязанные изобретательству ее персонала. Первое — подвижная тележка-платформа для подачи готового набора к машине без риска его рассыпать; второе — гораздо значительнее: сконструированную силами типографии машину, печатающую в 2 краски, с номератором. При этом замечательно то, что эта машина построена не на специальном заводе, а в слесарной мастерской при типографии и притом из «утиля», как объяснил нам любезный хозяин — директор типографии т. Аксельрод.

„...В этой типографии им. Лоханкова на развалинах б. синодальной типографии объединены были целых 4 относительно малых типографии, положившие основу теперешней. Создание нового из обломков, из утиля — вот результат напряжения доброй воли всех работников типографии, недаром заслужившей недавно переходящее почетное знамя. Наш поход оставил глубокое впечатление. Мы соприкоснулись с жизнью на стыке наших интересов и возможностей полиграфического производства. А внимательное, приветливое и заботливое отношение к нам хозяев показало, какое глубокое уважение питают они к Академии Наук, представителями которой мы являлись“.[1]

[1] „За соц. науку“, 1934, № 2 (от 20 января).

Выступавшие в типографиях представители науки говорили о том подъеме, который они испытывают, столкнувшись лицом к лицу с книжниками-практиками; ИТР и рабочие дали ряд предложений по поводу направления и содержания исследовательской книговедческой работы. Научные работники могли на деле убедиться в том, что у нас есть все предпосылки к достижению задачи, поставленной вторым пятилетним планом — уничтожение разницы между физическим и умственным трудом: во всех типографиях говорят о создании своей лаборатории, исследовательской ячейки, где бы работали лучшие ударники-рационализаторы. Научные работники могли убедиться в том, что новые, социалистические формы труда внедрились в производство и что научная работа, пожалуй, немножко в этом отстает.[1]

Кроме выездов, акад. А. С. Орлов прочитал лекцию по радио „Русской книге 350 лет" — 24 XII 1933.

Из ленинградских учреждений упоминаем еще Общество коллекционеров; одна его секция (библиофилов и экслибрисистов) устроила свое заседание 16 XII 1933, посвященное памяти первопечатника, с докладом М. Н. Куфаева „Первопечатник Иван Федоров".[2]

Юбилей русской книги в Москве был отмечен рядом торжественных заседаний:

1) 14 декабря 1933 г. — Ученый совет Гос. Центр. книжной палаты.

2) 5 января 1934 г. — Научно-исследовательский институт полиграфической и издательской промышленности ОГИЗ, в клубе 1-й Образцовой типографии.

3) 16 января 1934 г. — Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина и Всесоюзное научно-инженерно-техническое общество полиграфии, в помещении Литературного музея Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

---

[1] Следует отметить, что успехом и результатами выездов Институт книги, документа, письма обязан как руководящему составу типографий, так и Обл. комитету Союза печатников; последний внимательно отнесся ко всем своим обязательствам организационного порядка (отв. секретарь ОК т. Егоров, зав. Культотделом А. В. Пушкин, пом. зав. культотделом М. И. Марголин).

[2] Выпущена к заседанию специальная памятка.

4) 25 февраля — Московский отдел Всероссийского общества филателистов (Секция собирателей книг и экслибрисов), в гравюрном кабинете Гос. Музея изобразительных искусств.[1]

В московских заседаниях выступали: В. И. Невский, Б. М. Волин, М. И. Щелкунов, А. И. Кондратьев, А. С. Зернова, Г. П. Георгиевский, А. И. Некрасов, А. И. Соловьев, А. А. Покровский.

Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина организовала в помещении Литературного музея две выставки: 1) изданий Ивана Федорова и литературы о нем, и 2) западноевропейских изданий эпохи возникновения книгопечатания в Московском государстве.

Более подробных сведений о проведении в Москве юбилея Ивана Федорова в прессе не было.

Юбилейная почтовая марка памяти Ивана Федорова.

Еще один штрих для характеристики юбилея: Народный комиссариат связи СССР выпустил в декабре 1933 г. юбилейные почтовые марки двух цветов (в 20 и 40 копеек), с изображением на переднем плане, в центре, памятника Ивану Федорову в Москве и на заднем плане, по бокам, древнейшего печатного станка и современной ротационной машины.

Данные о праздновании юбилея в провинции и в братских республиках в печати не выявлены, однако несомненно, что и здесь событие это встретило живой и сочувственный отклик. Недаром „Известия“ писали по поводу юбилея Федорова следующее:

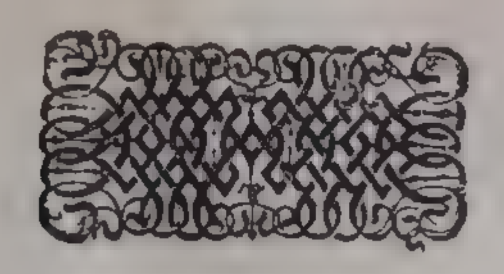
„Мы отмечаем 350-летие со дня смерти русского первопечатника Ивана Федорова в дни, когда в бывшей царской России, ныне социалистической республике труда, книга и печатное слово подняты на высоту, до сих пор неизвестную в истории человечества.

„...В нашей стране типографии и бумажные фабрики не успевают удовлетворить спрос, утолить громадную жажду про-

---

[1] Выпущена специальная памятка.

свещения, родившуюся у нас в результате шестнадцати лет Октября. Культурный рост населения в темпах своего развития оставил далеко позади возможности нашей молодой полиграфической и бумажной промышленности... И хотя мы ежедневно осваиваем новые виды полиграфических машин, хотя наши бумажные фабрики ежемесячно увеличивают выход продукции, перед нашими отечественными Иванами Федоровыми лежит еще громадное поле деятельности..."

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ИВАНА ФЕДОРОВА 1564—1933 гг.

Составила А. П. ЛЕБЕДЯНСКАЯ

Под редакцией А. Г. ФОМИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Деятельность Ивана Федорова тесно связана с началом книгопечатания на Руси, и библиография первого является одновременно и библиографией второго.

В настоящих „Материалах для библиографии Ивана Федорова“ зарегистрирована лишь литература, специально посвященная ему и работам его печати.

Эта литература, за исключением „юбилейной“ в журналах и газетах, невелика, значительных же трудов совсем мало, да и они посвящены отдельным периодам деятельности Ивана Федорова — московскому, заблудовскому, львовскому, дерманскому и острожскому. Обстоятельной монографии, всесторонне освещающей деятельность Ивана Федорова, до сих пор не имеется.

Настоящая работа не представляет собою полной библиографии Ивана Федорова, а является лишь материалами для нее и не претендует на исчерпывающий учет всей литературы о нем Основной задачей „Материалов для библиографии Ивана Федорова“ было — объединить библиографические указания, разбро-

санные в различных трудах и до сих пор не собранные воедино. Главными источниками настоящей работы послужили описания старопечатных книг В. С. Сопикова (см. № 31), П. М. Строева (см. №№ 41, 46, 53), В. М. Ундольского (см. № 92), И. П. Каратаева (см. №№ 74, 104), П. И. Кеппена (см. № 40), И. П. Сахарова (см. №№ 55, 64), П. А. Гильдебрандта (см. №№ 97, 98), А. С. Родосского (см. № 187), А. И. Миловидова (см. №№ 262, 263), библиографические указатели Н. П. Смирнова (см. № 218), Д. В. Ульянинского (см. № 280), А. В. Мезьер (см. № 357), а также каталоги разных крупных библиотек и выставок. При учете украинской литературы использованы труды И. Огиенко (см. №№ 499, 519) и журналы: „Бібліологічні вісті" (Киев) и „Стара Україна" (Львов). Кроме того, учтены библиографические указания, сделанные в примечаниях в разных работах. Извлеченный из этих источников материал просмотрен de visu, за исключением немногих изданий, которых не имеется в центральных книгохранилищах Ленинграда — Библиотеке Академии Наук СССР и Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Эти издания отмечены знаком *. К материалам, извлеченным из отмеченных печатных источников, присоединены библиографические указания, собранные сотрудниками Института книги, документа, письма Академии Наук СССР — П. Н. Берковым, А. И. Малеиным и Р. М. Тонковой.

В „Материалы для библиографии Ивана Федорова" включена литература о нем на разных языках, напечатанная в виде отдельных книг, журнальных и газетных статей в России (1564—1917), СССР (1918—1933) и за границей — главным образом в Западной Украине (Галиции) и Польше (1658—1928).

„Материалы" разделены на две части: I. Источники для изучения деятельности Ивана Федорова и II. Литература о нем. В свою очередь первая часть разбита на три отдела: 1) Предисловия и послесловия к книгам, напечатанным Иваном Федоровым, 2) Акты, 3) Послания; вторая часть — на два отдела: 1) Литература об Иване Федорове, напечатанная на разных языках в России (1632—1917) и СССР (1918—1933), 2) Литература об Иване Федорове, напечатанная на разных языках за границей (1658—1928). В рамках каждого отдела материал расположен в хронологическом порядке. Такое расположение лите-

ратуры об Иване Федорове дает картину развития научного и общественного интереса к нему. Книги, вышедшие не в одном издании, указаны под годом появления первого издания. В пределах года книги и статьи следуют в алфавите авторов и заглавий анонимных и коллективных трудов. Пересказы, дополнения, исправления, оттиски, перепечатки и рецензии отмечены при описании соответствующей работы. Если заглавие книги или статьи не дает ясного представления об ее содержании, оно указано в аннотациях. Дополнения и пояснения составительницы указателя заключены в прямые [ ] скобки.

I. Источники для изучения деятельности Ивана Федорова

1. Предисловия и послесловия к книгам, напечатанным Иваном Федоровым

1564 г.

1. Апостол. М. Послесловие.

1565 г.

2. Часовник. 1-е и 2-е изд. М. Послесловия.

1569 г.

3. Евангелие учительное. Заблудов. Заглавие, предисловие.

1570 г.

4. Псалтирь с Часословцем. Заблудов. Предисловие.

1574 г.

5. Апостол. Львов. Послесловие: „Повесть, откуда начася и како свершися друкарня сия“.

1580 г.

6. Новый завет и Псалтирь. Острог. Предисловие.

1580—1581 гг.

7. Библия. Острог. 1-е изд. Выход. 2-е изд. Предисловие. Выход.

2. Акты

1573—1584 гг.

8. Акты львовские: **Ptaszycki, St.** Iwan Fedorowicz drukarz ruski we Lvowie z końca XVI wieku. — „Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności", Kraków, 1886, XI, стр. 21—43.

Перепечатано: **Ptaśnik,** см. № 476.

1575—1576 гг.

9. Акты луцкие: **Малышевский, И. И.** Новые данные для библиографии Ивана Федорова, русского первопечатника. — „Чтения в Истор. обществе Нестора-летописца", 1893, кн. 7, стр. 111—116.

1578 г.

10. Акт луцкий: **Романовський, В.** Друкар Іван Федорович, його життя та діяльність. — „Труди Українськ. науков. інституту книгознавства", т. I, Українська книга XVI—XVII—XVIII ст., 1926, стр. 54—55.

1583 г.

11. Договор с Гринем Ивановичем (учеником И. Федорова): „Архив Юго-Западной России", ч. I, т. X, Киев, 1904, стр. 430—433, № 169.

12. Акт краковский: ***Pawiński, A.** „Żródła dziejowe", т. IX, ч. II, Warszawa, 1881, стр. 119.

Пересказ.: **Огиенко,** см. № 519.

1584 г.

13. Акт львовский (судебный приговор о типографии И. Федорова): Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis sumptibus Instituti Stauropigiani edidit Dr. Wladimiris Milkowicz. Tomus I, Leopolis, 1895, № 74, стр. 103—104.

1585—1588 гг.

14. Акты львовские: ***Bostel, F.** Przyczynek do dziejów pierwszej ruskiej drukarni we Lwowie. — „Pamiętnik Literacki“, 1902, 1, 2, стр. 294—303.

Пересказ: **Огиенко, см.** № 519.

3. Послания

1585—1587 гг.

15. Послания львовского епископа Гедеона Балабана 8 ноября 1585 г. и 10 декабря 1586 г.: „Monumenta“ ... (см. № 13), № 79, стр. 111; № 89, стр. 142; 1 мая 1587 г.: — Юбилейное издание в память 300-летнего основания Львовского Ставропигийского братства. Т. I, Львов, 1886, Документы, № 85, стр. 58.

1589 г.

16. Послание патриарха Иеремии 6 ноября 1589 г.: Юбилейное издание... Т. I, Львов, 1886, Документы, № 86, стр. 59 (на украинском языке). — „Архив Юго-Западной России“, ч. I, т. X, Киев, 1904, № 176, стр. 442 (на греческом языке).

II. Литература об Иване Федорове

1. Литература об Иване Федорове, напечатанная на разных языках в России (1632—1917) и СССР (1918—1933)

XVII ВЕК

17. Трефологий. М., 1632, Послесловие.

Издание в настоящее время неизвестно; сведение о нем находится у Сопикова, см. № 31, ч. I, стр. LXXIX.

— *То же*: М., 1636—1638 [июньская четвергъ], лист 972 об., Послесловие. Начало книгопечатания.

18. Сказание известно о воображении книг печатного дела [Рукопись XVII в.]. — См. Строев, П., № 46, Приложение II, стр. 439—440.

Другая редакция: Сказание известно и написание вкратце о блазем сем деле и воображении печатном и о его пресечении. — Там же, Приложение III, стр. 450—451.

1727 г.

19. **Поликарпов, Федор.** См. № 311, Приложение I.

1745 г.

20. **Димитрий, митр. Ростовский.** Розыск о раскольнической Брынской вере, о учении их, о делах их; и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодна. М., 1745, ч. 1, гл. 8, л. 9 об.

Начало книгопечатания на Руси.

1748 г.

21. **Тредиаковский, В.** Разговор между чужестранным человеком и российским о ортографии. СПб., 1748, стр. 101.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

1776 г.

22. **Bacmeister, Jean.** Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg, 1776, стр. 31, 98 103.

Перевод на немецкий яз.: 1777.
Перевод на русский яз.: 1779.
Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

1777 г.

23. **[Херасков, М. М.].** О письменах Словенороссийских и тиснении книг в России. — „Утренний свет", 1777, ч. 1, сентябрь, стр. 59; 2-е изд., 1779, ч. 1, стр. 206.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

1783 г.

24. **Штритер, Иоган-Готгилф.** Описание первого издания в печать и перевода на российских язык священной Библии в 1517—1519 годах. — „Опыт трудов Вольного российского собрания", 1783, ч. VI, стр. 177—194.

Острожская Библия.

1785 г.

25. **Дамаскин, еп. [Семенов-Руднев, Д.].** См. № 108.

XIX ВЕК

1806 г.

26. [Евгений, митр. (Болховитинов, Е. А.)]. Иоанн Федоров. — Продолжение нового опыта Исторического словаря о Российских писателях. — „Друг просвещения“, 1806, ч. IV, стр. 147—156.

27. Что сделано в России для просвещения и для славы отечества от времен Рюрика до Петра Великого. — „Вестник Европы“, 1806, № 1, стр. 19.

Начало книгопечатания и И. Федоров.

1808 г.

28. Heideke. Ueber die Einführung und den Fortgang der Buchdruckerkunst in Russland. — „Janus oder Russische Papiere“, Riga, 1808, Erstes Heft, стр. 25, 26, 28.

1813 г.

29. Е[вгений, митр. (Болховитинов, Е. А.)]. О славяно-русских типографиях. — „Вестник Европы“, 1813, ч. LXX, № 14, стр. 107—113.

30. Калайдович, К. Иоанн Федоров, первой московской типографщик. — „Вестник Европы“, 1813, ч. LXXI, № 18, стр. 93—123.

31. Сопиков, Василий. Опыт Российской библиографии. Ч. I, СПб., 1813, стр. LVI—LXV, LXXIX, XCIV, 18, 45, 154, 298; №№ 73, 74, 109, 703; ч. 5, СПб., 1821, стр. 150—154, 168—170; №№ 12897, 12898, 12984.

— [2-е изд.]. Редакция, примечания, дополнения и указатель В. Н. Рогожина. Изд. А. С. Суворина. СПб., 1904—1908.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

Пересказ: **Linde, S. B.** O literaturze Rossyyskiey podług dzieła bibliograficznego Sopikowa. — „Pamiętnik Warszawski“, 1816, ч. IV, стр. 287, 290—292, 295—296; ч. V, стр. 3—9, 139.

Рецензия: **Кеппен, П.** — „Библиограф. листы“, 1825, № 3, стр. 37—39.

1818 г.

32. [Евгений, митр. (Болховитинов, Е. А.)]. Иоанн Федоров. — Словарь исторический о бывших в России писателях

духовного чина, грекороссийския церкви. Ч. 1, СПб., 1818, стр. 273—281, 284.

— 2-е изд., ч. I, СПб., 1827, стр. 260—268, 270.

Во втором издании упоминается надгробная плита с могилы И. Федорова и приводится надпись.

1821 г.

33. Карамзин, Н. М. История государства Российского. Т. IX, СПб., 1821, стр. 50—51; примечания, стр. 27—29, №№ 89—92.

Начало книгопечатания на Руси и деятельность И. Федорова.

1822 г.

34. Берх, Василий. Известия о Евангелии, напечатанном в 1575 г. в Вильне. — „Северн. архив", 1822, ч. 2, № 8, стр. 101 103, 107.

35. Калайдович, К. Записка об Иоанне Федорове. — „Вестник Европы", 1822, № 11, стр. 294 -302; № 14 — снимок с надгробия.

Перевод: [G., B., tłom.]. Wiadomosc o Janie Synie Teodora pierwszem Drukarzu Ruskim przez P. Kałaydowic a (z pisma pod tytulem Wiestnik Europy). — „Pamiętnik Warszawski", 1823, т. IV, стр. 212—215.

36. Кеппен, П. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822, стр. 87—89, 95.

Библиография И. Федорова, его биография и надгробие.

37. Надгробный памятник первого русского типографщика. — „Вестник Европы, 1822, № 14.

Снимок с рисунка П. И. Кеппена.

1823 г.

38. Калайдович, К. Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудовье 1569 года первыми московскими типографщиками. — „Северн. архив", 1823, ч. V, № 4, стр. 318—326.

39. Lelewel, I. Bibliograficznych ksiąg dwoje. Historyczny obraz drukarń i drukarstwa w Polszcze. Wilno, 1823, т. I, стр. 189, 206.

Типографии И. Федорова в Заблудове, Львове и Остроге.

1825 г.

40. Кеппен, П. Хронологическая роспись первопечатным словенским книгам. — „Библиограф. листы“, 1825, № 21, стр. 293—295, 297, №№ 217, 233, 238, 256, 258.

Книги печати И. Федорова.

1829 г.

41. Строев, П. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке тайного советника, сенатора, двора его императорского величества действительного каммергера и кавалера, графа Федора Андреевича Толстова. [*На обложке*: Описание старопечатных книг славянских и российских графа Ф. А. Толстова]. М., 1829, стр. VIII—IX, 25—40, 45—60, №№ 16, 17, 18, 21, 22.

Начало книгопечатания на Руси, деятельность И. Федорова и описание книг его печати.

1830 г.

42. Снгрв, И. [Снегирев, И.]. О первой псалтыри Невежи Тимофеева и Никифора Тараснева. — „Вестник Европы“, 1830, № 13, стр. 59.

1832 г.

43. Соколов, П. Каталог обстоятельный книгам богословским церковной и гражданской печати, находящимся в І-м отделении библиотеки императорской Академии Наук. СПб., 1832, стр. 1, 2, №№ 1, 31.

Книги печати И. Федорова.

1833 г.

44. Реестр старопечатных славянских книг, находящихся в библиотеке А. С. Ширяева. М., 1833, №№ 5—7, 10—11.

Книги печати И. Федорова.

1835 г.

45. Снегирев, проф. Древнейшие памятники славянских типографий. — „Учен. записки имп. Моск. унив.“, 1835, ч. IX, стр. 168—169.

Упоминание об И. Федорове.

1836 г.

46. Строев, П. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского первой гильдии купца и Общества истории и древностей российских благотворителя Ивана Никитича Царского. [*На обложке*: Описание старопечатных книг Ив. Ник. Царского]. М., 1836, стр. 8, 11, 14, 19—21, №№ 15, 17, 19, 23, 24; Приложения, стр. 439—440, 450—451.

Книги печати И. Федорова.

1837 г.

47. Глаголев, А. Записки русского путешественника с 1823 по 1827 год. СПб., 1837, ч. I, стр. 146—147.

— 2-е изд., 1845, ч. I, стр. 146—147.

Надгробная плита И. Федорова во Львове.

1838 г.

48. О славяно-русских типографиях в Галиции и Лодомирии. — „Журн. мин. нар. просв.“, 1838, кн. 9, стр. 562—565.

Пересказ статьи Зубрицкого, см. № 411.

49. Сахаров, И. Первые русские типографщики. — Сборник на 1838 г. СПб., [1838], стр. 1—10. — См. № 96.

50. Ч[ертков], А. Всеобщая библиотека России или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. Редкие книги церковной печати. Прибавление к статье VIII. М., 1838, стр. 434, №№ 3, 4, 5, 6. — Прибавление второе. М., 1845, стр. 356.

Книги печати И. Федорова.

1840 г.

51. Роспись книгам и рукописям императорской Российской академии. СПб., 1840, № 11, 13, 56, 57, 87.

Книги печати И. Федорова.

52. Снегирев, Иван. О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве. — Русск. истор. сборник. М., 1840, IV, кн. I, стр. 117—131.

1841 г.

53. Строев, П. Описание старопечатных книг, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского. М., 1841, № 57, стр. 98. — Прибавление II, стр. 243.

Упоминание об И. Федорове.

1842 г.

54. Любич-Романович, В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. Рафаель Барберини. Путешествие в Московию в 1565 г. — „Сын отечества“, 1842, №№ 6, 7.

Отдельно: СПб., 1843, стр. 34, 62.

Посещение Барберини московской типографии И. Федорова в 1565 году См. № 402.

55. Сахаров, И. Хронологическая роспись русской библиографии с 1491 до 1700 года. — Русск. древние памятники. СПб., [1842], стр. 20, №№ 34, 37, 40, 46, 47.

Книги печати И. Федорова.

1843 г.

56. Введение училищ и типографий в России. — Памятник искусств. СПб., 1843, [тетр. 18], стр. 85—87.

1844 г.

57. [Погодин, М. П.] Библиографическое известие о Псалтире Заблудовской. — „Москвитянин“, 1844, сентябрь, смесь, стр. 255—256.

1845 г.

58. О начале книгопечатания в России (с рис.). — Сборник: „Достопамятности Москвы“ К. Тромонина. М., 1845, стр. 17—24.

59. Строев, П. Библиотека императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845, №№ 5, 8, 11, стр. 151.

1846 г.

60. Царский, А. А. Исторический взгляд на развитие книгопечатания в России. — „Моск. губ. вед.“, 1846, № 3, часть неофициальная, стр. 22—23.

Оттиск: 24 стр.

Перепечатано: „Владимирск. губ. вед.“, № 8, часть неоффиц., стр. 31—35.

Пересказ: **Борнчевский, И.** Исторический взгляд на развитие книгопечатания в России. — Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1847 г. Статья третья. Материалы для церковной истории, 7. — „Журн. мин. нар. просв.“, 1849, ч. 61, отд. VI, стр. 163—165.

1847 г.

61. Ф., Е. Р. [Филарет, епископ Рижский — Гумилевский, Д. Г.]. История русской церкви. Период третий (1410—1588). М., 1847, стр. 171—174.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

1848 г.

62. Ундольский, В. Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. — „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1848, № 9, ч. III, №№ 15, 17, 23, 29, 30, 31, 32.

Книги печати И. Федорова.

1849 г.

63. Максимович, М. А. Книжная старина южно-русская. I. Начало книгопечатания в южной Руси. II. Книгопечатание на Волыни. I. Острог. III. Книгопечатание в Червонной Руси. а) Книгопечатание во Львове. 1. Типография Ивана Федорова. — „Временник Общества истории и древностей российских“, 1849, кн. 1, 4. — „Киевлянин“, 1850, кн. III.

Перепечатано: Собрание сочинений. Т. III, Киев, 1880, стр. 664—668, 676—678.

64. [Сахаров, И.] Обозрение славяно-русской библиографии. Хронологическая роспись славяно-русской библиографии. Издания, напечатанные кирилловскими и русскими буквами с 1491 до 1731 года. Т. I, кн. 2, СПб., 1849, стр. 14—18, 20—22; №№ 45, 46, 50, 51, 55, 64, 65, 66, 67.

Книги печати И. Федорова.

1850 г.

65. Очерк происхождения изобретений и открытий. Типография. „Журнал общеполезн. сведений“, 1850, кн. VII, стр. 23.

1852 г.

66. С[негирев], И. Трехсотлетие духовной типографии в Москве. — „Моск. вед.“, 1852, № 147, стр. 1507.

1853 г.

67. Краткий очерк истории Московской Синодальной типографии. — „Моск. вед.“, 1853, № 152, стр. 1567; № 153, стр. 1579.

1854 г.

68. Михайлов, Мих. Ил. Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке. Статья вторая. — „Библиотека для чтения“, 1854, т. 125, ч. I, май, отд. VI, стр. 11—16.

Начало книгопечатания на Руси и И. Федоров.

1856 г.

69. Филарет, еп. [Гумилевский, Д. Г.]. Обзор русской духовной литературы. 862—1720. — „Учен. записки 2-го отделения Академии Наук“, 1856, кн. 3, стр. 140—142.

Отдельно: СПб., 1856.

Начало книгопечатания на Руси и И. Федоров.

1857 г.

70. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Т. 7, М., 1857, стр. 243—244.

Начало книгопечатания на Руси и И. Федоров.

71. Флеров, Иоанн. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб., 1857, стр. 123—124, примеч. 419.

Типография И. Федорова во Львове.

1858 г.

72. Стасов, В. В. Разбор рукописного сочинения Д. А. Ровинского „Обозрение русского гравирования на металле и на дереве до 1725 года“. — Отчет о втором присуждении наград

графа Уварова 25 сентября 1858 г. СПб., 1858, стр. 22, 23, 33, 40—42, 51—52.

Перепечатано Собрание сочинений. 1847—1886. Т. II, СПб., 1894. О гравюрах в книгах печати И. Федорова.

1861 г.

73. Буслаев, Ф. Историческая христоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861, стр. 205—218.

О начале книгопечатания, о языке Апостола 1564 г. и Острожской Библии.

74. Каратаев, И. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. СПб., 1861, №№ 54, 55, 59, 61, 67, 80, 81, 82, 83; стр. 11, 12, 15.

Книги печати И. Федорова.

1864 г.

75. Общество любителей российской словесности при имп. Московском университете... „Моск. вед.", 1864, №№ 55, 56, стр. 1.

Объявление о чествовании 300-летия книгопечатания.

76. Полуденский, М. Трехсотлетие московского книгопечатания 1 марта 1864 года. „Соврем. летопись", 1864, № 9, стр. 4—6.

77. Стасов, В. В. Разбор рукописного сочинения г. Ровинского „Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств". — Отчет о седьмом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1864 года. СПб., 1864, стр. 13, 16, 33—40, 44.

Перепечатано Собрание сочинений. 1847—1886. Т. II, СПб., 1894. О гравюрах в книгах печати И. Федорова.

1865 г.

78. Иконников, В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1865—1866.

2-е исправл. и дополн. изд., Киев, 1915, стр. 526—528. Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

1866 г.

79. Максимович, М. А. Письма о князьях Острожских. Письмо шестое. — „Киевск. епарх. вед.“, 1866, № 9, стр. 289—293.

Отдельно: Киев, 1866.

Перепечатано Собрание сочинений. Т. I, Киев, 1876, стр. 184—186.

И. Федоров в Остроге.

80. [Погодин, М. П.] Церковные книги славянские древлепечатанные в Северо-западном крае. — „Виленск. вестник“, 1866, № 76, №№ 21, 22.

Книги, напечатанные И. Федоровым в Заблудове.

1867 г.

81. Бессонов, П. Об юбилейном издании Московской синодальной типографии (Письмо к издателю „Русского архива“). — „Русск. архив“, 1867, № 5—6, стр. 915.

82. Ш—в, Н. О книгопечатании в России до патриарха Никона. — „Черниговск. епарх. известия“, 1867, Прибавление, стр. 345—347.

1868 г.

83. А., Н. [Лукашевич, Н. Я.] Собрание славянских книг церковной печати Н. Я. Лукашевича. „Москва“ (газета), 1868, № 50.

Книги печати И. Федорова.

84. Максимович, М. А. Память о Киевском воеводе Григории Ходкевиче. — „Утро“. М., 1868, стр. 378—380.

Перепечатано: Собрание сочинений. Т. I, Киев, 1876, стр. 157—159

И. Федоров в Заблудове.

1870 г.

85. Погодин, М. П. Иван Федоров, первый московский книгопечатник. — „Журн. мин. нар. просв.“, 1870, кн. 4, стр. 292—307.

Дополнение: В дополнение к статье „Иван Федоров, московский книгопечатник“. — „Журн. мин. нар. просв.“, кн. 6, стр. 479—481

86. Празднование в Московском археологическом обществе трехсотлетней годовщины введения книгопечатания в России. — „Моск. вед.“, 1870, № 5, стр. 5.

То же: Юбилей первого русского печатника Ивана Федоровича. — „Моск. губ. вед.“, 1870, № 3.

300-летие Заблудовского Евангелия.

87. Ровинский, Д. Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств. М., 1870, стр. 12, 15, 55—57, 62.

Румянцев, В. Е. Сведения о гравировании и граверах при Московском Печатном дворе в XVI и XVII столетиях. Там же, стр. 359.

О гравюрах в книгах печати И. Федорова.

88. Ц—а. Празднование юбилея первого московского книгопечатника. — „С.-Петербургск. вед.“, 1870, № 10, стр. 3.

Соединенное заседание московских типографов и Археологического общества. Речи гр. Уварова, Румянцова, Погодина и Гатцука.

1871 г.

89. [Барсуков, Н.] Список книг церковной печати, хранящихся в библиотеке Святейшего правительствующего синода. СПб., 1871, стр. 11, № 2, 3.

Книги печати И. Федорова.

90. *Иван Федорович, первый русский книгопечатник. Изд. Моск. археолог. общества. М., 1871.

91. [Русская печать и гравюра до Петра I.] (с рис.). — Труды Первого археолог. съезда в Москве в 1869 г. Т. I, М., 1871, стр. V, VII.

92. Ундольский, В. М. Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491-го по 1864-й г. Вып. I. Очерк славяно-русской библиографии с дополнениями А. Ф. Бычкова и А. Викторова. М., 1871, №№ 61, 62, 66, 74, 86, 88, 89; стр. 11—15.

Книги печати И. Федорова.

1872 г.

93. Гатцук, А. Очерк истории книгопечатного дела в России. — „Русск. вестник“, 1872, т. 99, кн. V, стр. 328—343.

94. Попов, Андрей. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, №№ 17, 18, 19, 22, 23.

Книги печати И. Федорова.

95. Румянцев, В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России (с рис.). Вып. I, М., 1872, стр. 1—50, табл. I—V, XIX, XX, XXII, XXIII.

Начало книгопечатания, деятельность И. Федорова и описание Апостола 1564 г.

1873 г.

96. Для биографии И. П. Сахарова. V. Записки. — „Русск. архив", 1873, I, стр. 943—944.

О речи И. П. Сахарова об И. Федорове на новоселье по случаю открытия типографии А. Воейкова. См. № 49.

1874 г.

97. [Гильдебрандт, П. А.] Материалы для западно-русской старопечати. — Памятники русск. старины в зап. губ. Вып. 6, СПб., 1874, стр. 142—143, 156—159.

Книги печати И. Федорова.

98. [Гильдебрандт, П. А.] Перечень по типографиям и годам западно-русской старопечати церковно-славянского шрифта. — Памятники русск. старины в зап. губ. Вып. 6, СПб., 1874, стр. 177, 181.

Книги львовской и острожской типографий И. Федорова.

99. Макарий, архиеп. [Булгаков, М. П.] История русской церкви. Т. VII, СПб., 1874, стр. 121—123; т. IX, СПб., 1879, кн. IV, стр. 470—472.

Начало книгопечатания в Москве и типографии И. Федорова в Заблудове, Львове и Остроге.

1875 г.

100. Леонид, архим. [Кавелин, Л. А.] Славяно-сербские книгохранилища на святой Афонской горе в монастырях Хилен-

даре и святом Павле. — „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1875, кн. I, отд. V, стр. 20, №№ 11, 13.

Книги печати И. Федорова на Афоне.

1876 г.

101. Устинов, М. Памяти первого русского типографа. (Письмо из Москвы). — „Неделя“, 1876, № 41, стр. 1344—1347.

1877 г.

102. Барановский, Стефан, свящ. Краткие исторические сведения о бывших на Волыни православных типографиях. — „Волынск. епарх. вед.“, 1877, № 18, стр. 765, 773, 776, 777.

Типография И. Федорова.

1878 г.

103. Викторов, А. Е. Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного „Апостола“ 1564 года? — Труды Третьего археолог. съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. II, Киев, 1878, стр. 211, 212, 218—220.

104. Каратаев, И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491 — 1730. Вып. I, с 1491 по 1600, СПб., 1878, стр. 130—134, 142—145, 150—152, 164—166, 188—199; №№ 61, 62, 66, 68, 74, 87, 88, 89, 90.

— *То же* СПб., 1883, №№ 69, 70, 75, 77, 84 100, 101, 102, 103

Книги печати И. Федорова.

Рецензия. **Леонид, архим.** — „Журн. мин. нар. просв.“, 1884, кн. 5, стр. 42—44.

1879 г.

105. О памятнике первому русскому типографу. — „Российск. библиография“, 1879, № 3—4, стр. 10.

106. С., Н. [Собко, Н. П.] Очерк книгопечатного дела в России. — Г., А. и С., Н. Русская библиография. Год первый (1878), вып. II, СПб., 1879, стр. 10, 12, 13.

107. [Токмаков, И. Ф.] Хронологический каталог славяно-русских книг церковной печати с 1517 по 1821 г. библиотеки

Московского Главного архива министерства иностранных дел. СПб., 1879, стр. 7—8, №№ 4, 5, 7.

Книги печати И. Федорова.

1881 г.

108. Дамаскин, еп. [Семенов-Руднев, Д.] Библиотека Российская или сведение о всех книгах в России с начала типографии на свет вышедших. Краткое описание российской ученой истории [1785 г.]. — Памятники древней письменности. XI, СПб., 1881, стр. 15, 18, 19, 20, 21, 22.

То же. „Чтения в Обществе истории и древностей российских". 1891, кн. 1 (156).

Начало книгопечатания на Руси и книги печати И. Федорова.

109. Заусцинский, К. Макарий, митрополит всея России. — „Журн. мин. нар. просв.", 1881, кн. 11, стр. 13.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

110. Шляпкин, И. Трехсотлетие первопечатной славяно-русской библии, первенца Острожской типографии. — „Древн. и нов. Россия", 1881, № 1, стр. 180—184.

1882 г.

111. Леонид, архим. [Кавелин, А. А.] Евангелие, напечатанное в Москве в 1564 1568 г. — Памятники древней письменности. [XXXVII], 1882, стр. 14—15, 29—30.

112. Чистович, И. Очерк истории Западно-русской церкви. Ч. I, СПб., 1882, стр. 212 213, 219—220.

Деятельность И. Федорова в Юго-зап. Руси.

1883 г.

113. Гамлет [Измайлов, И. Н.] Арабески столичной жизни. Чествование Ивана Федорова. — „Минута", 1883, № 318.

114. Гамлет [Измайлов, И. Н.] Случайные наброски. Иван Федоров и буржуазия. — „Минута", 1883, № 317.

115. Дмитриевский, А. А. Диакон Иван Федоров, первый русский книгопечатник. (По поводу 300-летия со дня его смерти). „Православн. обозрение", 1883, № 11, стр. 493—510.

116. Добродеев, С. Памяти Ивана Федорова. 1583—1883. (Письмо в редакцию). - „Минута", 1883, № 317.

117. Др., К. Друкар книг, пред тым не виданых. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 330, стр. 1—2.

118. Забелин, И. Первый русский книгопечатник Иван Федоров (Заключительное слово, читанное И. Е. Забелиным в публичном заседании Исторического и Археологического обществ 4 дек. 1883 г.). — „Русь“, 1883, дек., № 24, стр. 12—16.

Перепечатано. „Древности. Труды Моск. археолог. общества“, 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 93—98.

119. Засадкевич, Никифор. Мелетий Смотрицкий, как филолог. Одесса, 1883, стр. 100, 118—120.

Упоминание об И. Федорове.

120. Иванов-Классик. На трехсотлетний юбилей Ивана Федорова. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 331, стр. 3, столб. 1 (в статье № 155).

Стихи, читанные на памятном собрании в Городской думе.

121. Книгопечатное дело. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 324, стр. 1, столб. 6.

Деятельность И. Федорова.

122. Кобылинский, А. Памяти первого русского печатника Ивана Федорова в день чествования его 300-летней кончины 4-го декабря 1883. [Стихотворение]. [М., 1883], 1 стр.

123. Комиссия по устройству 300-летнего юбилея. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 326, стр. 2, столб. 6.

Программа празднования 300-летия кончины И. Федорова 6-го декабря в С.-Петербурге.

124. Комиссия типографов. [Объявление о чествовании памяти Ивана Федорова в Москве]. — „Моск. вед.“, 1883, № 335, стр. 1, столб. 2.

125. Коялович, М. К трехсотлетию смерти русского первопечатника. — „Новое время“, 1883, № 2786.

Перепечатано. 1) „Волынск. епарх. вед.“, 1883, № 36, стр. 1117—1121. — 2) „Литовск. епарх. вед.“, 1883, № 49, стр. 442—444.

126. Ляхницкий, А. Начало книгопечатания в России. Ко дню 300-летнего юбилея со смерти первопечатника русского Ивана Федорова. СПб., 1883, 16 стр.

127. N. Заседание имп. Общества истории и древностей российских 28 ноября. — „Моск. вед.“, 1883, № 335, стр. 4, столб. 1.

Участие Общества в чествовании памяти И. Федорова.

128. Надгробный камень, бывший на могиле русского первопечатника Ивана Федоровича, представившегося во Львове 5 декабря 1583 г. [Снимок]. — „Моск. вед.“, 1883, № 337, стр. 4, столб. 3.

Перепечатано: „Правосл. обозрение“, 1883, дек., стр. 925.

129. Начало книгопечатания в России. — „Всемирная иллюстрация“, 1883, № 778, стр. 446—447.

130. Николаевский, П. Памяти первого русского книгопечатника диякона Ивана Федорова. — „Церковн. вестник“, 1883, дек., № 49, стр. 1—3.

131. Николай, архим. Речь пред панихидой в 300-летнюю годовщину смерти 1-го русского печатника диакона Ивана Федорова. — „Литовск. епарх. вед.“, 1883, № 50, стр. 452—453.

132. От имп. Московского археологического общества. — „Моск. вед.“, 1883, № 335, стр. 1, столб. 2.

Объявление о чествовании 4 декабря памяти И. Федорова.

133. П., В. Трехсотлетие со дня кончины первого русского книгопечатника. — „Моск. вед.“, 1883, № 335, стр. 3, столб. 5; № 336, стр. 4, столб. 1, поправка, опечатки.

Биография И. Федорова и вопрос о постановке памятника ему в Москве.

134. П., В. Чествование памяти первого русского книгопечатника [4 дек. 1883 г.] (с рис.). — „Моск. вед.“, 1883, № 337, стр. 4, столб. 2.

Перепечатано: „Правосл. обозрение“, 1883, дек., стр. 923—924.

135. [Памяти Ивана Федорова]. — „Минута“, 1883, № 316.

136. Первопечатное Евангелие в Риге. — „Литовск. епарх. вед.“, 1883, № 52, стр. 486.

137. [Перенесение праха Ивана Федорова в Москву. Проект]. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 329, стр. 2, столб. 6.

138. [Пересказ статьи **А. С. Петрушевича:** „Иван Федоров. Русский первопечатник. Историческо-библиографическое рассуждение“. Львов, 1883 (см. № 431)]. — „Киевск. старина“, 1883, т. 7, дек., стр. 671—675.

139. Полевой, П. Очерк жизни и деятельности первого русского печатника Ивана Федорова († декабря 5 дня 1583 года) (с рис.). Изд. Комиссии по празднованию юбилея. СПб., 1883, 16 стр.

140. [По поводу 300-летнего юбилея со дня кончины первого русского печатника, диакона Ивана Федорова]. — „Церковн. вестник“, 1883, дек., № 49, Мнения печати по церковным вопросам, стр. 4.

141. [Приглашение Львовского юбилейного комитета во Львов на празднование юбилея И. Федорова]. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 330, стр. 2, столб. 6.

142. [Проект памятника Ивану Федорову на кронштейне Синодальной типографии в Москве. Снимок]. — „Моск. вед.“, 1883, № 337, стр. 4, столб. 3.

Перепечатано: Трехсотлетие. . . , см. № 145.

143. Стипендия имени Ивана Федоровича. — „Моск. вед.“, 1883, № 340, стр. 3, столб. 5.

144. Трехсотлетие кончины первого русского книгопечатника Ивана Федорова. Проект памятника Ивану Федорову скульптора А. Любимова. [Снимок]. — „Всемирн. иллюстрация“, 1883, № 778, стр. 441.

Перепечатано: Трехсотлетие. . . , см. № 145.

145. Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583—1883. Юбилейное издание журнала печатного дела „Обзор графических искусств“ с иллюстрациями, снимками старейших книг, портретами и особым приложением — проекта памятника Ивану Федорову. 5-го декабря 1883. СПб., [1883].

Содержание: Стр. 1: Предисловие. — Стр. 2: **Беземан, фон-, Александр.** Памяти первого друкаря на Руси. (Стих.). — Стр. 3: **Песковский, М.** Что празднуем мы? — Стр. 3—6: **Тарнавский, О. Н.** Иван Федоров, первый книгопечатник на Руси. — Стр. 6: [**Соловьев, С.**]. Введение книгопечатания в России. — Стр. 7—8: [**Строев, П.**]. Первые друкарни у славян. — Стр. 8—9:

[**Погодин, М.**]. Гонение первопечатников. — Стр. 9—10: **Глинский, Г.** Величие и заслуги Федорова. — Стр. 10—12: **Русакова, Ев.** „Клеврет“ первопечатника. — Стр. 12—13: **Волков, А. М.** Старейшая русская типография. — Стр. 14: **Тохмаков, И.** Надгробный камень Федорова. — Стр. 14: [**Полевой, П.**]. Древнейшие типографские термины. — Стр. 14—15: [**Полевой, П.**]. Царь — основатель печатного дела. — Стр. 15: **Фокин, Вл.** Печатание книг 300 лет тому назад. — Стр. 18—19: [**Румянцев, В. Е.**]. Первенец русской печати. — Стр. 19—20: Острожская библия. — Стр. 20—21: **Феликсов, С.** [**Либрович, С. Ф.**] Кто был первым печатником на Руси? — Стр. 21—23: **Либрович, С. Ф.** Книгопечатание в России после Федорова. — Стр. 23: Проект памятника Ивану Федорову на кронштейне синодальной типографии в Москве. (Снимок) — Стр. 23—24: **Михневич, Вл.** Трехсотлетие „божьего дела“ на Руси. — [Отдельная таблица в начале книги — проект памятника скульптора А. Любимова].

Перепечатка: Первый книгопечатник на Руси, московский диакон Иван Федоров, его труды и их значение. — „Странник“, 1883, дек., Обзор журналов, стр. 700—712.

Рецензии: 1) „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 331, стр. 3, столб. 2. — 2) См. № 446.

146. 300-й юбилей первого русского типографа Ивана Федорова. — „Литовск. епарх. вед.“, 1883, № 37, стр. 338.

147. [Уничтожение памятника первому русскому типографу Ивану Федорову]. — „Нов. время“, 1883, № 2721.

148. Фанатическое уничтожение в Галиции памятника 1-му русскому типографу Ивану Федорову. — „Литовск. епарх. вед.“, 1883, № 40, стр. 361.

149. Цвет. К предстоящему трехсотлетнему юбилею дня смерти первого русского печатника Ивана Федорова. — „Минута“, 1883, № 234.

150. Ч., Ф. Славяно-русские типографии. — „Минута“, 1883, № 315.

151. Чествование памяти первого русского книгопечатника, московского диакона Ивана Федорова по случаю трехсотлетия со дня его смерти. — „Странник“, 1883, дек., стр. 732—735.

Чествование во Львове, Москве и Петербурге.

152. Чествование 300-летней годовщины первопечатника диакона Иоанна Федорова в Западном крае (в местностях западно-русского края) [в Вильне, Заблудове и Супрасле] „Литовск. епарх. вед.“, 1883, № 50, стр. 452.

153. [Чествование 300-летней годовщины смерти Ивана Федорова в Киеве]. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 329, стр. 3, столб. 1, Телеграммы.

То же: „Правит. вестник“, 1883, № 266, прибавл., стр. 1; № 267, стр. 3.

154. [Чествование 300-летней годовщины смерти Ивана Федорова в Москве типографами и обществами истории и древностей и археологическим 4 декабря 1883 г.]. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, №№ 329, 331.

То же: „Правит. вестник“, 1883, № 266, прибавл., стр. 1, № 267, стр. 3

155. [Чествование 300-летней годовщины смерти Ивана Федорова в С.-Петербурге в Городской думе 6-го декабря 1883 г.]. — „С.-Петербургск. вед.“, 1883, № 331, стр. 2, столб. 6, Хроника.

156. Я., В. К трехсотлетнему юбилею Ивана Федорова, первого московского типографа († 5 декабря 1583 г.) — „Киевск. старина“, 1883, т. 7, дек., стр. 693—696.

1884 г.

157. ***[Андриевский, А.]** Первый русский книгопечатник. † 1583. Киев, 1884.

— 2-е изд., Киев, 1892, 24 стр.
— 3-е изд., Киев, 1895.
Рецензия: „Журн. мин. нар. просв.“, 1884, № 6, ч. IV оффиц., стр. 65

158. Борзаковский, П. К. Московский книгопечатник XVI в. Иван Федоров (Iwan Fedorowicz Impressor Rutenus). Одесса, 1884, 24 стр.

159. В., К. По поводу юбилея первого русского печатника Ивана Федорова. — „Вестник Европы“, 1884, кн. 3, стр. 413—419.

160. Dziedzicki, Ludwik. Lwów. — „Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich“, Warszawa, 1884, т. V, стр. 510, 521.

Упоминание о типографии и могиле И. Федорова.

161. Первый русский печатник Иван Федоров. — „Нива“, 1884, № 2, стр. 43 — текст, стр. 32—33 — снимок с картины

Штейна „Царь Иван Васильевич Грозный посещает печатный двор. Трехсотлетний юбилей книгопечатания в России“.

162. Pług, A. Jan Fiedorowicz uważany za piérwszego drukarza lwowskiego (с рис.). — „Kłosy“, Warszawa, 1884, № 979, стр. 218, 224.

163. Пташицкий, С. Л. Иван Федоров, московский первопечатник. Пребывание его во Львове. 1573—1583. Очерк по неизданным материалам. — „Русск. старина“, 1884, кн. 3, стр. 461—478.

Издание на польском языке и рецензии: см. № 445, 448.

164. Селецкий, А. Острожская типография и ее издания. — „Волынск. епарх. вед.“, 1884, № 35, стр. 1004—1005; 1885, № 8, стр. 289, 292, 294; № 11, стр. 427—435; № 20, стр. 669.

Оттиск. Стр 81—82, 97, 99, 102, 118—127, 224.

165. Сольский, С. М. Острожская библия. — „Труды Киевск. духовн. академии“, 1884, VII, стр. 293—296, 318—320.

166. Тарнавский, Ал. Какого рода памятник диакону Ивану Федорову желательно видеть в Остроге? — „Волынск. епарх. вед.“, 1884, № 13, ч. неоффиц., стр. 377—382.

Книжная лавка имени Ивана Федорова на месте его бывшей типографии.

167. Трехсотлетний юбилей русского Гутенберга. — „Истор. вестник“, 1884, т. XV, смесь, стр. 216—217.

1885 г.

168. Будилович, Ал. Апостол Львовской первопечати Ивана Федорова Москвитина. 1573—1574 г. (с рис.). — Памятники русск. старины в зап. губ. Вып. VII, Холмская Русь, СПб., 1885, стр. 113—123.

169. Старков, А. К истории книгопечатания. — „Записки Одесского отделения Русск. технического общества“, 1885, янв.—апр., стр. 89.

Оттиск: Одесса, 1885, стр. 12.
Книгопечатание в Москве и И. Федоров.

1886 г.

170. Архангельский, А. Борьба с католичеством и умственное пробуждение южной Руси к концу XVI в. (Исто-

рический очерк). — „Киевск. старина“, 1886, июнь, стр. 238 240.

Деятельность И. Федорова в южной Руси.

171. Krz., I. Ostróg. — „Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich“, Warszawa, 1886, т. VII, стр. 683.

Типография И. Федорова в Остроге.

172. Сидоров, А. А. Исторический очерк русской печати в Привислинском крае. Варшава, 1886, стр. 5—7.

О деятельности И. Федорова.

1888 г.

173. Архангельский, А. С. Очерки из истории западно-русской литературы XVI XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI — перв. пол. XVII в. I - II. — „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1888, кн. 1, стр. 44, 55—58, 97.

Деятельность И. Федорова в Западной Руси.

174. Батюшков, П. Н. Волынь. Исторические судьбы Юго-западного края (с рис.). СПб., 1888, стр. 139, рисунки-образцы острожской первопечати, стр. 157, 161, 165, 169; текст к ним — особая пагинация, стр. 109—111.

175. Владимиров, П. В. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. - Памятники древней письменности. XC, [СПб.], 1888, стр. 31, 204 207, 211.

Книгопечатание на Руси и И. Федоров.

176. Кирпичников, А. И. Очерк истории книги. Две публичные лекции, читанные в г. Одессе. СПб., 1888, стр. 53—54.

Книгопечатание в Москве и И. Федоров.

1889 г.

177. Астафьев, Николай. Опыт истории библии в России в связи с просвещением и нравами. СПб., 1889, стр. 45—49, 59—60.

О книгах печати И. Федорова.

178. Булгаков, Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т. I. С изобретения книгопечатания по XVIII век включительно (с рис.). СПб., [1889 1890], стр. 215—238, 258 -263, 266 -288.

Книгопечатание на Руси и И. Федоров.

179. Леонид, архим. [Кавелин, Л. А.] Редкое старопечатное евангелие. — „Киевск. старина“. 1889, ноябрь, стр. 442.

Упоминание об И. Федорове по поводу Будятычского евангелия

1890 г.

180. Бахтиаров, А. А. История книги на Руси (с рис.). СПб., 1890, стр. 73—84.

181. Николаевский, П. Московский печатный двор при патриархе Никоне. — „Христианск. чтение“, 1890, № 1, стр. 117—118.

182. Хрущев, И. П. О рукописном деле и книгопечатании на Руси. СПб., 1890, стр. 17—30.

— 2-е изд., СПб., 1907, стр. 18—31.

1891 г.

183. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., кн. 4, 1891, стр. 328; кн. 7, 1893, стр. 15, 19, 300; кн. 11, 1897, стр. 191; кн. 15, 1901, стр. 416; кн. 18, 1904, стр. 398; кн. 21, 1907, стр. 269—270; кн. 22, 1910, стр. 384.

Упоминания Погодина об И. Федорове по разным поводам и о 300-летии книгопечатания (кн. 21, стр. 269—270).

184. Иконников, В. Опыт русской историографии. Киев, т. I, кн. 1, 1891, стр. 107, 147, 723, 785, CLXXXIX; кн. 2, 1892, стр. 1332, 1511; указатель, стр. 115; т. II, кн. 2, 1908, стр. 1119, 1811; указатель, стр. 77.

Библиография И. Федорова.

185. Остроглазов, И. М. Книжные редкости. — „Русск. архив“, 1891, кн. II, вып. 8, стр. 445, 450; кн. III, вып. 9, стр. 91.

Книги печати И. Федорова.

186. Пыляев, М. И. Старая Москва (с рис.). [СПб., 1891], стр. 445, 446.

Книгопечатание в Москве и И. Федоров.

187. Родосский, А. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. Вып. I, 1491—1700 г. включ., СПб., 1891, №№ 10, 13, 14, 19, 20; стр. 22—24, 28—30, 34—35, 173.

Описание книг печати И. Федорова и литература о нем.

188. Чечулин, Н. Иван Федоров, первый русский книгопечатник. — „Родник", 1891, № 6, стр. 611—622.

Рецензия: „Библиограф", 1891, № 9—10, Хроника книговедения, стр. 129.

1892 г.

189. Снегирев, Л. Первинка русского книгопечатания (с рис.). — „Библиограф. записки", 1892, кн. 1, стр. 55—58.

190. Трипольский, Н. Н. Древние волынские православные типографии и их издания. — Сборник: Девятисотлетие православия на Волыни. 992—1892. Житомир, 1892, ч. I, стр. 225, 229—230.

1893 г.

191. Голубев, С. Объяснительные параграфы по истории западно-русской церкви. § 3. Ошибка, вкравшаяся в чтение надгробной надписи на памятнике типографу Ивану Федорову (с рис.). — „Киевск. епарх. вед.", 1893, № 3, стр. 68; № 12, стр. 312—316; рисунок на отдельном ненумерованном листе за стр. 319.

192. Малышевский, И. И. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника. — „Чтения в Истор. обществе Нестора-летописца", 1893, кн. 7, стр. 95—116.

1894 г.

193. Владимиров, П. В. Начало славянского и русского книгопечатания в XV и XVI вв. Приложение III. О московских первопечатных евангелиях до 1564. — „Чтения в Истор. обществе Нестора-летописца", 1894, кн. 8, стр. 20.

194. К. Старопечатные славянские издания (Библиографический очерк). — „Вестник славянства", 1894, кн. X, стр. 120—122.

195. Каманин, И. К истории Киево-печерской лаврской типографии. — „Киевск. старина“, 1894, кн. 8, стр. 277.

Упоминание об И. Федорове как „справце“ Дерманского монастыря.

196. Р., В. [Рудаков, В.] Иван Федоров. — Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз-Ефрон. Т. XII-а, СПб., 1894, стр. 769—770.

1895 г.

197. Акт в Археологическом институте [в С.-Петербурге]. — „Истор. вестник“, 1895, № 7, стр. 238—239.

Пересказ речи А. И. Соболевского о начале книгопечатания на Руси и об И. Федорове.

198. Бахтиаров, А. Иван Федоров, первый русский книгопечатник. Исторический очерк. СПб., 1895, 31 стр.

199. Божерянов, И. Н. Исторический очерк русского книгопечатного дела. СПб., 1895, стр. 9—13.

200. Witanowski, M. R. Zabłudów. — „Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich“, Warszawa, 1895, t. XIV, стр. 191.

201. Выставка печатного дела. — „Новое время“, 1895, №№ 6818, 6820, 6831, Маленькая хроника.

То же: „Книговедение“, 1895, № 3, стр. 32—33.
Уголок памяти И. Федорова.

202. Голубинский, Е. Е. К вопросу о начале книгопечатания в Москве. — „Богословск. вестник“, 1895, февр., стр. 234—238.

203. Малышевский, И. И. Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб., 1895, ч. I, стр. 164—172.

Деятельность И. Федорова.

204. Обзор Первой всероссийской выставки печатного дела. СПб., 1895.

Содержание: № 3, стр. 1, 6, 7, 8: **Бахтиаров, А.** Путеводитель по Первой всероссийской выставке печатного дела. — № 4, стр. 1: Проект памятника первому русскому типографу Ивану Федорову в Москве (скульптура А. Любимова). — № 4, стр. 6—7: Обзор исторического отдела выставки (Отд. I. Церковно-славянские старопечатные издания). — № 6, стр. 4—5: **Цветков, Иван.** Герб Ивана Федорова (с рисунком). — № 6, стр. 6: Печатня Ивана Федорова (к рисунку). — № 19, стр. 6: Спор о первопечатнике [С. Л. Пташицкого с А. Филипповым].

205. Памятники типографского искусства. — Альманах-ежегодник П. О. Яблонского. СПб., 1895, стр. 284—285.

Книгопечатание в Москве и И. Федоров.

206. Первая всероссийская выставка печатного дела. Каталог исторического отдела. 19 февраля — 15 июня 1895. СПб., 1895, №№ 15, 54, 62, 63, 64, стр. 6—7; № 3 [второй счет], стр. 9.

Книги печати И. Федорова.

207. Пташицкий, С. Л. Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий. Материалы для истории славянского книгопечатания. Ч. I, XV и XVI век, СПб., 1895, табл. XVI, XVII, XIX, XX, XXI, XXII.

Образцы шрифтов И. Федорова.

208. Ровинский, Д. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. (Посмертное издание). СПб., 1895, стр. 14—19, 22—23, 145—147, 150—154, 163—165.

Гравюры в книгах печати И. Федорова.

209. Снегирев, Л. Иван Федоров, первый русский книгопечатник. Исторический очерк. СПб., 1895.

210. Трубачев, С. Прошлое и настоящее печатного дела в России. — „Истор. вестник", 1895, № 6, стр. 862—863, 876—877.

211. Филиппов, А. Первая книга Ивана Федорова на Первой всероссийской выставке печатного дела. — „Новое время", 1895, № 6852, стр. 3.

Дополнение: Еще о первой русской книге (Письмо в редакцию). — Там же № 6858, стр. 3.

Ответ А. Филиппову от редакции: Там же, № 6856.

212. Ширяев, Н. Общий взгляд на Первую всероссийскую выставку печатного дела (с рис.). — „Нива", 1895, № 16, стр. 385—386; № 17, стр. 412.

О деятельности И. Федорова и его „воспоминаниях" — „Повести".

213. Шрекник, Е. Ф. Иван Федоров, пионер просвещения великой Руси. Историческая повесть о начале книгопечатания в России. СПб., 1895, 122 стр.

Рецензия: **М., В. Н.** — „Новое время", 1895, № 6858, стр. 3.

214. Шрекник, Е. Ф. Исторический очерк развития письменности и типографского искусства в России. СПб., 1895, стр. 11.

1897 г.

215. Папков, А. А. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. — „Богословск. вестник“, 1897—1899.

Отдельно: 1900, стр. 5—8.

И. Федоров на юго-западе России.

216. Русак [Либрович, С. Ф.] Трехсотлетие русской книги (с рис.). — „Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф“, 1897, № 2, стр. 29—31.

Упоминание об И. Федорове.

217. Харлампович, К. Острожская православная школа. — „Киевск. старина“, 1897, май, стр. 182—183, 194.

И. Федоров в Остроге.

1898 г.

218. Библиографические материалы. Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н. П. Смирнова. СПб., 1898, стр. 121—147.

Библиография книгопечатания и И. Федорова.

219. Фр. Ян. Печатное дело. — Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз-Ефрон. Т. XXIII-А, СПб., 1898, стр. 526—527.

Сведения об И. Федорове.

220. Харлампович, К. Западно-русские православные школы XVI и начала XVII века. Казань, 1898, стр. 239—240, 288.

Деятельность И. Федорова в Зап. Руси.

XX ВЕК

1900 г.

221. Голубинский, Е. История русской церкви. Т. II, М., 1900, стр. 802—803.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

222. Ольхин, П. М. Иоганн Гутенберг, изобретатель книгопечатания. Майнц 1400 — СПб. 1900. СПб., 1900, бюст И. Федорова; на супер-обложке — статья Филиппова, см. № 226.

223. Покровский, П. И. История русской книги в очерках и образцах (с рис.). — „Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф", 1900, № 2, стр. 22—26; 1901, № 3—4, стр. 40—45.

Начало книгопечатания и деятельность И. Федорова.

224. Полевой, П. Н. История русской словесности (с рис.). СПб., 1900, т. I, стр. 199—206.

Начало книгопечатания и деятельность И. Федорова.

225. Титов, А. Собрание старопечатных книг библиотеки А. И. Кастерина. „Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф", 1900, № 2, стр. 22, №№ 15, 17, 23, 29, 30, 31, 32.

То же: * Ростов, 1905.

Перечень книг печати И. Федорова с указанием цен на них в 1842 г.

226. Филиппов, А. Максим Грек и Иван Федоров. — См. № 222.

227. Цветков, Иван. Краткий обзор истории книгопечатания. К 500-летнему юбилею Гутенберга. 1400—1900. СПб., 1900, стр. 25—31.

Книгопечатание на Руси и И. Федоров.

1901 г.

228. Воробьев, Г. А. В столице Галицкой Руси (Историко-археологические очерки Львова) (с рис.). — „Истор. вестник", 1901, окт., стр. 298, 306—312.

Деятельность И. Федорова во Львове.

229. *[Записка, изданная Московским археологическим обществом по случаю объявления конкурса на проект памятника Ивану Федорову, со статьей И. Е. Забелина. М., 1901].

Сведения об И. Федорове и костюме его времени. План и вид местности, предназначенной для памятника. Записка издана для лиц, желающих участвовать в конкурсе.

230. Засодимский, П. Первый русский печатник Иван Федоров (Биографический очерк). М., 1901, 24 стр.

231. Как делают книги? Сборник статей (Библиотека „Детского чтения"). М., 1901.

Содержание: Стр. 12: **Бахтиаров, А. А.** Как печатаются книги и газеты. — Стр. 40—41: Из истории печатного дела.

Деятельность И. Федорова.

232. Карский, Е. Ф. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901, стр. 331—332.

— *То же*: Славянская кирилловская палеография. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1928, стр. 173, 313.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

233. Памятник Ивану Федорову. — „Печатн. искусство", 1901, ноябрь, стр. 64.

Конкурс.

234. [Памятник первопечатнику Ивану Федорову]. — „Истор вестник", 1901, апр., стр. 401—402; окт., стр. 363.

235. Филиппов, А. Простые беседы. II. — „Печатн. искусство", 1901, дек., стр. 92—93.

Беседы с наборщиками о начале книгопечатания в Москве и И. Федорове

236. Филиппов, А. Как я знакомлю учеников с теорией типографского искусства? — „Печатн. искусство", 1901, дек., стр. 91—92; 1902, янв., стр. 124—125; март, стр. 195—196.

Беседы с наборщиками о книгопечатании на Руси и деятельности И. Федорова.

1902 г.

237. Археологическое общество в Москве. — „Истор. вестник", 1902, июнь, стр. 1142—1143.

Модели памятников И. Федорову М. Антокольского и С. Волнухина.

См. также №№ 240, 241.

238. Каманин, И. М. Обзор выставки рукописей и старопечатных книг при XI археологическом съезде. — Труды XI археологического съезда. Т. II, М., 1902, стр. 167—168.

239. Памятник первопечатнику. — „Истор. вестник", 1902, февр., стр. 773.

240. Присуждение премии за проект памятника первопечатнику. — „Истор. вестник", 1902, май, стр. 780—781.

Проекты С. Волнухина и Андреева.

См. также №№ 237, 241.

241. Проекты памятника [Ивану Федорову]. Конкурс [в Москве в марте 1902 г.]. — „Печатн. искусство", 1902, май, стр. 239, 241 и табл.

Снимки с трех премированных проектов Волнухина и Андреева.

См. также №№ 237, 240.

242. С.-Петербургское археологическое общество. [Годовое заседание: доклад С. Л. Пташицкого о судьбе типографии И. Федорова по новым данным]. — „Истор. вестник", 1902, июль, стр. 325.

243. Штейн, фон-, С. В. Иван Федоров (1520—1583). Памяти русского первопечатника (с рис.). — „Печатн. искусство", 1902, янв., стр. 101—104; февр., стр. 135—137.

1903 г.

244. Миловидов, А. И. Судьба русской книги в Северо-западном крае в связи с его культурной историей. — „Христианск. чтение", 1903, т. CCXVI, ч. I, стр. 360, примечание.

245. Пташицкий, С. Л. Иван Федоров. Издания Острожской Библии в связи с новыми данными о последних годах его жизни (с рис.). — „Печатн. искусство", 1903, июль — авг., стр. 291—307.

246. [Соловьев, А.] Государев Печатный двор и Синодальная типография в Москве. Историческая справка. М., 1903, стр. 8—13, 16.

Деятельность И. Федорова.

247. [Соловьев, А.]. Первая русская книгопечатня. Историческая записка о Московской Синодальной типографии. М., 1903, стр. 5.

Деятельность И. Федорова.

1904 г.

248. Кизеветтер, А. А. Иван Федоров и начало книгопечатания на Руси (с рис.). М., 1904, 27 стр.

249. [Протоколы заседаний Московского археологического общества 18 сент. 1901 г. и 25 марта 1902 г.]. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества", 1904, т. XX, вып. 1, стр. 36; вып. 2, стр. 32—35. Протоколы №№ 568, 580 (с прилож.).

Объявление конкурса на проект памятника И. Федорову и присуждение премий.

250. Царь Иоанн Грозный, его царствование, его жизнь, современники и делатели в портретах, гравюрах, живописи, скульптуре, памятниках зодчества и пр. и пр. Под ред. **Н. Головина** и **А. М. Вольфа** (с рис.). СПб.—М., [1904], стр. 65.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

1905 г.

251. Федоров, И. Ф. —Большая энциклопедия. Т. XX, СПб., [1905], стр. 805.

252. Черский, А. Иоганн Гутенберг первый изобретатель книгопечатания и Иван Федоров первый русский книгопечатник (с рис.). СПб., 1905, стр. 24, 27—32.

1906 г.

253. Берлин, Я. А. История книги. Культурно-исторический очерк (с рис.). СПб., 1906, стр. 88—91.

Книгопечатание на Руси и И. Федоров.

254. Чернышев, В. И. Из истории русского правописания. — „Известия Отделения русск. яз. и словесн. Академии Наук", 1906, т. XI, кн. 4, стр. 3—4.

Орфография Апостола 1564 г.

1907 г.

255. Бахтиаров, А. История первой печатной книги (В связи с началом книгопечатания на Руси) (с рис.). 1907.

— 2-е изд., СПб., 1914, стр. 32—49.

256. Грінченко, Б. Братства і просвітна справа на Вкраїні за польского панування до Б. Хмельницького. [Київ], 1907, стр. 21.

Упоминание об И. Федорове.

257. Грунский, Н. К. Образование и воспитание в XVI в. в Московской Руси. — „Русск. школа“, 1907, № 3, стр. 48—49.

Книгопечатание в Москве и И. Федоров.

258. Грушевський, Михайло. Історія України-Руси. Т. VI, Київ — Львів, 1907, стр. 437—441, 490.

Деятельность И. Федорова на Украине.

1908 г.

259. Грінченко, Б. Про книги. Як їх вигадано друкувати. [Київ, 1908], стр. 28—33.

— 2-е изд., Черкаси, 1917, стр. 28—33.

260. Грунский, Н. К. Национальная школа Юго-западной Руси. — „Русск. школа“, 1908, № 11, стр. 25—27.

Типография И. Федорова в Юго-западной Руси.

261. *Денисов, А. И. Первопечатники Иоганн Гутенберг и Иван Федоров. М., 1908.

262. Миловидов, А. И. Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской публичной библиотеки (1491—1800 гг.). Вильна, 1908, №№ 6, 8, 11, стр. 14—17, 19—20.

Книги печати И. Федорова.

263. Миловидов, А. И. Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западно-русских типографий XVI—XVIII в. — „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1908, кн. 1, №№ 367, 368, 371, 372, 373.

Книги печати И. Федорова.

1909 г.

264. Арсеньев, С. В. О любекском типографщике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV в. — „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1909, кн. 4, стр. 17.

Автор первым типографом в Москве считает не И. Федорова, а В. Готана.

265. Барсов, Елпидифор. Начало русского печатного дела. — „Моск. вед.“, 1909, № 222, стр. 2.

266. Выставка в память первопечатника. — „Моск. вед.", 1909, № 221, стр. 1, 2.

267. Георгиевский, Григорий. Первый московский печатник. — „Моск. вед.", 1909, № 221.

268. Жураковский, К. С. Древняя письменность и книгопечатание. Краткое пособие для учебных заведений. Варшава, 1909, стр. 9—10.

269. *Каталог выставки славянских книг в память первопечатника Ивана Федорова. 1491—1708. М., 1909.

270. Кн—ий, Д. [Языков, Д. Д.] Память о первопечатнике. — „Моск. вед.", 1909, № 221.

271. К открытию памятника первопечатнику. — „Моск. вед.", 1909, № 221.

272. [К открытию памятника первопечатнику. Объявление Московского археологического общества о торжествах]. — „Моск. вед.", 1909, № 220.

273. Открытие памятника первопечатнику. — „Моск. вед.", 1909, № 222.

То же: „Новое время", 1909, № 12050, Московская хроника.

274. Федоров, Иван. — Малый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз-Ефрон. Т. II, вып. 4, СПб., 1909, стр. 2209.

1910 г.

275. Жервэ, Ник. Первый на Руси книгопечатник Иван Федоров (с рис.). М., 1910, 35 стр.

276. Уланов, В. Я. Книгопечатание в Москве в XVI—XVII вв. — Сборник: Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 6, [М., 1910], стр. 105—115.

1911 г.

277. Некрасов, А. И. Орнамент славянских печатных изданий XV—XVI в. — „Древности. Труды славянской комиссии Моск. археолог. общества", 1911, т. 5, Протоколы, стр. 52 -54.

Орнамент книг печати И. Федорова.

278. Перетц, В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 г. Киев, 1911.

Содержание: Стр. 111—118: **Щеглова, С. А.** Острожская Библия Волынского древлехранилища. — Стр. 132: Приложение II. Старопечатные книги Волынского епархиального древлехранилища. — Стр. 136: Приложение III. Опись старопечатных книг 1581—1800 года библиотеки Волынской духовной семинарии.

Описания 5 экземпляров Острожской Библии.

279. Соболевский, А. И. Книгопечатание. — Богословская энциклопедия. Т. XII, СПб., 1911, стр. 178, 181—182.

Книгопечатание на Руси, деятельность И. Федорова, библиография.

1912 г.

280. Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание. Т. I—III, М., 1912—1915.

Библиография И. Федорова.

281. Волкова, Е. Первый русский печатник („Книжка за книжкой", № 166). СПб., 1912, 39 стр.

— [2-е изд.], СПб., 1916.

282. Грушевський, Мих. Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII віці (с рис.). Київ — Львів, 1912, стр. 62—64; рисунки — стр. 65, 67, 69, 71, 103.

Деятельность И. Федорова на Украине.

283. Требин, Афанасий. Славяно-русские старопечатные книги древлехранилищ г. Житомира. — „Известия Отд. русск. яз. и словесн. Академии Наук", 1912, т. XVII, кн. 4, стр. 310, 330.

1913 г.

284. Галактионов, И. Д. Иван Федоров (с рис.). — „Наборщик и печатн. мир", 1913, № 160, стр. 727—733.

285. Гинкен, Ант. О чтении и книгах. Вып. I. Очерк истории книг и книгохранилищ. СПб., 1913, стр. 70—72.

Книгопечатание на Руси и И. Федоров.

286. Кашин, Адриан. Памяти первопечатника. Свет печатного слова. [Стихотворение]. — „Наборщик и печатн. мир", 1913, № 160, стр. 726.

287. Либрович, С. Ф. История книги в России (с рис.). СПб.—М., 1913, стр. 54—92.

— 2-е изд., Пгр.—М., 1914, стр. 54—92.

288. М[акаров], В. 350-летие книгопечатания на Руси. — „Старообрядческая мысль", 1913, № 5, стр. 434.

289. Русский немец. Современные Иваны Федоровы. — „Наборщик и печатн. мир", 1913, № 160, стр. 733.

Заметка о первой русской школе печатного дела.

290. Туб—в, Н. Федоров, Иван. — Русский биографический словарь. Яблоновский — Фомин. СПб., 1913, стр. 221—223.

291. Федоров, Иван или Иван Друкарь. — Энциклопедический словарь. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранат и К°. 7-е перераб. изд. Т. 18, Дарвин — Дорохов, М., 1913.

— 11-е стереотипн. изд., М., [1925], стр. 102—103.

292. Филиппов, А. Первый русский типограф. Простые беседы. LXIX. — „Наборщик и печатн. мир", 1913, № 160, стр. 725—726.

1914 г.

293. Апостол (К юбилею первой русской печатной книги). 1564—1 марта — 1914. — „Утро России", 1914, № 48, стр. 5.

294. Барсов, Е. В. Творцы книгопечатного дела в Москве. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества", 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 1—11.

295. Витге, де-, Е. А. Галичина. — „Экскурсионный вестник", 1914, кн. 3, стр. 25.

Упоминание о типографии И. Федорова во Львове.

296. Г., Н. [Гиляровская]. Юбилей книги (с рис.). — „Голос Москвы", 1914, № 50, 1 марта.

Апостол 1564 г.

297. Галактионов, И. Д. Как создавалась книга? (с рис.). [СПб., 1914], вып. I, стр. 74—95.

Деятельность И. Федорова.

298. Денисюк, Н. Первая книга на Руси. — „Наша старина", 1914, № 1, стр. 81—84.

299. Иван Федоров и данные о костюме его времени. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества", 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 91—92.

300. Инсаров, Н. К 350-летию первой печатной книги (с рис.). — „Нива", 1914, № 10, стр. 191—195.

301. История первой печатной книги на Руси (с рис.). — „Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф", 1914, № 3, стр. 84—88.

302. К 350-летию со дня выхода в свет первого печатного Апостола. — „Русск. паломник", 1914, № 9, стр. 129, 141 — рисунки.

303. Каталог Русского отдела [Международной выставки печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 г.]. [СПб.,1914].

Содержание: Стр. 12—13, 15: [Уголок памяти И. Федорова]. — Стр. 23—27: **Покровский, А. А.** Начало книгопечатания на Руси и Московская Синодальная типография. — Стр. 35—37: Старопечатные книги и современная церковная печать — №№ 4, 5, 7.

Изд. на немецк. яз.: [СПб., 1914].

Книги печати И. Федорова.

304. Крестьянинов, Н. Лейпцигская выставка книжной промышленности. — „Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф", 1914, № 7, стр. 187.

Упоминание об И. Федорове.

305. Л—ский, Н. [Лисовский, Н. М.]. Книга. — Новый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз-Ефрон. Т. 21, Пгр., [1914], стр. 943.

Книгопечатание и И. Федоров.

306. Лебедев, Вл. П. Первопечатник. Московская быль. — „Русск. паломник", 1914, № 9, стр. 134—138.

307. Мижуев, П. Книга и книжное дело. — Энциклопедический словарь. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранат и К°. 7-е перераб. изд., т. 24, Кауфман—Кондаков, СПб., 1914.

— 11-е стереотипн. изд., М., [1926], приложение, стр. 4.

308. Начало книгопечатания в России (К 350-летию со дня отпечатания первого Апостола) (с рис.). — „Русск. паломник", 1914, № 9, стр. 132—133.

309. Памятник Ивану Федорову в Москве, открытый 27 сентября 1909 г. [работы С. М. Волнухина]. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества", 1914, т. XXIII, вып. 2, таблица.

310. Петрович, В. Первая книга. — „Русск. паломник", 1914, № 9, стр. 140.

Стихотворение памяти И. Федорова.

311. Покровский, А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества", 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 12, 13, 16—18, 71—72.

Оттиск: М., 1913.

В „Приложении 1" помещена „Краткая записка о возникновении Московской типографии", в которой упоминается И. Федоров. Записка написана в 1727 г. Федором Поликарповым, заведующим Московской типографией.

312. Поселянин, Е. Сила печатного слова (К 350-летию книгопечатания в России). — „Русск. паломник", 1914, № 9, стр. 130—131.

313. Посещение типографии Ивана Федорова боярами (К 300-летию книгопечатания в России). [Снимок с картины Н. Коровина]. — „Русск. паломник", 1914, № 9, стр. 136—137.

314. Постановление жюри конкурса, закладка памятника [И. Федорову] и его открытие 27 сентября 1909 года. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества", 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 103—108; условия конкурса — стр. 89—90.

315. Протокол соединенного заседания имп. Московского археологического общества и имп. Общества истории и древностей при Московском университете в день открытия памятника первопечатнику Ивану Федорову 27 сентября 1909 года. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества", 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 109—128.

Между прочим (стр. 112) упоминание о докладе А. Н. Соловьева: „Московское книгопечатание в XVI веке".

316. Протоколы заседаний, предшествовавших открытию памятника Ивану Федорову. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества“, 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 99—102.

317. Ревнители книгопечатания на Юго-западе Руси, у которых работал диакон Иван Федоров. — „Русск. паломник“, 1914, № 9, стр. 135.

Снимки с портретов кн. К. К. Острожского и гетмана Г. А. Ходкевича.

318. Ск., Е. [Скиф, Евгений — Егоров, В. А.]. К судьбам русской книги (По поводу 350-летия книгопечатания на Руси, 1 марта 1564 г.). — „Живое слово“, 1914, № 9, стр. 153—155.

319. — ск — [Боднарский, Б. С.] 350-летие русской книги (1564 — 1 марта — 1914). — „Библиограф. известия“, 1914, №№ 1—2, стр. 172—173.

320. Славинский, М. Церковно-богословские книжные сокровища России (К 100-летию имп. Публичной библиотеки) (с рис.). — „Русск. паломник“, 1914, № 2, стр. 26.

Книги печати И. Федорова.

321. Славутин, М. Иван Федоров и Острожская типография. Исторический очерк (с рис.). — „Русск. паломник“, 1914, № 9, стр. 139—140.

322. Сперанский, М. Н. Иван Федоров и его потомство. — „Древности. Труды Моск. археолог. общества“, 1914, т. XXII, вып. 2, стр. 80—88.

Оттиск: М., 1913.

Типографии И. Федорова и их преемницы.

323. Сперанский, М. Н. История древней русской литературы. М., 1914, стр. 73, 553, 561.

— 2-е изд., М., 1914, стр. 75, 585, 594.

— 3-е изд., Московский период, М., 1921.

Упоминание о деятельности И. Федорова.

324. Тураева-Церетели, Е. Галицкая Русь от древности до наших дней (Исторический очерк) (с рис.). — „Экскурсионный вестник“, 1914, кн. 4, стр. 73—74.

Упоминание об И. Федорове и снимки с Львовского Апостола 1574.

325. Харлампович, К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I, Казань, 1914, стр. 95—97.

Деятельность И. Федорова в Юго-западной Руси.

1915 г.

326. Ардов, А. Памятники русской истории в Галиции. Очерк. — „Нива“, 1915, № 9, стр. 174—175.

О друкарне и надгробии И. Федорова.

327. Верещагин, В. По поводу статьи: „Где же правда?“ (Письмо в редакцию). — „Наборщик и печатн. мир“, 1915, № 187, стр. 1687.

О надгробии И. Федорова.

328. Верещагин, В. Старый Львов (с рис.). — „Старые годы“, 1915, апр.—май, стр. 51—52.

Церковь Онуфрия и надгробие И. Федорова.

329. Любознательный. В часы досуга. Где же правда? „Наборщик и печатн. мир“, 1915, № 186, стр. 1636—1637.

О надгробии И. Федорова по докладу А. И. Ходоровского и статье В. Верещагина в „Старых годах“. См. № 327, 328, 330.

330. Любознательный. В часы досуга. Радостная весть. — „Наборщик и печатн. мир“, 1915, № 183, стр. 1516—1517.

О надгробии И. Федорова по докладу А. И. Ходоровского.

331. *Широцкий, К. Типографское искусство на Руси. Каменец-Подольск, 1915.

1916 г.

332. Бессонов, С. В. Надзор за книгой. Опыт систематизации материалов о цензуре в допетровское время. (Очерк истории русского права). М., 1916, стр. 32—33.

Упоминание о деятельности И. Федорова.

333. К нашему приложению. — „Известия служащих в печатных заведениях“, 1916, № 19, стр. 226—228; № 33, стр. 402—403 и 2 таблицы снимков с Апостола и Библии.

Начало книгопечатания и И. Федоров (текст к таблицам).

334. Титов, Федор. Типография Киево-печерской лавры. Исторический очерк. 1606—1616—1916. Т. I, Киев, 1916, стр. 46—56.

Очерк деятельности И. Федорова на Украине.

1917 г.

335. Грушевський, Михайло. Ілюстрована історія України (с рис.). Київ, 1917, стр. 221, 223, 225.

Деятельность И. Федорова на Украине.

336. Дмитренко, Гр. Святокниги. „Книгар“, Київ, 1917, IV, стр. 172—173.

Типографии И. Федорова в Заблудове, Львове и Остроге.

337. Соловьев, А. Н. Московский Печатный двор. Историческая записка о Московской Синодальной типографии (с рис.). М., 1917, стр. 6—7, 18, 47, 54, 58—64.

Начало книгопечатания и И. Федоров.

338. *Тисяченко, Гр. З приводу трьохсотліття надрукування першої української книжки. — „Нова рада“, Київ, 1917, № 153.

1918 г.

339. *Проскурин, Н. П. Изобретение книгопечатания в России. Ростов-на-Дону, 1918.

1920 г.

340. Анисимов, В. Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России. Пгр., 1920, стр. 35—58.

1922 г.

341. Галактионов, И. Беседы наборщика. Техника и история. Пгр., 1922, стр. 65, 73, 76, 112—138.

Деятельность И. Федорова.

342. Галактионов, И. Первопечатник Иван Федоров (с рис.). Пгр., 1922, 87 стр.

343. Типографский календарь на 1922 год, под ред. **И. Д. Галактионова** (с рис.). Пгр., 1922, стр. 70—73, 162—163.

Биография И. Федорова.

1923 г.

344. Буш, В. В. История книги. Пгр., 1923, стр. 28—30.

Книгопечатание на Руси и И. Федоров.

345. Пакуль, Н. М. Книга (с рис.). Харьков, 1923, стр. 84—86.

Книгопечатание на Руси и И. Федоров.

346. 5 декабря 1923. [Памяти Ивана Федорова]. — „Печатный двор“, 1923, № 9, стр. 1—3.

347. Р., С. Первопечатный Апостол и Острожская Библия (с рис.). — „Печатный двор“, 1923, № 9, стр. 3—4.

348. Титов, Ф. Матеріяли для історії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Київ, 1923, стр. 68.

Упоминание об И. Федорове.

349. 350-річча появи першої книжки на Україні — „Бібліолог. вісти“, 1923, ч. 4, Пролегомени, Хроника, стр. 80.

350. Щелкунов, М. И. Искусство книгопечатания в историческом развитии (с рис.). М., 1923, стр. 170—176.

Деятельность И. Федорова.

1924 г.

351. Барвінок, Володимир. Загальний огляд стародруків київських бібліотек. — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3, стр. 134, 140, 144, 145.

Отдельно: Київ, 1924.
Книги печати И. Федорова.

352. Клименко, Пилип. Українські ритодруки. — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3, стр. 115.

Гравюры в книгах печати И. Федорова.

353. Копержинський, Кость. Острозька друкарня в Острозі та в Дермані після Берестейської Унії (1596), її видання та діячі. — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3, стр. 78.

Рецензия: **Огненко, И.**, см. № 497.
Упоминание об И. Федорове.

354. Кульженко, Василь. Минула та сучасна техника друкарська. — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3, стр. 126, 130.

355. Макаренко, Микола. Мистецтво книжки (с рис.). — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3, стр. 99.

Гравюры в книгах печати И. Федорова.

356. Маслов, Сергій. Друкарство на Україні в XVI -XVIII ст. (с рис.). — „Бібліолог. вісти", 1924, ч. 1—3, стр. 32—35, 40—41.

Оттиск: Київ, 1924.
Изд. на немецк. яз.: см. № 522.
Рецензия: **Огненко, И.,** см. № 497.
Деятельность И. Федорова на Украине.

357. Мезьер, А. В. Словарный указатель по книговедению. Л. 1924, стр. 443—445, 450—454, 571—575, 597—599, 670—673, 908. — Ч. II, М.—Л., 1933, стр. 243—246, 248—250, 253—256, 291—298, 302.

Библиография начала книгопечатания на Руси и И. Федорова.

358. Некрасов, А. И. Древнейшая русская гравюра (с рис.) — „Гравюра и книга", 1924, №№ 2—3, стр. 25—27.

О гравюре ап. Луки в Апостоле 1564 г. в связи с гравюрой ап. Матвея в Евангелии, напечатанном до 1564 г.

359. Некрасов, А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках (с рис.). — Сборник: Русская книга от начала письменности до 1800 года. М., MDCCCCXXIV [1924], стр. 67—98.

Деятельность И. Федорова.

360. Некрасов, А. И. Очерки декоративного искусства древней Руси (с рис.). М., 1924, стр. 80 84.

Гравюры в книгах печати И. Федорова.

361. Перетц, Володимир. Українські і білоруські стародруки в бібліотеці Ленінградського університету. — „Бібліолог. вісти", 1924, ч. 1—3, стр. 168—169.

Книги печати И. Федорова.

362. Попов, Павло. Початки друкарства у слов'ян. — „Бібліолог. вісти", 1924, ч. 1—3, стр. 25, 26, 28, 30.

Оттиск: Київ, 1924.
Деятельность И. Федорова.

363. Попов, Павло. Слов'янські інкунабули київських бібліотек (с рис.). — „Бібліолог. вісти", 1924, ч. 1—3, стр. 160—163, №№ 19, 23, 26.

Книги печати И. Федорова.

364. Правдолюбов, В. Н. История письма (с рис.). М., 1924, стр. 69.

Начало книгопечатания в Москве и И. Федоров.

365. Романовський, Віктор. Іван Федоров и друкарська справа на Волині в XVI ст. — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3, стр. 68—74.

Рецензия: **Огненко, И.,** см. № 497.

366. Святкування ювилею. — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3.

Содержание: Стр. 173—174: Львів. (Пересказ статьи № 507). — Стр. 174—176: **Рудинська, Е.** Київ. Полтава. — Стр. 176—177: **О., В.** Вінниця. — Стр. 177: Чернігів. Лохвиця. Прага.

367. Т[исячен]ко, Гр. Казковий і реальний образ першодрукаря. — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3, стр. 171—173.

368. Тисяченко, Григорій. Триста п'ятдесят літ тому і тепер (1574—1924). — „Бібліолог. вісти“, 1924, ч. 1—3, стр. 8.

369. Тітов, Хв. Стара вища освіта в київскій Україні. — „Збірник істор.-фільольог. відділу Українськ. Академії Наук“, 1924, № 20, стр. 20—21.

Упоминание о деятельности И. Федорова.

1925 г.

370. Гераклітов, О. До питання про початок московського друкарства. — „Бібліолог. вісті“, 1925, ч. 1—2, стр. 93—97.

371. Маслов, С. І. Каталог ювилейної виставки українського друкарства (с рис.). Київ, 1925, стр. 6, 11, 15, 20; №№ 6, 10, 11, 62—69.

Книги печати И. Федорова.

372. Маслов, С. І. Українська друкована книга XVI—XVIII вв. (с рис.). [Київ], 1925, стр. 7—11, 14, 16.

373. Попов, Павло. Друкарство, його початок і поширення в Европі (XV—XVI вв.). [Київ], 1925, стр. 68—70.

Деятельность И. Федорова.

374. Святкування 350-літнього ювилею українського друку. Київ. Одеса. Катеринослав. Кам'янець-Подільский. Львів. — „Бібліолог. вісті“, 1925, ч. 1—2, стр. 133—136.

375. 350 років українського друкарства. Виставочний плакат, різав на дереві О. І. Усачов [рисунок]. — „Бібліолог. вісті", 1925, ч. 1—2, стр. 143.

Изображение И. Фёдорова на плакате.

376. Штаден, Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Перевод и вступительная статья **И. И. Полосина.** М., 1925, стр. 104.

Указание Г. Штаденом, служившим в Москве в опричнине, места, где находилась типография И. Федорова.

См. № 401.

1926 г.

377. Гераклитов, А. Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета (К вопросу о начале книгопечатания в Москве). — „Учен. записки Саратовского гос. университета, Педагог. факульт.", 1926, т. V, вып. 2, стр. 3, 7, 17, 19.

378. Клименко, П. Графіка шрифту Острозької Біблії (с рис.). — „Труди Українськ. науков. інституту книгознавства", т. І, Українська книга XVI—XVII—XVIII ст., Київ, 1926, стр. 56—76.

Оттиск: Київ, 1925, 24 стр.

379. Крипякевич, Іван. Найдавніші папірні на Україні (XVI в). — „Бібліолог. вісті", 1926, ч. 1, стр. 64.

380. Левит, Теодор. Апостол 1564 (с рис.). — „Печатник", 1926, № 9, стр. 6.

381. Макаренко, М. Орнаментація української книжки XVI—XVIII ст. (с рис.). — „Труди Українськ. науков. інституту книгознавства", т. І, Українська книга XVI—XVII—XVIII ст., Київ, 1926, стр. 162—172, 193—195.

Оттиск: Київ, 1925.

382. Романовський, В. Друкар Іван Федорович, його життя та діяльність. — „Труди Українськ. науков. інституту книгознавства", т. І, Українська книга XVI—XVII—XVIII ст., Київ, 1926, стр. 1—55.

Оттиск: Київ, 1925.

383. Січинський, В. До питання про автора гравюр українського перводруку. — „Бібліолог. вісті“, 1926, № 3, стр. 58—61.

В статье упоминается доклад на эту же тему А. Биркенмайера на съезде библиотекарей в Праге в 1926 г. (См. № 523).

384. 400-лецьце беларускага друку. [Сборник]. Менск, 1926.

Содержание: Стр. 154: **Пічэта, Уладзімер.** Беларускае Адраджэньне ў XVI сталецьці. [Упоминания об И. Федорове]. — Стр. 225: **Шчакацiхiн, Мiкола.** Граьюры і кніжныя аздобы у выданьнях Францішка Скарыны. [Влияние изданий Скорины на графику Острожской Библии]. — Стр. 243—246, 248: **Пічэта, Уладзімер.** Друк на Беларусі ў XVI і XVII сталецьцях (с рис.). [Типография И. Федорова в Заблудове]. — Стр. 289, 303: **Пічэта, Уладзімер.** Scoriniana (1776—1926). [Упоминания об И. Федорове].

385. Щелкунов, М. И. История, техника, искусство книгопечатания (с рис.). М.—Л., 1926, стр. 303—314.

Деятельность И. Федорова.

1927 г.

386. Большаков, Н. С. Московская фигурная гравюра. Введение. II. Гравюра св. Луки 1564 г. (с рис.). М., 1927, стр. 7 9, 21—26.

387. Маслов, С. Нові работи з історії українського друкарства. — „Бібліолог. вісті“, 1927, № 2, стр. 97, 98, 100.

Рецензия о работах Свенціцкого (см. № 506) и Огієнко (см. № 519).

1928 г.

388. Зернова, А. С. Памятник нижегородской печати 1613 г. — Сборник Публичной библиотеки СССР им. Ленина. I., М., 1928, стр. 58, 59, 63, 66, 68.

Упоминания об И. Федорове.

389. Кузнецова, Ю. Українські та білоруські виддання XVI—XVII ст. у бібліотеці Саратовського Університету. — „Бібліолог. вісті“, 1928, № 1, стр. 33, №№ 1, 2, 5, 6, 7, 8.

Книги печати И. Федорова.

390. Некрасов, А. И. Ориентализмы в первопечатном московском орнаменте (с рис.). — „Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии“, 1928, IV, стр. 329—338.

1929 г.

391. Дружинин, В. Г. 365-летний юбилей первой печатной книги в России (с рис.). — „Вестник знания“, 1929, № 5, стр. 224—226.

1931 г.

392. Федоров, Иван (Иван Федорович Москвитин). — Малая советская энциклопедия. Т. 9, М., 1931, стр. 279.

1932 г.

393. [Г., А. Е.]. Незабвенной памяти родного нам калужанина первопечатника Ивана Федорова, применившего впервые в России важное изобретение книгопечатания, посвящаем мы краткую памятку ученика наборщика. Калуга, 1932, [4] стр.

1933 г.

394. Берков, П. Н. От И. Федорова до наших дней. — „За социалистич. науку“, 1933, № 23 (38), 21 дек., стр. 2, 350 лет книгопечатания.

395. Гарри, А. Первопечатник. — „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, 1933, № 303 (5234).

396. Ленинградское общество коллекционеров. Секция библиофилов и экслибрисистов. Памяти Ивана Федорова. 1583—1933. Л., 1933, 8 стр.

Программа заседания 16 декабря 1933 г., посвященного памяти И. Федорова, и конспект доклада **М. Н. Куфаева:** „Первопечатник Иван Федоров“. Снимки памятника в Москве, заставки Апостола 1564, герба г. Львова и И. Федорова и последней страницы Апостола 1564 г.

397. Малеин, А. И. Западно-европейская книга времени Ивана Федорова. — „За социалистич. науку“, 1933, № 23 (38), 21 дек., стр. 2, 350 лет книгопечатания.

398. Перетц, В. Н. Иван Федоров. — „Вечерняя Красная газета“, 1933, № 270, 25 ноября.

То же: Первый русский печатник. К 350-летию со дня смерти Ивана Федорова. „За социалистич. науку“, 1933, № 22 (37), 10 дек., стр. 3.

399. Тонкова, Р. М. Иван Федоров, друкарь-москвитянин [москвитин]. — „Ленинградский правдист“ [газета типографии „Правда“], 1933, № 41, 25 дек., стр. 2.

400. Юбилейная декада. — „За социалистич. науку“, 1933, № 23 (38), 21 дек., стр. 2, 350 лет книгопечатания.

Расписание лекций и докладов об И. Федорове, организованных Институтом книги, документа, письма Академии Наук СССР в разных ленинградских типографиях, Доме печати и Педагогическом институте им. Герцена.

2. Литература об Иване Федорове, напечатанная на разных языках за границей 1658—1928 гг.

XVI и XVII ВЕКА

1565—1576 гг.

401. * Staden, v., Henrich. Moscowiter Land und Regierung. Beschrieben durch Henrichen v. Staden. [Рукопись].

Изд. на русск. яз.: см. № 376.

1658 г.

402. * Viaggi di Moscovia degli anni 1633, 1635 e 1636 etc. Viterbo, 1658, стр. 191—222. **[Barberini, Raffaello].** Relazione di Moscovia scritta da Raffaello Barberino al conte di Nugarola, Anversa, le 16 ottobre 1565.

Изд. на русск. яз.: см. № 54.

Посещение Барберини в 1565 г. типографии И. Федорова в Москве.

XVIII ВЕК

1704 г.

403. Bergius, N. Exercitatio de Statu Ecclesiae et Religionis Moscoviticae Holmiae, 1704, гл. 16, § 6, стр. 150—155.

2-е изд., Lubecke, 1709; 3-е изд., Lpz., 1722.

Книгопечатание в Москве и „Iwan Hodersson“, т. е. Fiodors-sohn (сын Федора).

1727 г.

404. Frisch, I. L. Origo characteris Sclavonici... Historiae Linguae Sclavonicae Pars... Cap. II. De cultura linguae sclavonicae

beneficio characteris Cyrillici in Typographorum Officinis. Berolini, MDCCXXVII [1727], §§ 2, 3.

Типография в Москве и Остроге; „Iwan Hodersson" (см. № 403).

1729 г.

405. Kohlius, J. P. Introductio in Historiam et rem literariam slavorum, imprimis sacram sive historia critica versionum sclavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri duobus libris absoluta. Altonaviae, MDCCXXIX [1729], кн. I, стр. 24—25.

Упоминание об И. Федорове в связи с Острожским изданием Библии.

1740 г.

406. Hoffmann, I. D. De typographiis earumque initiis et incrementis in Regno Poloniae et Magno Ducatu Lithuaniae cum variis observationibus rem literariam et typographicam utriusq. gentis aliqua ex parte illustrantibus. Dantisci, 1740, стр. 46.

„Typographus Ioannes Theodori Filius ex magna Russia".

XIX ВЕК

1815 г.

407. Bandtkie, I. S. Historya drukarń Krakowskich od zaprowadzienia druków do tego Miasta aż do czasów naszych, wiadomością o wynalezieniu sztuki drukarskiey poprzedzona. W Krakowie, 1815, стр. 147—148.

Заблудовское Евангелие 1569 г.

1822 г.

408. Dobrowsky, J. Institutiones Linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud russos, serbos aliosque ritus graeci, tum apud dalmatas glagolitas ritus latini slavos in libris sacris obtinet. Vindobona, MDCCCXXII [1822], Praefatio, стр. XLVIII—LI.

Типографии И. Федорова в Москве, Львове и Остроге.

1826 г.

409. Bandtkie, I. S. Historya drukarń w Królestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem jako i w krajach zagranicznych

w których polskie dzieła wychodziły. W Krakowie, 1826, т. I, стр. 381—383; т. II, стр. 26—27 , 321.

Типографии И. Федорова во Львове, Остроге и Заблудове.

410. Henderson [Ebenezer]. Biblical researches and travels in Russia; including a tour in the Crimea, and the passage of the Caucasus. London, MDCCCXXVI [1826], стр. 80—81.

Книгопечатание на Руси и И. Федоров.

1836 г.

411. Zubrzycki, D. Historiczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi. Lwów, 1836, стр. 7—13.

Перепечатано: „Временник Ставропигийского института на 1913 г.". Львов, 1912.

Пересказы: 1) * Buchdrucker Fedorow 1573 in Lemberg. Lwów, 1836. — 2) См. № 48.

1837 г.

412. * Kompaniewicz. Cerkiew ś. Onufrego Pustelnika i monaster xx. Bazylianów. — „Lwowianin", Львов, 1837, стр. 71—72.

О надгробии И. Федорова.

413. Погодин, М. П. [Письмо к В. Компаневичу о перенесении надгробия И. Федорова с пола церкви на стену. 1837 г.]— См. № 514.

1841 г.

414. * Kompaniewicz, B. Primus Truber, oraz wiadomości o niektórych drukarniach słowiańskich i dziełach tamże wydanych. — „Pamiętniki historyczne krajowe" Л. Зелинского, Львов, 1841.

1845 г.

415. Lalanne, Ludowic. Curiosités bibliographiques. Paris, 1845, стр. 99—100. (Imprimerie en Russie).

Типографии И. Федорова в Москве и Остроге.

1851 г.

416. **Wiszniewski, M.** Historya Literatury polskiej. T. VIII, Historya drukarń kirylickych w Polsce. Kraków, 1851, стр. 415—418.

Типография И. Федорова в Польше.

1854 г.

417. **Dupont, Paul.** Histoire de la l'imprimerie. Paris, MDCCLIV [1854], т. I, гл. XV, стр. 501—502 (Russie).

Типографии в России и И. Федоров.

418. **Λ., Ф.** Церковь св. Онуфриевская и монастырь оо. василианов на Жолковском предгородии в Львове. — „Зоря Галицкая“, Львов, 1854, № 30, стр. 367.

Надгробие „якого-то печатника московецкого 1583 г.“.

419. * **Łobeski, F.** [Надгробие И. Федорова]. — „Gazeta Lwowska“, 1854, ч. 27—30, прибавление.

1859 г.

420. **Головацкий, Я. Ф.** Начало и действования Ставропигийского братства в Львове по отношению историко-литературному. — Зоря Галицкая яко Альбум на год 1860. Львов, [1859], отд. IV, стр. 471—472.

Надгробие И. Федорова.

1870 г.

421. **Deschamps.** Dictionnaire de géographie ancienne et moderne à l'usage du libraire et de l'amateur de livre... par un bibliophile. Paris, 1870, стр. 894, 978.

Типографии И. Федорова в Москве и Остроге.

1872 г.

422. Fédoroff (Jean) (imprimeur russe...). — Grand dictionnaire universel du XIX siècle par Pierre Larousse. Paris, 1872, т. 8, стр. 187.

1883 г.

423. ***Baranowski, B.** Pierwszy drukarz lwowski. — „Gazeta lwowska“, 1883, № 86.

424. Höher Peter! [Уничтожение надгробного камня И. Федорова]. — „Новый пролом“, Львов, 1883, № 70, Хроника.

425. Иван Федоров. — „Новый пролом“, Львов, 1883, № 94, стр. 1.

Общерусский книжный язык во всех предисловиях И. Федорова.

426. Львовское общество типографов „Огниско“ [чествует юбилей Ивана Федорова...]. — „Слово“, Львов, 1883, №№ 137—138 (2-е изд.).

427. М., Б. Музыкально-литературный вечер в честь памяти Ивана Федорова 5 (17) декабря. — „Новый пролом“, Львов, 1883, № 96.

428. Наумович, И. Стих в 300-летнюю годовщину первого русского книгопечатника Ивана Федорова. — „Слово“, Львов, 1883, №№ 137—138 (2-е изд.).

429. П[лощанский], В. М. Речь, произнесенная по случаю открытия музыкально-декляматорского вечера, устроенного в честь памяти первого русского типографа Ивана Федорова во Львове 5 (17) декабря 1883 г. — „Слово“, Львов, 1883, № 140.

430. * [Памяти Ивана Федорова]. — „Kraj“, Lwow, 1883, № 50.

431. ·**Петрушевич, А. С.** Иван Федоров русский первопечатник. Историческо-библиографическое рассуждение. О начале книгопечатания на Руси вообще, а в городе Львове в особенности. — „Временник Ставропигийского института на 1884 г.“, [Львов, 1883], стр. 137—142.

Оттиск: 1883, 38 стр.

Пересказы: 1) См. № 138. — 2) * „Діло“, Львов, 1883, № 136. — 3) Перша руска друкарня во Львове. — „Зоря“, Львов, 1884, №№ 1—3, стр. 7, 14—15, 24.

Рецензии: 1) „Новый пролом“, Львов, 1883, № 79, Литературные вести. — 2) „Przewodnik bibliograficzny“, Krakow, 1884, № 2, Kronika, стр. 35.

432. По случаю 300-летней годовщины смерти Ивана Федорова. — „Слово“, Львов, 1883, № 140, Новинки, стр. 3.

О телеграмме Славянского благотворительного общества из Петербурга, которая не могла по цензурным условиям быть напечатана в „Слове“.

433. Праздник в 300-летнюю годовщину смерти типографа Ивана Федорова. - „Слово“, Львов, 1883, № 133, Новинки, стр. 3.

434. [Празднование памяти Ивана Федорова польскими типографами во Львове 4 дек. 1883 г.]. — „Слово“, Львов, 1883, № 139, стр. 4.

435. Празднование трехсотлетней годовщины смерти Ивана Федорова, первого русского книгопечатника во Львове 5 (17) декабря 1883 г. — „Слово“, Львов, 1883, № 139.

Два издания № газеты, в первом имеется текст телеграммы Русского академического общества „Буковина“, которая была конфискована и отсутствует во втором издании.

436. [Празднование 300-летней годовщины смерти Ивана Федорова московскими типографами]. — „Слово“, Львов, 1883, №№ 132, 136, Вести из за границы.

437. Руслав. Калейдоскоп. (Трехсотлетняя годовщина смерти Ивана Федорова). — „Слово“, Львов, 1883, №№ 134, 135, 143.

438. Руслав. Трехсотная годовщина кончины Ивана Федорова, первого русского книгопечатника. — „Слово“, Львов, 1883, № 132.

439. Торжество в честь памяти первого русского типографа Ивана Федорова. — „Новый пролом“, Львов, 1883, № 94, Хроника, № 95 (2-е изд.).

440. 300-летний ювилей смерти первого русского типографа Ивана Федорова. — „Новый пролом“, Львов, 1883, № 62, Хроника, стр. 3, № 92 (2-е изд.), Хроника.

441. 300-летняя годовщина Ивана Федорова. — „Слово“. Львов, 1883, №№ 134—135 (два изд.), 137—138 (2-е изд.), Новинки.

Объявления комитета об устройстве празднования юбилея.

442. *[300-летняя годовщина смерти Ивана Федорова]. „Діло“, Львов, 1883, № 139.

1884 г.

443. Иван Федоров (с рис.). — „Наука“, Львов, 1884, № 1, стр. 16—18.

444. Koło literackie we Lwowie... — „Przewodnik bibliograficzny“, Krakow, 1884, № 11, Kronika, стр. 227.

Уничтожение надгробного камня на могиле И. Федорова во Львове.

445. Пташицкий, С. Л. См. №№ 163, 448.

Рецензии: 1) „Przewodnik bibliograficzny“, Krakow, 1884, № 3, Kronika, стр. 59. — 2) **B., J.** „Przegląd powszechny“, Krakow, 1884, кн. IV, стр. 129.

446. Trechsotlietije pierwago drukarja na Rusi Iwana Fiedorowa. См. № 145.

Рецензия: „Przewodnik bibliograficzny“, Krakow, 1884, № 5, Kronika, стр. 100.

1885 г.

447. Leger, L. Fédorov (Ivan Fedorovitch). — La Grande Encyclopédie, inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts. Paris, [1885—1902], т. XVII, стр. 119.

1886 г.

448. Ptaszycki, St. Ivan Fedorowicz drukarz ruski we Lwowie z końca XVI wieku. Ustęp z dziejów drukarstva w Polsce. — „Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności“, Krakow, 1886, т. XI, стр. 1—43.

Оттиск: 1884, 43 стр.

Изд. на русск. яз.: см. № 163.

Рецензии: 1884 г.: см. № 445; 1887 г.: **Bruchnalski, W. A.** — „Kwartalnik historyczny“, Lwów, 1887, т. I, стр. 51—52.

449. Шараневич, Исидор. Юбилейное издание в память 300-летнего основания Львовского Ставропигийского братства. Львов, т. I, 1886, Введение, стр. XVII, примечание.

Пребывание И. Федорова во Львове.

1890 г.

450. *Грінченко, Б. Два славні мужі. Львів, 1890.

Феоль и И. Федоров.

451. *М[ончаловск]ий, О. А. Краткий обзор истории книгопечатания на Руси. — „Новый галичанин“, 1890, стр. 280. — „Беседа“, Львов, 1892, стр. 142—145.

См. № 460.

1895 г.

452. Finkel, Ludwik. Bibliografia historyi polskiej. Ч. 2, Отд. I, Kraków, 1895, стр. 966, №№ 20173—20175.

Библнография И. Федорова.

453. Франко, Іван. Бібліографічна рідкість. — „Записки Наукового товариства імени Шевченка", Львів, 1895, т. VI, кн. 2, стр. 2.

Острожский шрифт И. Федорова в редком издании жития Марии Египетской XVI в.

1896 г.

454. Bostel, F. Z dziejów malarstwa lwowskiego. — „Sprawozdania Komisyi do badania historyi sztuki w Polsce", Kraków, 1896, т. V, стр. 158—159.

И. Федоров и его ученик Гринь Иванович.

1899 г.

455. Norden, J. Die Anfänge des Buchdrucks in Russland. — „Zeitschrift für Bücherfreunde", 3, 2, 1899--1900, H. 9, стр. 344 347.

XX ВЕК

1902 г.

456. * Bostel, F. Przyczynek do dziejów pierwszej ruskiej drukarni we Lwowie — „Pamiętnik Literacki", 1902, 1, 2, стр. 299 303.

1903 г.

457. *Tiberghien, Alb. Quel est le second livre impimé à Moscou? — „Revue de l'Université de Bruxelles", 1903, Mars.

458. Tiberghien, Alb. Quelques mots sur les commencements de la typographie russe. La seconde impression moscovite 1564—1565. — „Revue des bibliothèques et archives de Belgique", 1903, стр. 143—150.

Описание единственного известного экземпляра первого издания „Часовника" 1565 г. печати И. Федорова, находящегося в Королевской библиотеке в Брюсселе. Единственный известный экземпляр второго издания „Часовника" 1565 г. находится в Гос. публичной библиотеке в Ленинграде.

1905 г.

459. Свенцицький, Н. С. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-й половине XIX-го века. Львов, 1905, стр. 11, 16, 128, 142.

Изд. на русск. яз.: СПб., 1906, стр. 47, 51—52.

Упоминания об И. Федорове в связи с поездками русских ученых за границу через Львов.

1906 г.

460. Мончаловский, О. Типография Ставропигийского института (с рис.) — „Временник Ставропигийского института во Львове на 1907 г.“, Львов, 1906, стр. 176—178.

Типография И. Федорова как основа типографии Ставропигийского института.

1908 г.

461. Свенцицкий, Иларион. Каталог книг церковно-славянской печати. Жовква, 1908, стр. 8, 9, 12, 18, 19, №№ 19, 20, 31, 50.

Книги печати И. Федорова в Церковном музее в г. Львове.

1909 г.

462. Henning, P. Denkmal für den ersten Buchdrucker Russlands Iwan Feodorow in Moskau. — „Zeitschrift für Bücherfreunde“, N. F., 1909, H. 9, Beiblatt, Kleine Mitteilungen, стр. 70.

463. *Крипякевич, І. Іван Федоров, перший руський друкарь. — Письмо з Просвіти. Львів, 1909, стр. 194—197.

2-е изд., Львів, 1924.

464. *Н., Н. Церковь св. Онуфрия в Львове. Львов, 1909.

Надгробие И. Федорова.

1910 г.

465. Baerent, K. Die Einführung der Buchdruckerkunst in Russland — „Zeitschrift für Bücherfreunde“, N. F., 1910, H. I, стр. 29—33.

466. Крипякевич, Іван. Львів, його минувшина й теперішність (с рис.). Львів, 1910, стр. 29.

Пребывание И. Федорова во Львове.

467. *Lewicki, I. Bibliographie des Fedorowiczs. Львов, 1910, стр. 74—77.

Библиография „Федоровичей", в том числе и И. Федорова.
Издание в продажу не поступало; указано И. Огиенко. См № 519, стр. 64.

468. Франко, Іван. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. Львів, 1910, стр. 41—42.

Книгопечатание на Украине и И. Федоров.

1911 г.

469. *Grünberg, Jeannot. Iwan Fedorow, Russlands erster Drucker. — „Archiv für Buchgew.", 1911, 48, стр. 26—28.

1913 г.

470. *Kardaszewicz, St. Dzieje dawniejsze miasta Ostroga. Kraków, 1913.

1914 г.

471. Tautz, Kurt. Zur Einführung der Buchdruckerkunst in Russland. — „Zentralblatt für Bibliothekswesen", Leipzig, 1914, März, 3 Heft, стр. 113—125.

1918 г.

472. *Грушевський, М. Українськи стародруки. — „Книга", Вена, 1918 [1921], ч. I, стр. 2.

1921 г.

473. Возняк, Михайло. Історія української літератури. Т. II, ч. I, Віки XVI—XVIII (с рис.), Львів, 1921, стр. 53—57, 63, 67, 70, 201.

Деятельность И. Федорова на Украине.

474. *Голубець, М. Про Гриня Івановича, учня Хведоровича. — „Збірник Львівск. Ставропигії", Львів, 1921, т. I, стр. 256—257.

1922 г.

475. * **Janusz, B.** Przewodnik po Lwowie. Lwów, 1922, стр. 48.

О надгробии И. Федорова.

476. Monumenta Polonicae typographica XV et XVI saeculorum. Volumen I. Cracovia impressorum XV et XVI saeculorum. Edidit Joannes Ptaśnik. Leopoli, MCMXXII [1922], стр. 304, 315—319, 384, примеч., 385.

Иван Федоров и его ученик Гринь Иванович.

Перепечатка львовских актов, изданных Пташицким. См. №№ 8, 448.

1923 г.

477. * **Возняк, М.** Перед ювилеем української книги. „Громадський вістник“, Львів, 1923, № 8—9.

1924 г.

478. * **Брикович, Одарка.** Дещо про книжку. З нагоди 350-ліття українського першодрука. — „Календар Просвіти на 1924 р.“, Львів, стр. 82—89.

479. * **Возняк, М.** Батько українського друкарства (Іван Федорів). — „Календар Просвіти на 1924 р.“, Львів, стр. 90—94.

480. **Возняк, Мих.** Доля друкарні Івана Федоровича (с рис.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 46—48.

481. * **Галабурда, Гр.** Іван Федорович, житте і діяльність. — „Літерат.-науков. вістник“, Львів, 1924, кн. V, стр. 46—48.

482. **Галабурда, Гр.** Як Львів поминав Івана Федоровича в 300-літні роковини його смерти (1883 р.) — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 58—59.

483. **Голубець, Микола.** Графіка друків Івана Федоровича (с рис.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 42—45.

484. **Гординський, Ярослав.** Слідами старої української культури. III. Культура української друкованої книжки в XV—XVIII ст. — „Стара Україна“, Львів, 1924, XI, стр. 166—168.

Об И. Федорове по случаю выхода книги Ил. Свенцицкого „Початки...“. См. № 506.

485. **Дорошенко, Вол.** Перша книжка надрукована на Україні. „Апостол“ Ів. Федоровича. Львів, 1574 р. Бібліогра-

фічний опис (с рис.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, II -V, стр. 38—41.

486. ***Залозецький, В.** Das Jubiläum der Buchdrukerkunst in Lemberg. — „Prager Presse“, 1924, № 241.

487. **Зілинський, Ів.** Львів чи Заблудів. „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 54—58.

488. **Карпович, В.** Старий Львів. II (XIV XVIII вв.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, VII—VIII, стр. 103.

И. Федоров во Львове.

489. **Кревецький, Ів.** Доля надгробного каміня Ів. Федоровича (с рис.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 48—51.

490. **Кревецький, Ів.** Спомини Ів. Федоровича про початки друкарства на Україні (с рис.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 35—37.

491. **Крипякевич, Іван.** Мемуари українців XVI XVIII ст. „Стара Україна“, Львів, 1924, IX—X, стр. 126.

„Повесть“ И. Федорова.

492. **Крипякевич, Ів.** Папір українських друків Ів. Федоровича (с рис.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 45—46.

493. **Михайлович, Б.** Надгробний камінь сина Ів. Федоровича. — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 54.

494. **Михайлович, Б.** Наукове зацікавлення надгробним каменем Ів. Федоровича (с рис.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 51—54.

495. ***Nekrassoff, A. I.** Xylographische Ornamentik der ersten Druckerei in Moskau (с рис.). Leipzig, 1924.

496. **Німчук, Ів.** Памятники. — „Стара Україна“, Львів, 1924, XI, стр. 158.

О надгробной плите И. Федорова.

497. **Огієнко, І.** „Бібліологичні Вісти“, Київ, 1924, ч. 1—3, 350 років українського друку. 1574—1924. [Рецензия]. — „Стара Україна“, Львів, 1924, XII, стр. 192—193.

Упоминание об И. Федорове.

498. ***Огієнко, І.** Друкарська трійця — Фіоль, Скорина і Хведорович. Ч. III. Перший друкар на українській землі — Іван Хведорович. — „Літопис“, Берлин, 1924, №№ 14—15.

Отдельно: Берлин, [1924].

499. Огієнко, Ів. Іван Хведорович в науковій литературі (1704—1924). Бібліографичний нарис. — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 62—74.

Библиография И. Федорова.
То же: см. № 519.

500. ***Огієнко, Ів.** Іван Хведорович. Крашанка на могилу фундатора постійного українського друкарства. — „Діло“, Львів, 1924, № 10186 (10181), стр. 13.

Рецензия на юбилейный выпуск „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V.

501. ***Огієнко, Ів.** Іван Хведорович. Огляд його життя та праці. Історично-літературна монографія з додатком всіх архивних документів про Івана Хведоровича. Львів, [1924].

502. Огієнко, Ів. Іван Хведорович фундатор постійного друкарства на Україні. Життя і діяльність (с рис.). — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 21—34.

503. ***Огієнко, Ів.** Свято української культури. — „Наш світ“, Варшава, 1924, ч. 2 и 3.

Отдельно: Варшава, 1924.

504. Огієнко Ів. Спомини кн. К. К. Остріжського про видання Біблії 1581 р. Вага передмов до наших стародруків. — „Стара Україна“, Львів, 1924, IX—X, стр. 132—134.

505. Свенціцький, Іл. Памяти першого друкаря України. „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 20.

506. Свенціцький, Іл. Початки книгопечатаня на землях України в память 350-літя першої друкованої книжки на Україні у Львові, 1573—4 р. (с рис.). Жовква, 1924, стр. 18—24, табл. VI—XI.

Рецензии: 1) **Голубець, Микола.** — „Записки чина св. Василия Великого“, Жовква, 1925, т. I, вып. 2—3, стр. 400—401. — 2) **Маслов, С.** См. № 387. 3) **Гординський.** — См. № 484.

507. Свято 350-ліття друкарства на Україні. Київ. Львів. Винниця. Прага. — „Стара Україна“, Львів, 1924, II—V, стр. 59—62.

508. *Свято української друкованої книги в память 350-ліття появи першої української друкованої книги у Львові, Львів, 1924, 62 стр.

Стр. 19—35: **Свенціцкий, Іл.** Перший друкар України — Іван Федорів Москвитин.

509. *Святочна Академія, уладжена українськими друкарськими робітниками у Львові дня 18 травня 1924 р. в память 340-ліття появи першої надрукованої у Львові української книжки Івана Федоровича.

Программа празднования. См.: Огієнко, Ів., № 519, стр. 66.

510. * **Січинський, Володимир.** Гравюри українського першодруку (До ювілею українського друкарства) (с рис.). — „Літерат.-науков. вістник", Львів, 1924, т. VI, стр. 150—158.

Отдельно: Львів, 1924, 10 стр.

511. 1574—1924. В 350-ліття друкарства на Україні. „Стара Україна", Львів, 1924, II—V, стр. 19.

512. *[Федоров, Иван и его надгробие] (с рис). — „Wiadomości Konserwatorskie", 1924, № 1, стр. 32.

513. **Schramm, Albert.** Vom russischen Buch (с рис.). — „Zeitschrift für Buchkunde", Leipzig, 1924, № 4, стр. 160—165.

Начало книгопечатания в Москве и деятельность И. Федорова.

514. **Щурат, Василь, д-р.** Довкола намогильного каменя Ів. Федорова. — „Записки чина св. Василия Великого", Жовква, 1924, т. I, вып. I, стр. 132—140.

В приложении III, стр. 140 напечатано письмо **М. П. Погодина** 1837 г., В. Компзневичу о перенесении надгробной плиты И. Федорова с пола церкви Онуфрия на стену. См. № 413.

515. * **Щурат, В.** Пісня друкарів. В 350-ті роковини Івана Федоровича. — „Наш прапор", Львів, 1924, 16 мая.

516. * **Щурат, В.** Помяніть діла батьків! З нагоди 350-ліття української книжки. — „Наш прапор", Львів, 1924, 19 мая.

1925 г.

517. **Карпович, В.** Старий Львів. Церкви. 2. Монастирська церква св. Онуфрія (с рис.). — „Стара Україна", Львів, 1925, V, стр. 91—92.

Надгробная плита И. Федорова.

518. **Огієнко, Ів.** Довкола намогильного каміня Івана Хведоровича. — „Стара Україна", Львів, 1925, I—II, стр. 29—30.

519. **Огієнко, Ів.** Історія українського друкарства. Т. I. Історично-бібліографичний огляд українського друкарства XV—XVIII вв., Львів, 1925, Збірник Фільольогічної Секції Наукового

Товариства імени Шевченка, т. XIX—XX—XXI, Славній памяти Івана Хведоровича, фундатора постійного друкарства на Україні, в 350-ліття появи його першої книжки на Землях Українських присвячує Наукове Товариство імени Шевченка у Львові, стр. 7, 14, 17, 19, 22—24, 26—29, 34—80, 84, 95, 117—122, 124, 126, 129, 137, 140, 144, 158, 163, 165—170, 172—173, 178, 182, 186, 192, 226—232, 235, 251, 362, 367—371, 383—385, 411—412.

Биография И. Федорова с изложением содержания всех архивных документов и библиография, наиболее полная из всех существующих.

Рецензии: 1) **Студинський, К.** — „Стара Україна", Львів, 1925, I—II, стр. 35—36. — 2) **Маслов, С.** См. № 387.

520. Скр., Й. [Скрутень, Й.] Монастирські записки про надгробний камінь І. Федорова. — „Записки чина св. Василия Великого", 1925, т. І, вып. 2—3, Жовква, стр. 379—380.

1926 г.

521. *В 350-ліття друкарства на Україні, 1574—1924 Ювилейн. збірник накладом Науков. товар. ім. Шевченка, Львів, 1926.

522. ***Masslow, S.** Ukrainische Druckkunst XVI—XVIII Jahr. Mainz, 1926.

Изд. на украинск. яз.: см. № 356.

1928 г.

523. Birkenmajer, Aleksander. Kto ilustrował najstarszy druk słowiański, wydany we Lwowie? — Congrès international des bibliothécaires et des amis du livre tenu à Prague du 28 juin au 3 juillet 1926. Procès-verbaux et mémoires publiés par le comité exécutif du congrès. Tome II. Communications et mémoires. Rédigé par Bohuslav Koutník. Prague, 1928, стр. 54—56.

Гипотеза о принадлежности гравюры евангелиста Луки во львовском Апостоле 1574 г. Венделю Шарфенбергу (Wendel Scharffenberg).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Цифры указывают №№, под которыми работы описаны. При авторах и редакторах №№ поставлены без скобок, при других лицах — в скобках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О НАЧАЛЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

А. С. ОРЛОВ

ВОСПОМИНАНИЕ О ДИСПУТЕ ПРОФ. А. И. НЕКРАСОВА & с.

После всех сообщений, сделанных в Академии Наук по поводу 350-летия книгопечатания, я нашел у себя запись о диспуте, посвященном диссертации Алексея Ивановича Некрасова, происходившем в Московском университете 20 апреля 1921 года. Присутствуя на этом диспуте, я, однако, воздержался от выступления, потому что текста диссертации мне предварительно не удалось просмотреть, а машинописные его копии имелись только у оффициальных оппонентов, в числе которых я не состоял. Записав слышанное на диспуте и побеседовав с А. И. Некрасовым, я через короткое время составил для себя из этого материала сжатый конспект, который и решаюсь теперь сообщить без всякого уточнения. Заранее прошу А. И. Некрасова извинить мне неточности, которые неминуемо окажутся в этом конспекте данных, усвоенных лишь по слуху. Считаю мои извинения уже принятыми уважаемым Алексеем Ивановичем в память того, что едва ли не первый его искусствоведческий доклад был выполнен в университетском семинарии приват-доцента Орлова, четверть века тому назад.

Главной темой диссертации А. И. Некрасова было установление зависимости первопечатных московских книг от немецкой ксилографии. Утвердилось мнение, что первопечатниками были Иван Федоров и Петр Мстиславец. Раздавались однако речи, что Апостол 1564 г. не есть перво-печатная московская книга (Погодин, Викторов, Леонид, Соболевский, Лихачев). А. И. Некрасов полагает, что это ясно из самого послесловия первопечатного Апостола, которое надо понимать так, что мысль и старания основать книгопечатание существовали уже 10 лет (значит, выражение „первие" не относится к Апостолу 1564 г.), затем, что эта мысль не связывается именно с Казанским взятием. Ошибка в дате царствования Ивана Грозного — след более раннего содержания послесловия, дата относилась к чему-то другому. Т. е. у Ивана Федорова был иной текст послесловия и много разных соображений все это он скомкал и спутал. У Каратаева есть несколько „анонимных" печатных изданий (Евангелия № 66, № 64, № 65, триодь № 67, псалтири № 66 и 82), они не югославянской, но московской печати и по крайней мере частью их предшествовали Апостолу 1564 г., а судя по орнаменту — родственны этому Апостолу и даже № 65 использовал ту же доску, что в Апостоле 1564 г. Что же касается Типографского Евангелия № 183, рукописного, но с печатной заставкой, то неизвестно, каких оно годов XVI в. (отправлено в 1914 г. на выставку в Лейпциг), а потому и нельзя сказать, была ли эта „проба" печати перед выходом Апостола 1564 г., или позже. По Некрасову, орнамент первопечатных книг (считая и анонимные) находится в прямой зависимости от немецкой ксилографии. Действительно, изображение в Апостоле 1564 г. евангелиста, т. е. особенно его рамка, чрезвычайно походит на изображение Иисуса Навина в немецкой Нюренбергской Библии 1524 г., только с рамки сняты живые фигуры (амурчики). Эту Библию привез в Россию Миссенгейм alias Бокбиндер, приезжавший в Москву в 1552 г., перед самым открытием Типографии (?); см. статью Снегирева в Русск. истор. сборнике т. IV, кн. 1, стр. 117, и Петрушевича — „Иван Федоров", где напечатано частью письмо датского короля Христиана, отправившего Миссенгейма послом. Относительно путей, каким образом немцами

пересаживалось типографское искусство в Россию, говорят следующие книги: документы в ряде изданий Академии Наук „Россия и Италия“ (Шмурло), Соколов — Протестанты в России (старо, но местами любопытно), Д. В. Цветаев - О протестантизме, Арсеньева — о Готане из Любека. Что касается до Соболевского, который в числе рукописей с печатным ксилографическим оттиском помещает и Филаретово Евангелие, то он ошибается: Некрасов говорит, что роскошный орнамент немецкой ксилографии здесь воспроизведен от руки. Еще также замечательно совпадение одного немецкого концевика с таким же в Часослове Ивана Федорова 1565 г. и еще отдельных цветков в голландских изданиях. Судя по терминам типографской техники в Москве, которые ясно восходят к словам итальянского языка, прежде полагали, что типография образовалась в Москве под итальянским влиянием; в частности — самая типография впервые была названа в Часослове 1565 г. „штанба“ — штампа — итальян. stampa (см. еще Псалтирь 1568 г.); друкарнею типография была названа впервые в Заблудовском издании 1568 г. Но еще А. И. Кирпичников заметил в своей „Истории книги“, что „шт“ — а не „ст“ — свидетельствует о немецком, а не итальянском произношении. Надо иметь в виду, что итальянские типографские термины распространились по всей Европе, и ничто не мешает думать, что в Москву они проникли при посредстве Германии. По заявлению Некрасова заведение книгопечатания в Московском государстве вытекало из еретических кругов московско-новгородских, где почитывали немецкие книжки. (До сих пор — из частной моей беседы с А. И. Некрасовым перед диспутом; далее, - что подробнее выяснилось на самом диспуте, из слов Некрасова и из отзыва проф. Гиацинтова). Связь русской книжности с ксилографической гравюрой и знакомство были и до книгопечатания в Москве, еще с XV в. Не говоря о Буслаевской Псалтири Троице-Сергиевой лавры XV в., миниатюры которой с итальянского, возьмем зубчатые травы в орнаменте Соловецкого Апостола 1532 1542 гг., которые заимствованы в Новгородско-Псковской области с немецко-голландской гравюры, но в них есть и итальянские черты; затем рукопись, писанную в Боровском монастыре при архиепископе Новгородском Макарии; затем Четве-

роевангелие Казанской духовной академии, принадлежащее Сильвестру (Благовещенскому попу) — и в них связь с немецкой гравюрой; наконец, Евангелие Типографской библиотеки № 183, на котором оттиск заставки в стиле Апостола 1564 г. (А. И. Некрасов потому, повидимому, умолчал о Радзивилловском списке летописи, что говорил об орнаменте, а не о фигурах). Итак, немецкая гравюра проникла в Новгород уже в конце XV в. Что касается следов голландской гравюры, то связь эта подкрепляется следами сношения с Голландией, где, напр., после революции колокола из кирок хотели продавать русским. Немецко(-голландское) наличие, в частности в книгопечатании, А. И. Некрасов ведет через Новгород. Но вот и ясные передатчики его в центр Московского государства: Готан из Любека (Римск. имп. - по статье Арсеньева?), Шлитте, приезжавший в Москву еще, кажется, в 1547 г., Миссенгейм посол датского короля (отождествляемый с копенгагенцем Гансом Бокбиндером), который и привез за год до начала московского книгопечатания Нюренбергскую Библию 1524 г. — издание Пейпуса, с библейской гравюрой художника Эргарда Шёна. Эта-то именно гравюра и воспроизведена в Апостоле 1564 г. может быть путем копировки посредством обратного наложения. Что касается роли Новгорода, то ведь все первопечатные московские издания, начиная с Апостола 1564, исполнены на французской бумаге, которая шла из Риги через Новгород. Существо немецких ксилографических гравюр, повлиявших на новгородско-московский орнамент поздняя готика; в Апостоле 1564 г., например, видно отражение готикобарочного стиля; в пол. XV в. германские элементы сплетаются с итальянскими. А. И. Некрасову следовало бы посмотреть немецкий Домострой в печатном издании 1546 г., где ясен путь от Италии в Германию В русской гравюре, а следовательно еще в немецком готическом орнаменте, видны еще мусульманские элементы, арабески, которые зашли под влиянием арабов сначала в Италию, а затем распространились и в других странах Европы, например, из Венеции в Германию. Некоторые элементы А. И. Некрасов прослеживает по переплетам — тиснениям. В Апостоле 1564 г., Часослове 1565 и т. д., в анонимных трех евангелиях, Псалтири и Триоди — орнамент немецкого происхождения,

но от немецкой ксилографии взяты только элементы, композиция же их совершенно славянская, листья и т. д. соединены в характерной (особого характера) симметрии, чуждой готике, и выражены в особой конструктивной схеме Византийского происхождения. Итак, в московских первопечатных книгах заимствован поздний готический орнамент без композиции. Для первопечатных книг московских послужили образцом подражания одно, много — два ксилографических издания. Как уже сказано, Апостол 1564 г. подражал в Нюренбергской Библии 1524 г. рисунку Шёна, скопированному посредством обратного наложения: выброшены живые фигуры, устранено понятие рельефа, оттушовка употреблена для раскраски. Что книгопечатание было в Москве до 1564 г., видно из ссылки Евангелия Тяпинского 1560 г. на Евангелие (sic), друкованное в Москве, и из данных Постной Триоди, оставшейся после епископа Рязанского. О своих предшественниках Иван Федоров и Петр Мстиславец умолчали в послесловии Апостола 1564 г. Оба они, по предположению А. И. Некрасова, — из кружка митрополита Макария и Сильвестра. Типография в Москве разрушена по обвинению в ереси первопечатников (ср. сношения с Германией — приезд Миссенгейма за год до книгопечатания). Интересно, что в 1553 г. Иван Грозный виделся с Максимом Греком. Что касается кружка Макария и Сильвестра, то он разогнан после смерти Анастасии (1560 г.). Вопрос Орлова: почему же Иван Федоров и Петр Мстиславец уцелели? Итак: XIV XV в.— повторное влияние Византии, к XV – пол. XVI — итальянское и немецкое, с пол. XVI — немецкое влияние на русский орнамент. Подробность: первым гравером для московской печати был резчик из Новгорода Васюк Никифоров, привезенный в Москву в 1556 г. „Барокко“ канонически более поздний термин; здесь же, по Некрасову, „предчувствие“ барокко. Плоскостность — из Византии. Рассуждение А. И. Некрасова о начале Типографии противоречит А. Соловьеву „Государев печатный двор и Син. Типография в Москве“, М. 1903.

Закончив здесь сжатый конспект данных диспута и моей беседы с А. И. Некрасовым в 1921 г., позволю себе присоединить две неиспользованные мною в печати записи на оригинале моих Университетских лекций 1916 и 1918 гг.

I

По рабочему, но точному, на мой взгляд, подсчету А. А. Покровского (сообщенному мне 1918 VI 18 ст. ст.), в Москве было всего напечатано до 1615 г.:

1. Апостол 1564 г., Николы чудотворца Гостунского диакон Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец. 7071 г. апр. 19 — 7072 г. марта 1.

2. Часовник 1565 г., те же. 7074 сент. 2 — 7074 окт. 29.

3. Псалтирь 1568 г., Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев. 7076 марта 8 — 7077 дек. 20.

4. Псалтирь 1577 г. „в новом граде Слободе", Андроник Тимофеев Невежа. 7084 июня 20 — 7085 января 31.

5. Триодь постная 1589 г., А. Т. Невежа. 7096 дек. 20 — 7098 нояб. 8.

6. Триодь цветная 1591 г., 1590 авг. 26 — 1591 нояб. 24.

7. Псалтирь 1591 г. (издание сомнительное).

8. Октоих в 2 кн. 1594 г. 1592 июня 8 — 1594 янв. 31.

9. Триодь цвет. 1594 г. (сомнит.?).

10. Апостол 1597 г. 1596 мая 21 — 1597 июля 4.

11. Часовник 1598 г. мая 17 — июля 27.

12. Минея Общая f⁰, 1600 г. 1599 июня 4 — 1600 июня 29.

13. Минея Общая f⁰, 1600 г. 1599 июля 13 — 1600 авг. 19

14. Чиновник архиерейский 1600 г. (сомнительное).

15. Часовник 1601 г. 1600 дек. 1 — 1601 г. янв. 9.

16. Служебник 1602 г. 1601 дек. 17 — 1602 апр. 25.

17. Псалтирь учебная 1602 г. июля 26 — ноября 30.

18. Триодь цветная 1604 г. 1603 апр. 29 — 1604 авг. 30.

19. Евангелие 1605 г. (сомнительное).

20. Служебник 1605 г. (сомнительное).

21. Апостол 1606 г. 1605 июля 5 — 1606 марта 18.

22. Евангелие 1606 г. 1605 марта 30 — 1606 июня 29.

23. Триодь постная 1607 г. 1604 сент. 15 — 1607 февр. 28.

24. Минея служебная: *сентябрь* 1607 июня 1 — 1607 дек. 31.

25. Минея общая 1609 г. нояб. 6.

26. Минея служ.: *октябрь* 1609 г. 1608 июля 1 — 1609 сент. 24.

27. Устав церковный 1610 г. 1607 янв. 1 — 1610 апр. 25.

28. Минея служ.: *ноябрь* 1610 г. 1608 авг. 1 — 1610 сент. 17.

29. Чинов. архиерейск. служ. 1610 г. (сомнительное).

30. Минея служ.: *декабрь* (1610 г.?), без даты, неокончено! Издание возобновлено в 1619 г., опять с „сентября". Перерыв до 15 июня 1615 г.

Без выходных листов, но со вкладными XVI в., частию ранее Первопечатного Апостола:

1. Евангелие (у Щапова, вкладн. 23 апр. 1553 г.).
2. Евангелие (у Царского, вкладн. 1569 г.).
3. Евангелие (у Каратаева, вкладн. 3 янв. 1573 г.).
4. Триодь постн. (Воскресенский монастырь, вкладн. 1552 г.).
5. Псалтирь.

II

Связь Московской первой печати с Максимом Греком устанавливается, по моему, между прочим, на основе следующих фразеологических совпадений. В послании к митрополиту Даниилу 1542 г. Максим говорит, что богослужебные книги: „растлешася от преписующих их, ненаученых сущих и неискусных в разуме и хитрости грамматийстей“; и еще в Исповедании веры: „преведох... книги, различно расстленны от преписующих я... предобрейши исправих...“ (Соч. М. Гр., ч. I, 37). Ср. Стоглав (5-й вопрос из первых - ответ в гл. 27 и 28) и Послесловие первопечатного Апостола: св. книги „в них же мали обретошася потребни; прочие же все растлени от преписующих“.

27 февраля
1935 г.

А. И. МАЛЕИН

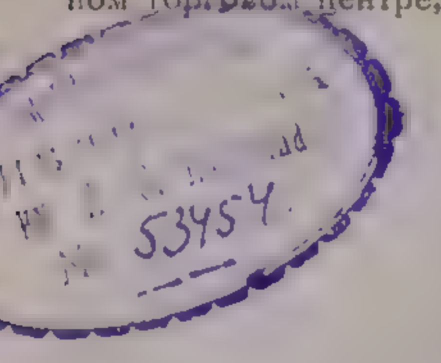
ПЕЧАТНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ XVI ВЕКА В СОБРАНИИ ИНСТИТУТА КНИГИ, ДОКУМЕНТА, ПИСЬМА (инвентарный № 699)

Выходного листа нет. Всех листов 322 и 4 белых в середине книги. На странице 18 строк.

По числу листов это евангелие ближе всего подходит к экземпляру, описанному у Каратаева под № 64, где показано 325 листов и 3 белых. Кроме того, экземпляр ИКДП отличается от описанного у Каратаева иным распределением киновари. Так, в конце зачала 45 (от Иоанна) изображение осьмиконечного креста с копьем и тростью напечатано не киноварью, а черной краской, и только рамка — киноварью.

Экземпляры этого евангелия имеются еще в Ленинграде — в Публичной библиотеке им. М. Салтыкова-Щедрина и в Академии Наук СССР, в Москве — во Всесоюзной Публичной библиотеке им. В. И. Ленина и в собраниях Щапова и Хлудова, ныне в Гос. Историческом музее.

По словам Каратаева, „в одном из экземпляров“ этого издания находится вкладная запись 7071 (1563) г., сделанная в крупном торговом центре, Лампожне (на Мезени).

ОБЪЯСНЕНИЯ К КНИЖНЫМ УКРАШЕНИЯМ

Инициалы, заставки и концовки взяты (в уменьш. виде) из следующих первопечатных книг:

Инициалы: из Апостола 1564 г., Часовника 1565 г. и Псалтыри 1568 г.

Заставки:

Стр. 7 — Триодь постная 1589 г.
„ 9 — Апостол 1574 г., л. рлд
„ 27 — оттуда же, л. скі
„ 73 — оттуда же, л. род
„ 95 — Апостол 1564 г., л. йк
„ 119 — оттуда же, л. рлд
„ 131 — Апостол 1574 г., л. йд

Стр. 157 — Евангелие первопеч. (ок. 1551—1556 гг.). Начальный лист евангелия от Луки
„ 167 — Апостол 1564 г., л. єі
„ 179 — оттуда же, л. рнѕ
„ 201 — оттуда же, л. рн
„ 213 — оттуда же, л. іѕ
„ 283 — оттуда же, л. рлі

Концовки:

Стр. 8 и 166 — Апостол 1574 г., л. слѕ об.
„ 26 и 211 — оттуда же, л. 6 нен.
„ 69, 130 и 175 — оттуда же, л. рлѕ

Стр. 93 — Апостол 1574 г., л. рлі
„ 117 и 155 — оттуда же, л. рчи
„ 200 и 290 — оттуда же, л. рлі об.

Большая точка посредине стр. 4 есть также концовка, применяемая в Апостоле 1564 г.

Титульный лист и переплет — работы М. В. Ушакова-Поскочина.

•

СОДЕРЖАНИЕ

Технический редактор А. А. Федоров. — Ученый корректор А. В. Суслов

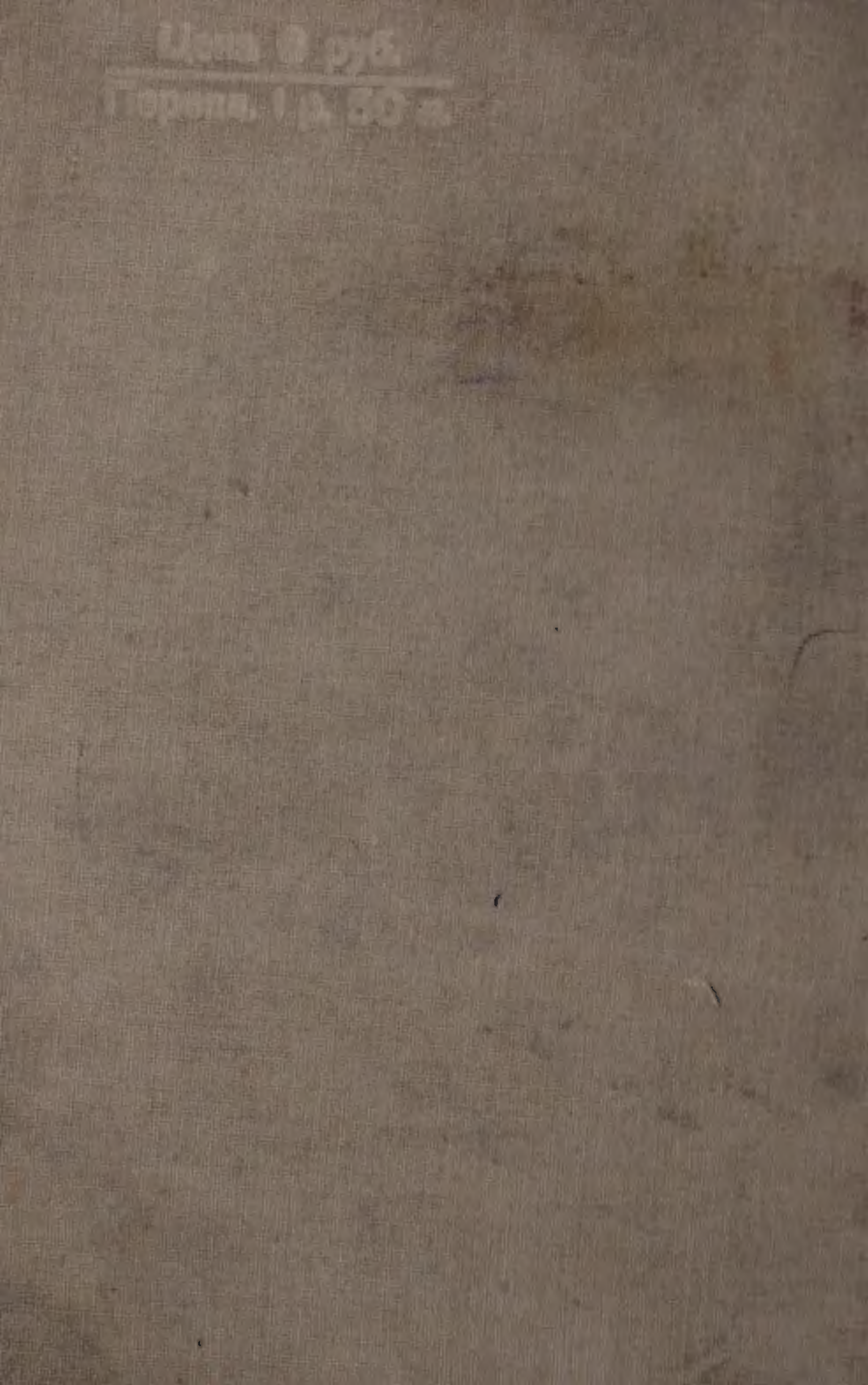
Сдано в набор 23 сентября 1934 г. — Подписано к печати 23 февраля 1935 г.

292 стр. + 9 таблиц

Формат бум. 62 × 94 см. — $19^{3}/_{8}$ печ. л. — 34 250 тип. зн. в л. — Тираж 5175

Ленгорлит № 4547. — АНИ № 381. — Заказ № 519

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

Цена 8 руб.
Перепл. 1 р. 50 к.